

Татарко А.Н., Лебедева Н.М.

**Психология межэтнических отношений.
Этническая идентичность и стратегии межкультурного
взаимодействия**

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические подходы к исследованию этнической идентичности и межкультурного взаимодействия в социальной и кросс-культурной психологии.....	8
1.1. Исследования межэтнических отношений в зарубежной и российской социальной психологии.....	8
1.1.1. Предмет исследования психологии межэтнических отношений.....	8
1.1.2. Исследование межэтнических отношений в зарубежной социальной психологии.....	11
1.1.3. Эмпирические исследования межэтнических отношений в российской социальной психологии.....	19
1.2. Проблема этнической идентичности в социальной и кросс-культурной психологии.....	24
1.2.1. Основные теоретические подходы к исследованию социальной идентичности.....	24
1.2.2. Этническая идентичность: феномен и структура.....	31
1.2.3. Валентность и определенность как характеристики этнической идентичности.....	35
1.3. Воспринимаемая дискриминация и межэтнические отношения.....	43
1.4. Проблема этнической толерантности в кросс-культурной перспективе...	50
1.4.1. Понятие этнической толерантности.....	50
1.4.2. Социально-психологические факторы этнической толерантности.....	52
1.5. Социально-психологические модели стратегий межкультурного взаимодействия в полиэтнических обществах.....	56
1.6. Теоретический подход к исследованию взаимосвязи этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия.....	69
Глава 2. Эмпирическое исследование этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия в Южном федеральном округе.....	77
2.1. Характеристика межэтнического взаимодействия в Южном федеральном округе. Объект исследования.....	77
2.2. Характеристика методического подхода.....	90
2.2.1. Инструментарий исследования, основные показатели и способы обработки данных.....	95

2.3. Результаты исследования взаимосвязи этнической идентичности и воспринимаемой дискриминации с толерантностью-интолерантностью межгрупповых установок.....	101
2.3.1. Взаимосвязь этнической идентичности, воспринимаемой дискриминации и межгрупповых установок.....	101
2.3.2. Типология этнических групп на основании сочетания валентности и определенности этнической идентичности.....	104
2.4. Обсуждение результатов исследования и построение социально-психологической типологии стратегий межкультурного взаимодействия в зависимости от характеристик этнической идентичности.....	115
2.4.1. Взаимосвязь валентности и определенности этнической идентичности с межгрупповыми установками.....	115
2.4.2. Анализ взаимосвязи неопределенности этнической идентичности с межгрупповыми установками на примере казаков Ростовской области.....	117
2.4.3. Роль воспринимаемой дискриминации в межэтнических отношениях групп поликультурного региона.....	134
2.4.4. Социально-психологическая типология стратегий межкультурного взаимодействия (на примере Южного федерального округа).....	136
Выводы.....	154
Заключение.....	158
Библиография.....	160
Приложения.....	175

Введение

Межэтнические отношения являются одной из самых важных сфер жизни общества. Ими чрезвычайно сложно управлять и очень трудно прогнозировать их формирование и развитие. Некоторые философские концепции конца XIX столетия, например, марксизм, предполагали, что со временем этничность будет нивелирована, и различия между представителями различных этнических групп будут постепенно стираться [Зенченко, Савва, 2002]. Реальный ход исторического процесса не подтвердил этих предположений. Напротив, со второй половины XX века во всем мире наблюдается бурный рост этнического самосознания [Стефаненко, 1999]. Эти события не обошли стороной многонациональную Россию, для которой конец XX столетия ознаменовался всплеском этнического самосознания народов, проживающих на ее территории, что, наряду с радикальными социально-экономическими трансформациями, привело к довольно резким изменениям межнациональных отношений во всех регионах страны. Трагическими последствиями этих изменений явились межэтнические конфликты, в том числе и вооруженные, терроризм, массовые миграции по территории страны, часто приводящие к новым конфликтам и столкновениям. Какова психологическая природа связи между ростом этнического самосознания и толерантностью межкультурного взаимодействия? Можно ли на основе характеристик этнической идентичности диагностировать и прогнозировать характер межкультурного взаимодействия? Принимая во внимание то, что на территории Российской Федерации проживают представители многих народов и народностей, исследование взаимосвязей этнической идентичности и особенностей межэтнического взаимодействия приобретает особую актуальность для такого сложного поликультурного общества, как современная Россия.

Исследования межкультурного взаимодействия всегда связаны с проблемой этнической толерантности. Сама логика изучения межэтнических отношений выводит исследователя на вопрос: что же может способствовать улучшению межэтнических отношений между проживающими совместно народами, то

есть этнической толерантности? Проблема этнической толерантности в последние годы стала необычайно популярна в российской психологии [Толерантность и согласие, 1997; Идентичность и толерантность, 2002; Этническая толерантность в поликультурных регионах России, 2002; Хотинец, 2002, Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004 и др.]. Интерес к ней вызван не только недостаточной научной разработанностью, но и огромной практической значимостью.

Многие народы, проживающие на территории России, имеют значительные этнокультурные и конфессиональные различия. Любая ошибка, допущенная при управлении таким сложным поликультурным обществом вследствие непонимания «этнической картины» мира того или иного народа, его культурных норм и ценностей, традиций, может привести к тяжелым последствиям и долго незатухающим конфликтам. Особенно эта проблема актуальна для Южного федерального округа России. Выезжающие в Россию в связи с распадом Советского Союза, а также войной в Чечне мигранты – это не только русские, но и представители множества иных этнических групп. Потоки инокультурных мигрантов, стремящиеся осесть преимущественно на юге России, приводят не только к проблемам, связанным с их трудоустройством, социально-психологической и культурной адаптацией, но и возможным проблемам во взаимодействии с местным населением.

Зарубежными специалистами в области этнической и кросс-культурной психологии уже предпринимались попытки изучения социально-психологических факторов, оказывающих влияние на толерантность (терпимость) и интолерантность (нетерпимость) в межэтнических отношениях [Brewer & Campbell, 1976; Kalin & Berry, 1980; Bochner, 1982; Deschamps & Doise, 1978; Berry J.W., & Pleasants M., 1984, Berry, 1994 Berry, 1999, Berry, Sam, 1997; Moghaddam & Taylor, 1987; Sam, Berry, 2006, Stephan & Stephan, 1985] и др. Их работы позволили выявить и описать множество психологических факторов, по-разному детерминирующих межкультурное взаимодействие.

Исследования психологических стратегий межэтнического взаимодействия проводились преимущественно в рамках психологии этнокультурной адапта-

ции и аккультурации. Материал, накопленный специалистами в данной области, позволил построить разные типологии стратегий межкультурного взаимодействия. В основу различных типологий разными авторами, как правило, закладывается комплекс установок представителей этнических групп по отношению к своей и доминирующей этническим общностям. Таким образом, психологическая стратегия взаимодействия рассматривается как установочное образование – комплекс ингрупповых и аутгрупповых установок, predispositions к определенным видам поведения. В данной работе мы тоже придерживаемся данной точки зрения и рассматриваем психологическую стратегию межкультурного взаимодействия как комплекс установок по отношению к своей и иным этноконтактным группам, которые при определенных условиях могут быть реализованы в поведении большинства представителей этнических групп.

Таким образом, цель проведенного исследования состояла в выявлении взаимосвязи характеристик этнической идентичности (валентности и определенности) с межгрупповыми установками и психологическими стратегиями межкультурного взаимодействия представителей контактирующих этнических групп.

Общая гипотеза исследования заключалась в том, что одинаковые психологические стратегии межкультурного взаимодействия представителей разных этнических групп взаимосвязаны со сходными характеристиками их этнической идентичности и уровнем воспринимаемой дискриминации.

Эмпирическую базу исследования составил социально-психологический опрос представителей 15 этнических и субкультурных групп¹ в различных регионах России. Опрос проходил в городах и поселках Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского края. В выборку по Ростовской области вошли представители 6 этнических и субкультурных групп: казаки, русские, украинцы, армяне, турки-месхетинцы, чеченцы (N=451). В Краснодарском крае

¹ Авторы выражают благодарность за содействие в организации исследования д.и.н., вед. н.с. Т.В. Таболиной, начальнику управления информации идеологии и традиций казачества В.В. Воронину, а также за помощь в сборе материала канд. психол. н. В.Н. Галяпиной, В.Ю. Реммлер, А.Н. Солдатенкову и С.А. Корде.

исследование проходило в Крымском районе (город Крымск и село Нижне-Бакинское). Выборку по данному региону составили представители 4 групп: русские, казаки, турки-месхетинцы, курды (N=200). В Ставропольском крае опрос проводился на базе факультета повышения квалификации Ставропольского государственного университета. В выборку по данному региону вошли представители 5 этнических и субкультурных групп: русские, армяне, чеченцы, дагестанцы, греки (N=266). Таким образом, общая выборка составила 917 человек. Возраст респондентов от 25 до 55 лет, медиана – 38 лет. Выборка уравнивалась по гендерному составу и включала в себя 448 женщин и 469 мужчин. Образовательный статус респондентов: 10,5% опрошенных имели неполное среднее образование, 37,5% – среднее, 22% - средне-специальное, 5% – незаконченное высшее и 25% - высшее.

Опрос проводился в ходе полевых экспедиций, осуществленных сотрудниками и аспирантами отдела этносоциологии и этнопсихологии Института этнологии и антропологии РАН.

Глава 1

Теоретические подходы к исследованию этнической идентичности и межкультурного взаимодействия в социальной и кросс-культурной психологии

1.1. Исследования межэтнических отношений в зарубежной и российской социальной психологии

Прежде чем приступить к обзору зарубежных и российских исследований межэтнического взаимодействия, нужно определить, во-первых, *что* служит предметом подобных исследований, и, во-вторых, выделить некоторую специфику понятия «межэтнические отношения» по сравнению с понятием «межгрупповые отношения».

1.1.1. Предмет исследования психологии межэтнических отношений

В социальной психологии нет общепринятого названия области, изучающей взаимодействие этнических групп. Часто используются такие термины как «межгрупповые отношения» [Стефаненко, 1999 (б); Шихирев, 2000], «межгрупповое взаимодействие» [Агеев, 1990], «межгрупповое поведение» (М. Шериф), «межгрупповое общение» [Лебедева, 1999], «взаимоотношения групп» [Сушков, 1999, 2002], «межэтническое восприятие» [Павленко, 2004]. Каждый из вышеприведенных терминов затрагивает определенный аспект рассматриваемой предметной области. Т.Г. Стефаненко считает, что наиболее широким из всех является термин «межгрупповые отношения», так как он включает в себя не только отношения *между* группами, но и «отношения *к* группам, которые проявляются в представлениях о них» [Стефаненко, 1999 (б)].

Поскольку, в соответствующей области кросс-культурной психологии предметом исследования являются *взаимные образы групп* (преимущественно

межгрупповые установки и стереотипы), в процессе обсуждения будем использовать два наиболее широких термина, отражающих данный предмет: «межэтнические отношения» и «межкультурное взаимодействие». Опираясь на формулировку, данную понятию «психологические отношения» В.П. Позняковым [Позняков, 2002], понятие «межэтнические отношения» мы определяем как совокупность осознаваемых, эмоционально окрашенных представлений и оценок, объектами которых выступают этнокультурные группы или конкретные представители этих групп. Термин «межгрупповое взаимодействие» подразумевает наблюдаемый компонент межгрупповых отношений [Стефаненко, 1999 (б)], соответственно понятие «межкультурное взаимодействие» характеризует взаимодействие между представителями различных этнических, субкультурных и конфессиональных групп. Сразу же отметим, что понятие «психологическая стратегия межкультурного взаимодействия» описывает совокупность установочных образований, регулирующих поведение представителей определенной этнической группы по отношению к представителям иных этнических, конфессиональных и субкультурных групп. То есть психологическая стратегия межкультурного взаимодействия - это установочное образование, регулирующее групповое поведение, которое проявляется (или может проявиться) в определенной социальной ситуации или в определенных социальных условиях. Как отмечает И.Р. Сушков, «термин “установка”, сложившийся в российской психологии - наиболее подходящее обозначение для описания одного из компонентов поведенческой стороны. Это явление, если его представить упрощенно и образно, *служит той границей, за которой начинаются реальные групповые действия*» [Сушков, 2002 с. 29-30]. Этот же автор писал, что личностные установки межперсонального уровня, «организованные на уровне общностей, конкретизируются через установки, определяющие стратегию взаимодействия групп» [Сушков, 1999 с. 206]. Таким образом, мы полагаем, что психологическую стратегию межкультурного взаимодействия можно представить как совокупность установок представителей одной этнической группы по отношению к представителям иноэтнических групп, с которыми члены данной группы про-

живают на одной территории и вступают в непосредственное взаимодействие. Психологическая стратегия, как совокупность социально-психологических установок, позволяет осуществить прогноз психологического содержания этого взаимодействия.

Предмет психологии межэтнических отношений, становится яснее, если соотнести его с предметом социальной психологии в целом. Согласно А.Л. Журавлеву, «социальная психология изучает психологические явления (процессы, состояния и свойства), характеризующие индивида и группу как субъектов социального взаимодействия» [Журавлев, 2002, с. 6]. То есть предметом психологии межгрупповых (межэтнических) отношений будут психологические явления (в данном случае, прежде всего - состояния), характеризующие группы (в том числе и этнические), как субъектов социального (или межэтнического взаимодействия).

С точки зрения П.Н. Шихирева, «социальная психология изучает отражение социальной системы социальными субъектами» [Шихирев, 1985]. Рассмотрение межэтнического взаимодействия с точки зрения системного подхода является методологически верным – суть процессов межэтнического взаимодействия можно понять, если подойти к данной проблеме именно с позиций системного подхода, а этническую группу рассмотреть как коллективного субъекта, обладающего согласованными представлениями относительно других субъектов межэтнического взаимодействия.

В.С. Агеев выделяет в предмете социальной психологии два класса явлений – явления, связанные с социально-психологическим взаимодействием и явления, связанные с отражением последних субъектами взаимодействия [Агеев, 1990]. Согласно данному автору социальная психология должна изучать именно второй класс явлений – субъективное отражение индивидом (и группой) межгруппового взаимодействия.

Опираясь на вышесказанное можно заключить, что при рассмотрении социально-психологического аспекта межэтнических отношений, изучению подлежит *отражение субъектами межэтнических отношений системы их взаи-*

модействия, выражающееся в ингрупповых и аутгрупповых установочных образованиях. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить компоненты данной системы, их иерархию, связи между ними.

В социальной психологии широко обсуждалось соотношение понятий «межличностные» и «межгрупповые» отношения [Tajfel, 1981; Стефаненко, 1999 (б)]. Что касается соотношения понятий «межэтнические отношения» и «отношения межгрупповые», то межэтнические отношения являются разновидностью межгрупповых. Межэтническим отношениям присущи все феномены, свойственные межгрупповым отношениям - ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые конфликты, стереотипизация. Понятие межэтнических отношений включено в понятие межгрупповых, но не полностью, так как межэтнические отношения имеют специфические явления, связанные только с ними, например, этноцентризм, аккультурация, этническая картина мира и др.

1.1.2. Исследование межэтнических отношений в зарубежной социальной психологии

Основные зарубежные подходы к исследованию межгрупповых отношений В.С. Агеев разделил на три основные категории *мотивационные* (З.Фрейд, Т. Адорно), *ситуативные* (М.Шериф), *когнитивные* (А. Тэшфел, Дж. Тернер) [Агеев, 1983]. Большинство зарубежных исследований межэтнического взаимодействия можно классифицировать по тем же основаниям, по которым В.С. Агеев классифицировал подходы к исследованию межгрупповых отношений.

Приведем краткий обзор основных подходов к исследованию межэтнических отношений за рубежом.

Связь культурных измерений с межгрупповыми (межэтническими) отношениями. После того, как Г. Триандисом и Г. Хофстедом [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997] были выявлены шесть основных измерений культур (индивидуализм-коллективизм, простота-сложность, открытость-закрытость,

маскулинность-фемининность, дистанция власти, избегание неопределенности), многими авторами был проведен ряд исследований, направленных на выявление связи данных изменений с характеристиками межгрупповых отношений. Общепринятым является мнение том, что наиболее сильно с межгрупповыми отношениями связан *индивидуализм-коллективизм* [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997, Sam & Berry, 2006]. Члены коллективистских культур видят более сильное различие между членами ингрупп и аутгрупп, чем члены индивидуалистических культур. Соответственно предполагается, что члены коллективистских культур будут чаще и позитивнее взаимодействовать с представителями ингрупп, чем члены индивидуалистических культур. Поэтому процессы взаимного влияния, стремления к внутригрупповой гармонии и явление ингруппового фаворитизма будут более выражены в коллективистских культурах, чем в индивидуалистических. Есть исследования, показывающие, что члены коллективистских культур более сдержанны в аутгрупповой дискриминации, чем члены индивидуалистических культур, но когда между группами существует значительная напряженность или даже ненависть, то члены коллективистских культур склонны к большей межгрупповой дискриминации, чем представители индивидуалистических культур [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997].

В литературе [Hofstede, 1979; Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997] содержатся также упоминания о связи межгруппового поведения и таких измерений, как «дистанция власти» и «маскулинность-феминность». Конструкт «избегание неопределенности» (ИН) по Хофстеду еще значительнее связан с особенностями межгруппового взаимодействия. По сравнению с членами культур, обладающих низким ИН, члены культур с высоким ИН имеют более низкую терпимость «к неясности и двусмысленности, которая выражается в более высоком уровне беспокойства и энергичности, большей потребности в формальных правилах и абсолютной правде, и меньшей терпимости к людям или группам с отклоняющимися от нормы идеями или поведением» [Hofstede, 1979, p. 395]. Поэтому в культурах с высоким уровнем избегания неопределенности

существует значительное стремление к внутригрупповому согласию, и отклонение в поведении от групповых норм неприемлемо. В современной версии теории «управления тревогой/неопределенностью» (Anxiety/Uncertainty Management), Гудикунст [Gudykunst, 1995] доказывает, что взаимодействие с незнакомцами (то есть представителями аутгрупп) в культурах с высоким уровнем избегания неопределенности будет подчиняться строгим правилам и отличаться выраженной вежливостью. Такие правила обеспечивают ясность сценария взаимодействия и позволяют индивидуумам координировать свое поведение с поведением незнакомцев. Если люди из культур с высоким уровнем избегания неопределенности будут взаимодействовать с незнакомцами в ситуации, для которой нет четких формальных правил построения отношений, они могут игнорировать незнакомцев, относясь к ним так, как будто бы их не существует.

Роль социальной идентичности. Теория социальной идентичности (ТСИ) более подробно будет рассмотрена в пункте 1.2.1 данной монографии, так как данная теория является одним из концептуальных оснований проведенного исследования. В обзоре отметим лишь основные моменты, касающиеся связи социальной идентичности с межгрупповыми отношениями.

А. Тэшфел [Tajfel, 1978] показал, что, когда индивидуумы включены в межгрупповое взаимодействие, их поведение направляется их социальными идентичностями. Межгрупповое взаимодействие, с точки зрения Тэшфела, имеет место, когда один из взаимодействующих осознает, что другой является членом иной группы. Пол и раса являются наиболее простыми и универсальными маркерами межгрупповой дифференциации [Brewer, 1988], другими критериями для дифференциации являются язык, одежда, невербальное поведение, и т.д.

Согласно теории социальной идентичности, каждый индивид имеет фундаментальную потребность принадлежать к высокостатусной, сильной, и позитивно оцениваемой группе. А. Тэшфел полагает, что индивиды осуществляют социальную категоризацию, группируя людей важным для них способом и сравнивая свои группы с другими по ведущим с их точки зрения критериям.

Одним из следствий процесса категоризации является развитие социальных идентичностей, которые включают в себя осознание индивидом своей принадлежности к группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этой принадлежности. Индивиды формируют позитивную социальную идентичность, когда воспринимают свою группу как более «выигрышную» по сравнению с другими в соответствии со значимыми для них критериями, и негативную – когда их группа «проигрывает» по этим критериям.

Когда социальная идентичность представителей какой-либо группы негативна, они предпринимают индивидуальные или групповые действия по изменению ситуации межгруппового взаимодействия в свою пользу, чтобы обрести позитивную социальную идентичность. Но индивиды могут попытаться изменить свою групповую принадлежность и идентифицироваться с группой, имеющей более высокий статус [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997].

Исследование Бревер и Кэмпбелла [Brewer & Campbell, 1976] интрупповых и аутгрупповых оценок в Африке и исследование Пибоди [Peabody, 1985] в Европе подтверждают экологическую валидность ТСИ на примере межэтнического взаимодействия. Исследование Бревер и Кэмпбелла показывает, что чем большее количество групповых идентичностей, основанных на различных категориях (например, расе, религии, экономическом положении) совпадает, тем легче такие люди воспринимаются в качестве членов интруппы.

Теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management) (приводится по: Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997). Согласно данной теории, эффективное межличностное и межгрупповое взаимодействие подвержено влиянию тревоги и неуверенности, испытываемыми при общении с другими людьми. Тревожность побуждает людей предсказывать и объяснять чувства, установки и поведение других; она вызывается неуверенностью и проистекает из ощущения трудностей, напряжения, озабоченности по поводу того, что может случиться, и основана на страхе возможных негативных последствий. Установлено, что тревожность выше при общении с членами аутгрупп, чем при общении с членами интрупп. Способы сбора информации в це-

лях уменьшения тревоги и неопределенности различаются в коллективистских и индивидуалистических культурах: члены индивидуалистических культур ищут информацию, основанную на личностных характеристиках незнакомых людей, а члены коллективистских культур – на групповых. Акцент на личностных характеристиках побуждает людей из индивидуалистических культур искать личностного сходства с представителями аутгрупп, а сосредоточение на групповых характеристиках приводит представителей коллективистских культур к поиску групповых сходств при контакте с членами аутгрупп.

Исследования межэтнических установок. Исторически сложилось так, что основным предметом исследований при изучении межэтнических отношений были межгрупповые установки.

Первым инструментом, позволяющим измерить генерализованную установку индивида по отношению к определенной этнической группе, была «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса, созданная им в 1925 г. [Бороноев, Павленко, 1994] и которая использовалась первоначально для изучения установок белых американцев по отношению к афроамериканцам. Дальнейшие исследования межэтнических отношений в поликультурных обществах, преимущественно, были представлены и изучением установок этнического большинства по отношению к меньшинствам [Лебедева, 2002]. Исследований, в которых изучались взаимные установки между несколькими этническими группами значительно меньше. В качестве примера подобных работ, можно привести исследование Бревер и Кембелла, проведенное в Южной Африке и Берри и Калина, которые провели исследование взаимных установок пяти наиболее многочисленных этнических групп Канады [цит. по: Лебедева, 2002]. Исследование показало, что *существует определенная взаимность в установках этнических групп*, проживающих в Канаде. Также Берри и Калин (1996) в исследовании, проведенном в Канаде, показали, что объединение (интеграция) и осознание различий не всегда противоречат друг другу.

Исследования ситуации межэтнического взаимодействия. Межличностное взаимодействие представителей разных культур осуществляется внутри опре-

деленного социального контекста (ситуации), который характеризует отношения между культурными группами и их представителями. Согласно Бочнеру [Bochner, 1982] в межгрупповом контакте ведущими факторами контекста являются *длительность взаимодействия, частота контактов, степень их близости, соотношение статусов групп и их численности*.

Другим важным фактором контекста является *социальное доминирование* [Sagiv & Schwartz, 1995]. Суть его влияния сводится к тому, что при межгрупповом взаимодействии групповые различия становятся более значимыми для представителей этнических меньшинств. Их готовность к межгрупповому контакту в значительной степени подвержена влиянию доминирующих в группе норм, установок и стереотипов в отношении аутгрупп. Для этнического большинства, напротив, групповая принадлежность менее значима, и в межэтническом взаимодействии они руководствуются, преимущественно, личными нормами, ценностями и установками.

Интерпретация поведения представителей аутгрупп. Ислам и Хьюстон определяют межгрупповую атрибуцию как «способы, с помощью которых представители различных социальных общностей объясняют поведение (а также последствия поведения) членов своей и иных групп» [Islam & Hewstone, 1993, p. 936]. Этот процесс детерминирован реальными социальными отношениями между группами, но становится более сложным, когда члены контактирующих групп принадлежат к разным культурам, в которых одни и те же паттерны поведения могут иметь разное значение. В исследовании Ислама и Хьюстона показано, что приписывание определенных причин поведению членов аутгрупп, может иметь своей целью повышение позитивности собственной социальной идентичности.

Межгрупповой контакт и конфликт. Согласно «гипотезе контакта», если контакт имеет место при благоприятных условиях (например, при равных статусах, близости контакта, позитивном вознаграждении), это ведет к снижению предубеждений и дискриминации [Stephan, 1987]. Дальнейшие исследования [Tzeng & Jackson, 1994], показали, что межгрупповой контакт, протекающий

при благоприятных обстоятельствах, снижает враждебность между этническими группами, проживающими в США.

В исследовании, в котором рассматривалась связь нарушения внутригрупповых норм с межгрупповой враждебностью [DeRidder & Tripathi 1992], было показано, как субъективное ощущение того, что внутригрупповые нормы нарушаются, ведет к негативной аутгрупповой атрибуции. Негативные атрибуции по отношению к членам аутгрупп ведут к тому, что среди членов ингруппы появляется мнение о том, что члены аутгрупп тоже думают о них негативно. Поэтому нарушение групповых норм может приводить к постоянной эскалации межгруппового конфликта.

Теории этноцентризма и мультикультурализма. При исследовании межэтнических отношений за рубежом особое внимание уделялось двум типам установок: этноцентризму и мультикультурализму. *Этноцентризм* – восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Термин «этноцентризм» был введен У. Самнером в 1906 г., [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997] который считал, что в сознании людей существует тенденция использовать стандарты своей группы для оценки других групп, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая другие группы как нижестоящие. Принадлежность к ингруппе определяет стандарты, с помощью которых оцениваются аутгруппы. Чем больше поведение членов аутгруппы согласуется со стандартами поведения, принятыми в ингруппе, тем более позитивно они оцениваются [Brewer & Campbell, 1976]. Исследование этноцентризма как личностного свойства проводил после Второй Мировой войны Адорно с коллегами, который в 1950 году создал так называемую Шкалу фашизма (F-scale), позволяющую оценить выраженность этой черты у личности [Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997].

Политика *мультикультурализма* основывается на двух основных положениях: 1) что члены этнических групп могут сохранять свою этническую уникальность и 2) что они чувствуют себя в безопасности в поликультурной среде [Moghaddam, 1993]. Тем не менее, замечено, что члены групп с высоким статусом

сом (культуры которых находятся в большей безопасности) позитивно относятся к сохранению культур всех других групп. Этнические меньшинства в большей степени испытывают неуверенность по поводу возможности сохранить свою культуру и чувствуют себя менее защищенными внутри социальной иерархии [Moghaddam & Taylor, 1987].

Социально-психологическое обоснование мультикультурализма состоит в том, что если члены этнокультурных групп чувствуют уверенность в сохранении своей культурной идентичности, они могут быть терпимы и доброжелательны по отношению к инокультурным группам [Moghaddam et. al. 1993 p.159]. С позиций теории социальной идентичности полагается, что важна не просто сама уникальность, а *главное - чувство безопасности и отсутствие угрозы*. Беспокойство о безопасности есть результат межгрупповой борьбы с угрозой стремлению группы восстановить свою уникальность. Поэтому политика мультикультурализма способна предотвратить многочисленные конфликты между этническими группами в обществе.

Мультикультурализм и ассимиляционная политика – два противоположных взгляда на практику формирования межэтнических отношений. И тот и другой подходы имеют право на существование, но мы должны знать - при каких условиях один из них будет эффективен, а другой - нет.

1.1.3. Эмпирические исследования межэтнических отношений в русской социальной психологии

С развитием этнопсихологии в России (а также бывших республиках СССР) основным предметом исследований стала этническая идентичность и процессы ее трансформации. Наиболее известными в данном направлении явились работы Т.Г. Стефаненко, изучавшей структуру этнической идентичности, а также ее изменение у школьников в современных нестабильных социально-экономических условиях; Н.М. Лебедевой, раскрывшей и описавшей суть феномена «навязанной этничности», изучавшей кризис идентичности у русских в бывших советских республиках, связь этнической идентичности и толерантности; В.Н. Павленко, исследовавшей кризис социальной идентичности у украинцев и русских, живущих на Украине; В.Ю. Хотинец, изучавшей этническое самосознание на примере русского и удмуртского этносов; Л.И. Науменко, проводившей длительное исследование трансформации этнической идентичности русских и белорусов в Белоруссии [Этническая психология и общество, 1997].

В настоящее время активно проводятся исследования развития этнической, этнолингвистической и конфессиональной идентичности у детей и подростков [Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков, 2001], находятся в поле внимания исследователей проблемы этнической социализации [Белинская, Стефаненко, 2000].

Л.М. Дробижевой проводились обширные этносоциологические исследования идентичности русских, проживающих в республиках Российской Федерации и социально-культурной дистанции при взаимодействии этнических групп в Татарстане, Якутии, Северной Осетии, Туве, а также межэтнические отношения в этих республиках [Дробижева, 1994, 1997].

Особенности этнического самосознания русских в республиках Российской Федерации изучались С.В. Рыжовой [Рыжова, 1995]. Данным автором также проведен ряд интересных исследований личностных аспектов национализма. В исследованиях изучались дезадаптационные психологические состояния, со-

пряженные с крайними формами этнической идентичности, такими, как этнонегативизм и гиперидентичность. Результаты исследований показали, что за этнонационализмом (т.е. этнической интолерантностью) на психологическом уровне может стоять ощущение эмоциональной уязвимости, «ограниченная зона комфортных внутриличностных переживаний и отношений», комплекс потребностей в защите [Рыжова, 1997].

Этнопсихологические исследования межэтнического взаимодействия, начиная с 1991 года, в России проходили преимущественно в двух направлениях:

- 1) исследования этнических миграций и адаптация мигрантов к новой социокультурной среде;
- 2) изучение проблемы межэтнической напряженности и толерантности в межэтническом взаимодействии.

В.В. Гриценко, на примере адаптации русских мигрантов из ближнего зарубежья, показала, что ощущение этнической дискриминации и переживание негативных чувств, связанных с этничностью (негативная этническая идентичность) заставляют русских, с целью *удовлетворения фундаментальной потребности в принадлежности к сильной и позитивно оцениваемой группе*, мигрировать из ближнего зарубежья в Россию [Гриценко, 2002].

Н.М. Лебедевой было показано, что *культурная дистанция и степень целостности этнической группы как субъекта межэтнического взаимодействия* являются двумя основными факторами, оказывающими наиболее сильное влияние на проявления интолерантности в отношении других этнических групп [Лебедева, 1993]. Так же Н.М. Лебедевой проведено широкомасштабное социально-психологическое исследование одной этнической группы (русских) в разных этнокультурных и экономических, но сходных социально-политических условиях. Объектом исследования были две категории русских – тех, кто склоняется к миграции и тех, кто намерен оставаться в республиках бывшего СССР, ныне – независимых государствах. Изучались факторы, побуждающие одну категорию русских мигрировать, а другую - оставаться в республиках, создавая и

укрепляя диаспоры. В исследовании было показано, что на психологическом уровне и миграция, и деятельность по сознанию диаспор имеют своей целью одно - *поддержание позитивной этнической идентичности* [Лебедева, 1995].

Социально-психологические факторы адаптации переселенцев к новым социально-экономическим и этнокультурным условиям, на примере немцев, выехавших из стран СНГ в Германию, изучались Л.В. Ключниковой (Миллер) и В.П. Позняковым [Ключникова, Позняков, 1999].

Проблемой межэтнической напряженности преимущественно занималась Г.У. Солдатова [Солдатова, 1998], всесторонне изучившая феномен межэтнической напряженности в ряде республик России. Г.У. Солдатовой было убедительно показано, что этничность как центральный когнитивно-мотивационный конструкт этнического самосознания, «становится важнейшей основой внутригруппового и межгруппового взаимодействия и призмой, через которую преломляется окружающий мир» [Солдатова, 1998, с. 351].

Полевые эмпирические исследования по проблеме этнической толерантности в российской этнопсихологии активно стали проводиться со второй половины 90-х годов. В данных исследованиях эмпирически была показана связь этнической толерантности и позитивности этнической идентичности [Лебедева, 1993, 1997, 2002].

В.П. Левкович и И.Б. Андрущак, основываясь на данных эмпирического исследования в Узбекистане, выявили, что существует взаимосвязь между этноцентризмом и уровнем позитивности этнической идентичности. Этноцентризм представляет собой защитный социально-психологический механизм в целях сохранения позитивной этнической идентичности. Позитивность этнической идентичности и этническая толерантность-интолерантность могут выступать в качестве индикаторов межэтнических отношений [Левкович, Андрущак, 1995].

Ф.М. Малхозова, продемонстрировала, что основой этнической толерантности в Карачаево-Черкесии является социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному признаку. Установки на

этническую толерантность в ее исследовании позитивно коррелировали со значимостью этнической идентичности, установками на поддержание традиций, позитивным отношением к инокультурным группам (русским), индивидуализмом. Установки на этническую интолерантность были связаны с разностью религий и с убеждением в незыблемости этнических границ [Малхозова, 1999].

Довольно перспективным российским направлением, позволяющим изучить межэтническое взаимодействие, являются психосемантические исследования этнических стереотипов, которые представлены преимущественно работами В.Ф. Петренко [Петренко, 1997; Петренко и др., 2000]. Методический аппарат экспериментальной психосемантики позволяет осуществить глубинное исследование этнического сознания, и выявить глубинные психологические процессы, связанные с восприятием этнокультурных групп и своей группы в системе межэтнических отношений. Поэтому методический аппарат экспериментальной психосемантики применялся в нашем исследовании наряду с другими методиками.

Резюме

В целом, обзор зарубежных и российских теорий, касающихся межэтнического взаимодействия, позволяет сделать следующие краткие выводы.

1) Все теоретические подходы стремятся объяснить социально-психологические причины *этнической толерантности (терпимости) и интолерантности (нетерпимости)* между представителями разных этнокультурных групп.

2) Наиболее часто при объяснении происхождения этнической толерантности-интолерантности зарубежные и российские ученые используют понятие *этнической идентичности*. Встречаются попытки объяснить формирование межэтнических отношений через *позитивность-негативность* групповой (этнической) идентичности.

3) Немаловажная роль, особенно в зарубежных исследованиях, уделяется контексту взаимодействия, в том числе *воспринимаемому отношению со стороны представителей аутгрупп* по отношению к членам ингруппы. Чем в большей степени оно воспринимается как враждебное или конфликтное, тем выше вероятность того, что отношения между группами будут негативными.

В принципе, все подходы к исследованию межгрупповых отношений: и ситуационный, и мотивационный и когнитивный, затрагивают понятие групповой идентичности, но с разных сторон и в разных терминах. Индивиду, для того чтобы выработать отношение к представителям иных групп, сначала необходимо произвести социальную категоризацию, а она невозможна без учета социальной (этнической) идентичности. Поэтому понятие этнической идентичности мы считаем центральным при рассмотрении межэтнических отношений.

Для объяснения межэтнических установок (их толерантности-интолерантности) и психологических стратегий межкультурного взаимодействия, наиболее обоснованным представляется использование понятий *этнической идентичности* и *воспринимаемого отношения* со стороны аутгрупп. Как факторы межэтнических отношений, данные понятия нуждаются в дальнейшем теоретическом анализе, который позволил бы выдвинуть предположения относительно того, *каким образом* они детерминируют складывающиеся психологические стратегии межкультурного взаимодействия.

1.2. Проблема этнической идентичности в социальной и кросс-культурной психологии

Наверное, неслучайно всплеск интереса к проблеме социальной идентичности (конец 70-х годов XX века) совпал с ростом значимости этнической идентичности практически во всем мире (середина 70-х гг.).

Вслед за рядом авторов [Стефаненко, 1999 (б), Хотинец, 2002] в настоящей работе мы будем рассматривать этническую идентичность в качестве компонента социальной идентичности. Перед тем как перейти к анализу проблемы этнической идентичности, целесообразным будет кратко рассмотреть основные подходы к изучению идентичности социальной.

1.2.1. Основные теоретические подходы к исследованию социальной идентичности

Проблематика социальной идентичности имеет довольно длительную историю изучения. Авторы работы не ставят перед собой цели подробного освещения всей истории исследований по этому вопросу в психологии. Цель настоящего обзора - обосновать наиболее подходящее парадигмальное направление, необходимое для построения гипотез исследования.

Н.Л. Иванова [Иванова, 2003], проанализировав многочисленную литературу по проблеме социальной идентичности, выделила восемь основных подходов, в русле которых проводились исследования по данному вопросу:

- 1) концепция осмысления личностью своей самотождественности (У. Джеймс);
- 2) психодинамический подход (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. Марасия);
- 3) исследования идентичности в рамках символического интеракционизма (Ч. Кули, Г. Мид, Е. Гоффман);
- 4) ситуационный подход (Д. Кемпбелл, М. Шериф);
- 5) теория социальной идентичности (А. Тешфел и Дж. Тернер);

6) деятельностный подход (В.С. Агеев);

7) движение социального конструктивизма в психологии, социологии и этнологии (Ф. Барт, П. Бергер, Р. Дженкинз, Т. Лукман, К. Герген);

8) феноменологический подход (Дж. Брунер, К. Роджерс).

Наиболее релевантным для данной работы является рассмотрение четырех из этих направлений – психодинамического, бихевиористского, теории социальной идентичности А. Тешфела и Дж. Тернера, а также конструктивистского подхода.

Понятие «идентичность» в своих работах впервые стали использовать Э. Эриксон [Эриксон, 1996] и Э. Фромм [Фромм, 1990], и первоначально социальная идентичность изучалась именно в рамках **психоанализа**. В русле психодинамического подхода выделялось два аспекта идентичности личности: *личностный* и *социальный*. Авторы психоаналитической ориентации уделяли большее внимание личностной идентичности. Социальный аспект идентичности в рамках данного направления рассматривался как чувство тождественности самому себе, а также поиск своего места в жизни и социальной структуре общества.

В исследованиях **ситуативного подхода**, представленных, прежде всего, работами М. Шерифа, понятие социальной идентичности использовалось непосредственно при изучении межгруппового поведения. М. Шериф использовал данный термин при исследовании формирования межгрупповых отношений и применял его для того, чтобы как-то определить групповую принадлежность [цит. по: Иванова, 2003]. Эксперименты М. Шерифа показали, что *ситуация* может управлять процессом отождествления индивида с группой. Наиболее сильное идентификационное действие оказывают межгрупповые конфликты и соревнования между группами. Включенная в определенные межгрупповые отношения личность принимает конкретное групповое членство и действует в соответствии с требованием групповых норм, и большую роль в ее поведении начинают играть социальные, а не личностные факторы.

Теория социальной идентичности (ТСИ), основанная Анри Тешфелом и развиваемая впоследствии в работах Дж. Тернера, является, пожалуй, наиболее популярной среди психологов, изучающих социальную идентичность, межгрупповые и межэтнические отношения.

Анализируя особенности поведения индивида в различных социальных общностях, А. Тешфел пришел к выводу, что всю совокупность поведенческих реакций человека можно расположить на континууме от межличностных отношений до межгрупповых (хотя, такая градация отношений иногда подвергается критике, (см., например, Стефаненко, 1999 (б), с. 204). В первом случае человек действует как самостоятельное лицо, во втором - как член группы, выполняющий ее требования. А. Тешфел провел серию лабораторных экспериментов, с целью поиска ответа на вопрос, может ли идентификация индивида с определенной группой оказать влияние на его межгрупповое поведение [Tajfel, 1982]. Ответ был положительным. Эксперименты также показали, что чем сильнее выражено групповое членство индивида, тем в большей степени становится выраженным его межгрупповое поведение.

Основными элементами ТСИ, позволяющими описать и объяснить процесс формирования группы и особенности межгрупповых отношений, являются понятия «социальная категоризация», «социальное сравнение», «Я-концепция», «социальная структура».

Социальная категоризация - это процесс отнесения социальных объектов к некоторым классам или группам в соответствии с определенными логическими правилами. В межгрупповых отношениях социальная категоризация является частным случаем классификации индивидом окружающей действительности. С позиций ТСИ социальная идентичность связана именно с процессом категоризации, так как данный когнитивный процесс позволяет устанавливать различие между собой и окружающими индивидами. Следствием процесса категоризации является социальная идентичность как результат самоопределения. Большая часть исследований социальной категоризации свидетельствует о том, что сам процесс категоризации является необходимым и достаточным ус-

ловием для межгрупповой дискриминации [Tajfel, 1982]. Социальная категоризация и самоопределение сопровождаются процессом социального сравнения.

Социальное сравнение - это процесс соотнесения качественных признаков социальных групп друг с другом, результатом которого является установление различий между ними, т. е. межгрупповая дифференциация. Социальное сравнение диктуется фундаментальной потребностью индивида – иметь позитивную «Я-концепцию» или самооценку.

Таким образом, причины межгрупповой дифференциации в теории социальной идентичности объясняются тем, что у индивида есть потребность быть включенным в социальную группу, в результате чего у него формируется мнение о себе, как о представителе данной группы. Индивиду необходимо, чтобы его группа оценивалась позитивно и его идентичность имела определенную ценность. С этой целью он прибегает к социальному сравнению, которое заключается в дифференциации собственной группы от чужой, и оценке своей группы по определенным критериям относительно другой. При этом сравнение осуществляется в пользу собственной группы, то есть собственная группа ставится в субъективной иерархии выше. В результате этого индивид начинает позитивно оценивать собственную группу, а его идентификация с собственной группой повышает позитивность и ценность собственной социальной идентичности [Tajfel & Turner, 1986]. Таким образом, социальное сравнение является важным когнитивным процессом, который актуализирует социальную идентичность. В этой связи А. Тэшфел делает важный вывод: *поскольку членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой, то и сама социальная идентичность индивида может быть позитивной или негативной* [Tajfel, 1982].

Для выявления условий, при которых индивидуальное поведение людей разворачивается по логике межгрупповых взаимодействий и превращается в унифицированное поведение представителя группы разработчики ТСИ привлекли объяснительный потенциал Я-концепции, которую можно расположить на континууме: на одном полюсе - полностью индивидуально-личностные ха-

рактики, на другом – социально-категориальные. Согласно А. Тешфелу, когда ситуация взаимодействия активизирует в сознании индивида социально-групповые параметры Я-концепции (т.е. на первое место выходит социальная идентичность), то он действует как член группы; когда индивидуально-личностные, то взаимодействие остается на личностном уровне. Чем ближе социальная ситуация в ее субъективном восприятии к межгрупповому полюсу континуума, тем сильнее проявляется тенденция к единообразию поведения членов данной группы по отношению к другой группе и склонность воспринимать членов другой группы как ее обезличенных представителей т.е. недифференцированно.

Последним элементом теории социальной идентичности является концепция *статусной социальной структуры групп* и представление о возможной динамике межгрупповых отношений в условиях группового доминирования-подчинения. Статусная структура групп – это иерархия статусных отношений реальных групп в социуме. И эта иерархия зачастую детерминирует конкуренцию групп за ресурсы, права, власть. Группы, занимающие в структуре более доминантное, властное положение, стремятся сохранить «статус-кво», установить свою систему ценностей и идеологию. Членство в подчиненных группах потенциально несет в себе возможность негативной социальной идентичности, особенно, если приняты или навязаны ценности доминирующей группы. Для членов групп с более низким статусом существует два способа поддержания и сохранения позитивной идентичности - социальная мобильность и социальное изменение. *Социальная мобильность* означает, что границы групп проницаемы, и индивиды могут проходить из одной группы в другую, прилагая для этого целенаправленные усилия. Принцип *социального изменения* означает наличие у индивида убежденности в том, что границы между группами непроницаемы, что он «заключен» в данную группу и не может перейти из нее в другую, а свое положение он может изменить лишь как член группы – т.е. только в том случае если вся группа изменит свое положение в системе межгрупповых отношений.

На основе теории социальной идентичности была разработана теория самокатегоризации (ТСК) Д. Абрамса и М. Хога [цит. по: Иванова, 2003]. И если ТСИ - это изначально мотивационная теория, которая стремилась ответить на вопросы, почему люди так или иначе идентифицируют себя и почему возникает межгрупповая дифференциация, то ТСК - это уже когнитивная теория, основные вопросы которой: понимание механизмов категоризации, изучение природы социальных стереотипов, групповой поляризации и т. д. [цит. по: Иванова, 2003]. Соединение этих двух теорий стало хорошей методологической базой для изучения межгрупповых отношений и поведения человека в группе. Исследования, проведенные в рамках данных теорий, показали, что одним из последствий социальной категоризации является ингрупповой фаворитизм, т.е. приписывание позитивных черт ингруппе и стремление к выигрышу своей группы. Ингрупповой фаворитизм и межгрупповая дифференциация обостряются, когда актуализируются процессы категоризации. Ингрупповой фаворитизм одновременно включает в себя негативное межличностное восприятие членов аутгруппы. Ингрупповое предпочтение может уменьшаться, когда членство в социальной группе «пересекающееся», т.е. когда члены различных групп являются представителями аутгрупп по одному критерию (например, этничность), но членами ингрупп по другому критерию (например, религия). Также установлено, что ингрупповой фаворитизм снижается, когда члены разных групп формируют общую идентичность (например, когда представители разных этнических групп объединяются в одну группу как граждане одного государства (например, американцы европейского происхождения и афроамериканцы думают о себе как об *американцах*).

А. Тешфелом было дано классическое определение социальной идентичности – «это часть Я-концепции индивида, возникающая из осознания своей принадлежности к социальной группе (или группам) вместе с оценкой и эмоциональным отношением к этому групповому членству» [Tajfel, 1972]. Также было показано, что социальное сравнение и социальная категоризация достаточны для возникновения ингруппового фаворитизма и межгрупповой дифференци-

ции. Авторы ТСИ считали, что снизить межгрупповой конфликт можно путем уменьшения различий между группами или развития общей, надгрупповой, идентичности.

Теория социальной идентичности была выбрана в качестве одного из концептуальных оснований настоящего исследования. Сделано это по следующим причинам:

1) множество исследований в кросс-культурной психологии проведено в рамках этой теории, что *подтвердило ее экологическую валидность*. Ф. Мохаддам с коллегами указывал, что «наиболее влиятельные и значительные социально-психологические теории включают в себя определенные аспекты теории социальной идентичности» [Moghaddam et. al., 1993 p.159].

2) в рамках данной теории было высказано предположение о том, что социальная идентичность может быть позитивной или негативной - то есть иметь определенную *валентность*.

3) в теории социальной идентичности были заложены представления о *стратегиях*, к которым прибегает индивид для повышения позитивности социальной идентичности - социальной мобильности и изменения статуса группы (путем социальной конкуренции).

Социальная идентичность с точки зрения конструктивизма. В конструктивистском подходе к анализу социальной идентичности признается факт социального конструирования реальности, что приводит к образованию культурного единства группы, которое становится смыслом ее существования. Конструктивистский подход реализуется в основном при исследовании этнической идентичности. В данном контексте можно отметить работы Т.Г. Стефаненко, работающей преимущественно в русле данного направления [Стефаненко, 1999 (a)]. Т.Г. Стефаненко определяет этническую идентичность как один из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности. «В процессе межэтнического взаимодействия этническая идентичность конструируется на основе представлений, образующих систему этнодифференцирующих призна-

ков (этноопределителей), в качестве которых могут выступать язык, ценности, нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и многое другое» [Стефаненко, 2003 (а)].

Основоположником конструктивистского подхода считается норвежский этнолог Ф. Барт который подчеркивал, что актуализация культурных маркеров группы происходит в процессе дифференциации взаимодействующих общностей [цит. по: Стефаненко, 2003 (а)]. Таким образом, в рамках конструктивизма идентичность группы рассматривается не как ее *первичная характеристика*, а как *результат* ее существования, в том числе результат целенаправленных усилий со стороны самих людей и социальных институтов [Тишков, 1997].

Данное исследование выполнено с ориентацией, преимущественно, на теорию социальной идентичности и конструктивизм. Конструктивистский подход позволяет понять, как происходит изменение *определенности этнической идентичности* (см. подпараграф 1.2.3) и рассмотреть процесс *конструирования* новой групповой идентичности (по типу этнической) на примере казаков.

1.2.2 Этническая идентичность: феномен и структура

Этническая идентичность является одним из элементов социальной идентичности и представляет собой результат «когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание своей принадлежности к этнической общности» [Стефаненко, 2003 (б), с. 127]. Т.Г. Стефаненко предлагает рассматривать этническую идентичность не только как осознание индивидом своей принадлежность к определенному этносу, но и как *переживание* отношения Я и этнической среды - своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [Стефаненко, 1999 (а)].

Рассматривая проблему этнической идентичности важно в теоретическом плане определить соотношение данного понятия с понятием этнического само-

сознания. В современной литературе существует множество взглядов на соотношение этнической идентичности с этническим самосознанием. Кратко приведем основные взгляды на данную проблему.

В.Ю. Хотинец рассматривает этническую идентичность *как уровень* (наиболее зрелый) *этнического самосознания* или как форму его конечного, наиболее развитого состояния [Хотинец, 2000].

Г.У.Солдатова указывает, что этническая идентичность и этническое самосознание выступают *как пересекающиеся понятия*. «С одной стороны этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой – шире, так как содержит в себе также слой бессознательного» [Солдатова, 1998].

В.Н. Павленко указывает, что существуют взгляды, согласно которым, (например, у Н.А. Шульги) этническая идентичность является *более узким понятием* по сравнению с этническим самосознанием и в этом случае воспринимается как составная часть (иногда центральная) последнего [Павленко, Таглин, 2004].

С точки зрения, Т.Г. Стефаненко понятие этнической идентичности *скорее шире понятия* этнического самосознания, так как этническая идентичность, является результатом когнитивно-эмоционального процесса осознания индивидом себя в качестве представителя какого-либо этноса, отождествления себя с ним и обособления от других этносов.

В.Н. Павленко, принимая точку зрения Т.Г. Стефаненко, подчеркивает, что этническая идентичность *это не только осознание и переживание своего членства в общности, но и реальное «проживание» в качестве члена этнической группы*, т.е. в соответствии с принятым в данной группе образом жизни. То есть к когнитивной и эмоциональной составляющим этнической идентичности данный автор добавляет еще и поведенческую составляющую этнической идентичности [Павленко, Таглин, 2004].

Авторам данной работы ближе точка зрения, обозначенная Т.Г. Стефаненко и В.Н. Павленко, по двум причинам. Во-первых, этническая идентичность

действительно шире этнического самосознания, так как она представляет не просто знание о своей этнической общности (когнитивно-мотивационное ядро), но и эмоциональное отношение к этому знанию. Во-вторых, этническая идентичность всегда имплицитно включает в себя отраженное отношение со стороны этноконтактных групп, что может обуславливать, например, валентность этнической идентичности (она может быть негативной в случае отрицательного отношения со стороны этноконтактных групп).

Что касается соотношения этнической и социальной идентичности, то в современной литературе этническая идентичность чаще всего рассматривается в качестве одного из компонентов социальной [Стефаненко 1999, (б)] или как ее разновидность [Хотинец, 2002]. Поэтому этническая идентичность анализируется в литературе, как правило, с позиций четырех, уже рассмотренных выше, подходов к анализу социальной идентичности (психодинамический, ситуационный, ТСИ, конструктивистский) в такой же логике объяснения. К данному списку подходов можно добавить инструменталистский и примордиалистский подходы.

Сторонники инструменталистского подхода рассматривают этничность как средство, необходимое для достижения групповых интересов, или как идеологию, необходимую для мобилизации группы. «В глазах инструменталистов этническая идентичность является одной из главных характеристик индивида, которая отражает восприятие картины мира, систему ценностей, установок и убеждений, касающихся собственной группы» [Попков, 2003, с. 64].

С позиций примордиалистского подхода этничность рассматривается как врожденное свойство человека идентифицировать себя с этнической группой, имеющее объективное основание либо в природе человека, либо в социуме. Примордиалистский подход в свою очередь делится на эволюционно-биологическое и эволюционно-историческое направления [Садохин, Грушевицкая, 2000].

Структуру этнической идентичности в современной этнопсихологии часто описывают по аналогии со структурой социальной установки, выделяя

аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты [Солдатова, 1996; Хотинец, 2002; Павленко, Таглин, 2004]. Это вполне логично, так как этническая идентичность – это совокупность установок по отношению к собственной этнической группе. Соответственно, ее структура напоминает структуру социальной установки, включая в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. По поводу правомерности выделения поведенческого компонента в структуре этнической идентичности, в настоящее время высказываются некоторые сомнения [Стефаненко, 1999 (б); 2003 (б)].

Некоторые авторы указывают на наличие в структуре этнической идентичности бессознательных компонентов [Солдатова, 1998, с. 43; Хотинец, 2002, с. 41]. В настоящей работе данный аспект идентичности мы затрагивать не будем в силу его теоретической неразработанности.

В рамках этносоциологического подхода к проблеме этнической идентичности Л.М. Дробижева выделяет следующие ее главные компоненты: осознание принадлежности к своему народу, осознание интересов своего народа, представление о культуре, языке и территории [Дробижева, 1994].

Содержание когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности достаточно полно освещены в работах британского исследователя Мартина Барретта [Barrett, 1996]. Согласно М. Баррету когнитивный блок этнической идентичности составляют следующие элементы:

- 1) знания о существовании этнической группы;
- 2) категоризация себя как члена этнической группы;
- 3) знания о национальной территории;
- 4) знания о национальных эмблемах, символах, институтах, обычаях, традициях, исторических событиях и исторических фигурах, которые символически репрезентируют нацию;
- 5) вера в общее происхождение и общее родство членов этнической группы;
- 6) вера в то, что существуют типичные характеристики представителей любой этнической группы: национальные черты и этнические стереотипы;

7) представления о тесной взаимосвязи индивида и этнической группы: ощущаемая степень подобия себя и национального типажа.

Аффективный блок этнической идентичности, согласно М. Барретту, состоит из следующих элементов:

- 1) субъективная актуальность этнической идентичности;
- 2) степень привязанности к этнической идентичности: готовность отказаться от нее и значение, придаваемое членству в данной этнической группе;
- 3) чувство принадлежности к этнической группе;
- 4) степень привязанности и чувств по отношению к национальной территории;
- 5) социальные чувства типа национальной гордости, национального стыда, национальной вины и т.п.;
- 6) национальное самоуважение [Barrett, 1996].

Исходя из теоретического представления о том, что этническая идентичность включает в себя когнитивный и аффективный компоненты, можно сказать, что указанные компоненты должны характеризоваться с помощью некоторых параметров или измерений. В качестве параметров, характеризующих данные компоненты идентичности, мы предлагаем рассматривать ее *валентность* и *определенность*. Соответственно, *валентность* (позитивность-негативность) этнической идентичности – это знак эмоциональной окрашенности аффективного компонента. *Определенность* – это, в первую очередь, степень ясности осознания себя представителем этнической группы, степень полноты знаний, представлений о культурных и психологических особенностях собственной группы.

1.2.3. Валентность и определенность как характеристики этнической идентичности

Валентность этнической идентичности, как одна из характеристик (или измерений) данного конструкта в современной кросс-культурной и этнической

психологии довольно хорошо операционализирована и исследована. В.Н. Павленко указывает, что понятие валентности ведет свое начало от работ К. Левина [Павленко, Таглин, 2004]. Главная особенность данного измерения этнической идентичности состоит в том, что оно имеет свой знак и может быть позитивной или негативной. Валентность этнической идентичности операционализируется путем оценки индивидом идентификаций, связанных с отношением к собственной этничности и собственной этнической группе. Эмпирическими индикаторами валентности этнической идентичности может быть также позитивность-негативность этнических автостереотипов и чувств, связанных с этничностью [Лебедева, 1993, 1995, 1997].

Как уже выше упоминалось, при разработке проблемы социальной идентичности А. Тэшфел отмечал, что поскольку членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой, то и сама социальная идентичность индивида может быть позитивной или негативной [Tajfel, 1982]. Следовательно, если этническая идентичность является компонентом (или разновидностью) социальной, она так же может быть позитивной или негативной, то есть иметь определенную валентность.

Валентность этнической идентичности исследовалась известным канадским кросс-культурным психологом Дж. Берри, который предложил для ее измерения специальную шкалу [Berry, 1999]. Шкалу составили вопросы, касающиеся отношения индивида к собственной этнической группе, важности членства для него в данной этнической группе, желания оставаться в группе и т.д.

В современных российских исследованиях валентность этнической идентичности рассматривается в соотношении с установками к собственной этнической группе или другим этноконтактным группам. Это позволило, например, вывести социально-психологический закон о связи позитивной этнической идентичности и этнической толерантности [Лебедева, 1997] или предложить типологию, включающую в себя 6 типов этнической идентичности (этническая индифферентность, норма, этноэгоизм, этнонигилизм, этноизоляция, национальный фанатизм) [Солдатова, 1998].

Определенность-неопределенность этнической идентичности.

В процессе исследований мы обратили внимание на специфическую форму утраты представителями этнической группы их этнической идентичности. Мы пришли к выводу, что данное измерение этнической идентичности невозможно обозначить традиционным понятием «маргинальность». Обращение к зарубежной литературе показало, что концепт “salience (“выпуклость”, определенность) of ethnic identity” рассматривается в ряде теоретических и эмпирических работ (Miller & Brewer, 1984; Gaertner, 1994; Brown, 2000; Taylor, 2002 и др). В чем специфика этого измерения этнической идентичности?

Руперт Браун, анализируя исследования последних двадцати лет, выполненные в русле «гипотез контакта», пишет, что в большинстве этих работ авторы, предлагая пути налаживания межгрупповых контактов, ориентируются на то, чтобы изменить *определенность* групповой идентичности путем ее *уменьшения*. Это позволило бы снизить стремление представителей контактирующих групп к категоризации, а, следовательно, нивелировало бы негативные межгрупповые установки [Brown, 2000].

Браун пишет, что существует три основных стратегии манипулирования определенностью групповой идентичности: декатегоризация, рекатегоризация и категоризация. При помощи манипуляции определенностью групповых идентичностей в ситуациях контакта, возможно достижение изменения обобщенных межгрупповых установок. Основная суть каждой из стратегий заключается в следующем. *Декатегоризация* заключается в том, что путем специальных воздействий снижается акцент или значимость групповых идентичностей, и это приводит к повышению толерантности межгрупповых установок. Смысл *рекатегоризации* состоит в том, что какая-либо общая надгрупповая идентичность выпячивается и делается наиболее ясной, что позволяет снизить проблему межгрупповой дифференциации и также повысить позитивность межгрупповых установок. *Категоризация* - когда пытаются создать кооперацию путем поддержания четкой, определенной групповой идентичности взаимодействующих общностей. Последняя стратегия была предложена самим Робертом Брауном,

который отметил, *что есть определенное преимущество в сохранении некоторого минимума определенности групповой идентичности до тех пор, пока это способствует успешному межгрупповому контакту* [Brown, 2000, p.351]. Это может показаться парадоксальной стратегией, но в ряде случаев для снижения аутгрупповых предубеждений поддержание четкости, определенности внутригрупповой идентичности может быть предпочтительным. Браун, опираясь на исследования ряда авторов и на свои собственные исследования, доказывает, что этот феномен действительно существует.

С результатами исследований Р. Брауна созвучны взгляды канадского исследователя Дональда Тейлора [Taylor, 2002]. Д. Тейлор, выдвигая собственную теорию «Я-концепции», выделяет в ней четыре ключевых компонента – личная идентичность, личное уважение, коллективная идентичность, коллективное уважение. Центральным компонентом в структуре «Я-концепции» Тейлор считает *коллективную идентичность* и справедливо указывает на то, коллективная идентичность является более важным компонентом самоконцепции, чем индивидуальная. При этом автор акцентирует внимание на том, что коллективная идентичность должна быть *определенной*, последствия **отсутствия определенности коллективной идентичности катастрофичны**. Этнические меньшинства, с точки зрения Тейлора, очень часто страдают именно от отсутствия определенной коллективной (этнической) идентичности. Несмотря на глобализацию современного мира, психологически здоровый индивид всегда должен иметь четко определенную коллективную (этническую, культурную) идентичность. Такой индивид *готов* к осмысленному, позитивному взаимодействию с физической и социальной средой, а также *способен* взаимодействовать с изменяющимся и сложным современным миром [Taylor, 2002]. В данном контексте важно упомянуть взгляды российского этносоциолога А.А. Сусоколова, который рассматривал этничность (этническую идентичность) в качестве своего рода «информационного фильтра», позволяющего структурировать и организовывать восприятие внешнего мира. А.А. Сусоколов считал, что возрастание роли этничности в современном мире связано именно со сложностью больших ин-

формационных потоков в последнее время, и люди нуждаются в упорядочивании и структурировании этой информации [Сусоколов, 1990].

Опираясь на воззрения Д. Тейлора, Р. Брауна, А.А. Сусоколова можно предположить, что когда этническая группа начинает утрачивать определенность групповой идентичности в сложном современном мире, она начинает ощущать катастрофические последствия этой утраты (утраты себя, утраты собственного уникального способа структурирования и организации мира). И тогда индивиды начинают стремиться вновь обрести определенность групповой (этнической) идентичности.

В данном контексте необходимо развести понятия неопределенности идентичности с одной стороны, и бикультурализма, маргинальности и этнопсихологической двойственности – с другой.

В кросс-культурной психологии существует две основные модели измерения этнической идентичности – линейная биполярная (развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой и с доминантной группой) и модель двух измерений этнической идентичности, предложенная Дж. Берри с соавторами. Данная модель включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга (рис.1) [Berry et al. 1992]:

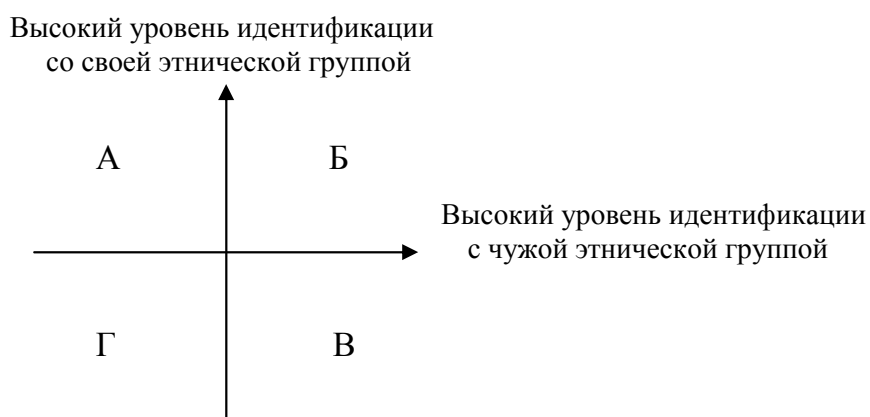


Рисунок 1. Модель двух измерений этнической идентичности:

- А - моноэтническая идентичность со своей этнической группой;
- Б – биэтническая идентичность;
- В - моноэтническая идентичность с чужой этнической группой;
- Г – маргинальная этническая идентичность; (приводится по: Стефаненко, 1999, б).

Соответственно в рамках этой модели выделяются четыре основных типа идентичности:

- *моноэтническая идентичность*, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;

- *моноэтническая идентичность с чужой этнической группой*, которая возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа воспринимается как имеющая более высокий экономический, социальный и другие статусы, чем своя;

- *биэтническая идентичность*, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня идентификацию с двумя группами;

- *маргинальная этническая идентичность*.

Понятие определенности этнической идентичности отличается от понятий биэтничности и маргинальности. Во-первых, в случае биэтнической идентичности индивид имеет выраженную идентификацию с двумя культурами, при неопределенности индивид может не иметь ясной идентификации ни с одной из культур и, во-вторых, бикультурализм предполагает компетентность индивида в двух культурах, а при неопределенной идентичности индивид не достигает компетентности ни в одной из культур. Понятие неопределенности этнической идентичности ближе к понятию маргинальности, однако, на наш взгляд, это - разные измерения этнической идентичности. Если маргиналами являются «гибриды культуры» [Э.В. Стоунквист, 1961], то есть индивиды имеют двойные «культурные корни», то неопределенную идентичность могут иметь индивиды - выходцы из одной культуры, не имеющие определенной и ясной культурной (этнической) идентичности. О неопределенности этнической идентичности можно говорить в том случае, когда индивид не ощущает *тождественности* со своей этнической группой, слабо *соотносит* себя с ней.

Некоторые идеи, связанные с проблемой определенности этнической идентичности группы частично в той или иной форме нашли отражение в работах российских специалистов-этнопсихологов. То есть, не обратив внимания на *неопределенность* идентичности как одну из ее характеристик было просто

невозможно. Поэтому необходимо привести взгляды различных российских исследователей и операционализировать данную характеристику этнической идентичности.

Т.Г. Стефаненко, анализируя зарубежные исследования по проблеме аккультурации и рассматривая маргинализацию, как одну из стратегий аккультурации, отмечала следующее. «К настоящему времени накопилось много доказательств того, что проблемы создает скорее не *двойственная*, а *слабая* (курсив наш – А.Т. и Н.Л.) этническая идентичность. Например, в исследовании индейской молодежи в США было обнаружено, что идентификация с *любой* культурой может коррелировать с общим благополучием и успешной личностной адаптацией. Дж. Финни также подчеркивает, что любая *четкая* (курсив наш – А.Т.и Н.Л.) этническая идентичность может служить основой для формирования позитивной Я-концепции члена группы меньшинства, если она обеспечивает индивиду чувство психологического комфорта и позволяет получить поддержку ближайшего окружения» [Стефаненко, 2002 с. 41].

Г.У. Солдатова, опираясь на идею Э. Эриксона, о том, что кризисы общества есть особый поворотный пункт в развитии личности, при котором создаются элементы новой идентичности, отмечает, что это - также поворот к поискам новой идентичности и для целых этнических групп. Трансформации этнического самосознания начинаются с его ядра – этнической идентичности. Предлагается рассматривать три вида ее трансформации:

а) этническая идентичность *может «размываться», что выражается в неопределенности этнической принадлежности;*

б) возможен отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию;

в) этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы [Солдатова, 1998].

В.Н. Павленко упоминала о явлении «утраты этнической определенности сознания», связывая указанное явление с изменением группой или индивидом

традиционной ведущей деятельности этноса. Вслед за утратой традиционной ведущей деятельности этноса начинает происходить *утрата этнической определенности сознания*, что по В.Н. Павленко часто является началом ассимиляции этнической группы [Павленко, Таглин, 2004]. Однако, как правило, большинство этнических групп сопротивляются утрате этнической определенности сознания и ассимиляции.

Итак, под *определенностью этнической идентичности мы понимаем степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя своей этнокультурной общности. Данная характеристика идентичности, по нашему мнению, представляет собой континуум, на одном полюсе которого находится определенность этнической идентичности (четкое осознание индивидом себя как представителя своей этнокультурной общности), на другом полюсе – неопределенность этнической идентичности (низкая степень осознания индивидом себя в качестве члена этнокультурной группы).*

Данное измерение этнической идентичности в той или иной форме выделялось или упоминалось и российскими и зарубежными авторами, однако эмпирических исследований связи данной характеристики идентичности с толерантностью-интолерантностью межгрупповых установок не было. Данное понятие использовалось Н.М. Лебедевой при полевых эмпирических исследованиях на территории России в 2002 году [Лебедева, 2002], сейчас оно нуждается в дальнейшей теоретической разработке и эмпирическом исследовании.

1.3. Воспринимаемая дискриминация и межэтнические отношения

Воспринимаемая дискриминация со стороны аутгрупп является, наряду с этнической идентичностью, одним из важнейших социально-психологических факторов, опосредствующих межэтнические отношения. О важности роли воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических установок и успешности аккультурации указывается во многих исследованиях. Например, была выявлена связь между воспринимаемой дискриминацией и отсутствием желания идентифицироваться с новой культурой. Это ощущение имеет разного рода негативные последствия, в том числе может приводить к конфликту идентичностей [цит. по: Психология и культура, 2003]. Связь между воспринимаемой дискриминацией и проблемами в психологической адаптации наблюдалась во многих зарубежных исследованиях у представителей различных этнических групп, например, турецких мигрантов в Канаде, временных поселенцев из США в Сингапуре, иностранных студентов в Новой Зеландии, мигрантов азиатского происхождения в Великобритании [цит. по: Психология и культура, 2003].

В зарубежной литературе наиболее полно феномен воспринимаемой дискриминации раскрыт в «теории интегральной воспринимаемой угрозы» У. Стефан и К. Стефан. Данные авторы отмечают, что в последнее время, в литературе, посвященной межгрупповым отношениям, все более значительное внимание уделяется тематике, касающейся воспринимаемой угрозы. Однако исследования, выполненные различными авторами, носят разрозненный характер и освещают отдельные аспекты данной проблемы. У. Стефан и К. Стефан предприняли попытку свести воедино данные наработки и предложили «теорию интегральной воспринимаемой угрозы» [Stephan & Stephan, 2000].

Их базовая модель включает в себя четыре типа угроз, которые, с их точки зрения, играют важную роль в образовании предрассудков и предубеждений.

Эти типы следующие: реалистическая угроза, символическая угроза, межгрупповая тревожность и негативные стереотипы.

Реалистическая угроза со стороны аутгрупп – это угроза политической и экономической самостоятельности ингруппы (например, военная угроза) и угроза физическому или материальному благополучию ингруппы и ее представителей (например, их здоровью). При этом в отличие от других теорий, касающихся угрозы (например, реалистической теории конфликта Ле Вайна и Кемпбелла), авторы теории воспринимаемой угрозы уделяют значительное внимание *воспринимаемым* реалистическим угрозам, потому что восприятие угрозы может вести к предубеждениям, независимо от того, действительно ли угроза является «реальной».

Символическая угроза – касается воспринимаемых групповых различий в нормах, ценностях, стандартах, верованиях и установках. Символические угрозы - это, прежде всего, угрозы мировоззрению группы. Эти угрозы возникают, потому что представители ингруппы верят в моральную справедливость и универсальность собственной системы ценностей. Примером может служить исследование [Esses, Haddock, and Zanna, 1993 (цит. по: Stephan & Stephan, 2000)], авторы которого показали, что чем в большей степени ценности, обычаи, традиции ингруппы подвергаются блокированию со стороны аутгруппы, тем в большей степени будут негативны ингрупповые установки по отношению к аутгруппе.

Межгрупповая тревожность - согласно У. Стефан и К. Стефан люди во время межгруппового взаимодействия всегда подвержены субъективному чувству тревоги и беспокойства, потому что боятся негативных последствий для себя.

Негативные стереотипы. Авторы теории указывают на то, что стереотипы во многом отражают степень воспринимаемой угрозы со стороны внешней группы, поскольку основная функция стереотипов, заключается в регуляции собственного поведения при взаимодействии с членами аутгрупп. Сущность

угрозы – это страх негативных последствий, который создается негативными стереотипами.

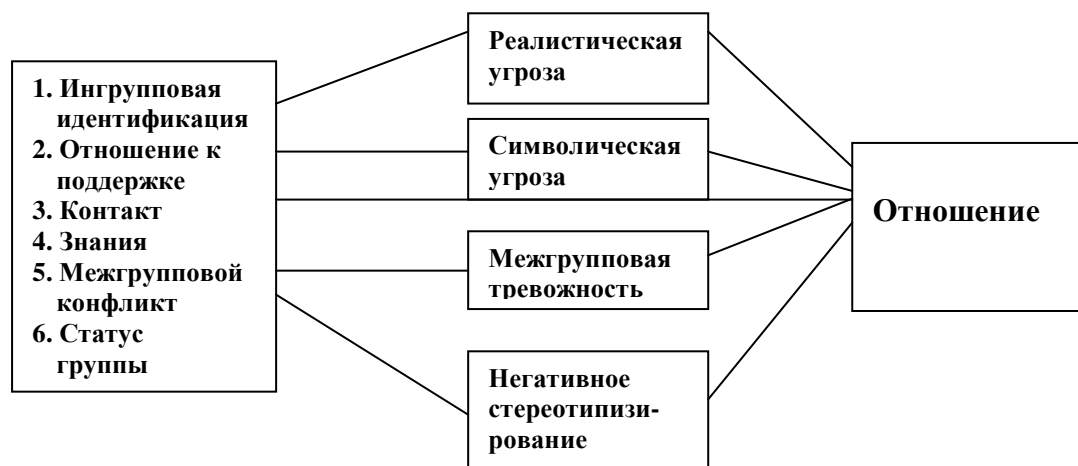
Четыре приведенные вида угроз используются в интегральной теории воспринимаемой угрозы для объяснения *отношения к членам аутгрупп*. Эмпирическая верификация данной теории осуществлялась в кросс-культурной перспективе.

Первоначально исследовалось, могут ли четыре вышеуказанных типа угроз служить предикторами предубеждений по отношению к иммигрантам (использовались три группы иммигрантов: из Мексики, Азии, Кубы) среди американцев. Оказалось, что хорошими предикторами установок по отношению к трем данным группам иммигрантов (по результатам регрессионного анализа) служили показатели *реалистической угрозы, символической угрозы, негативные этнические стереотипы*.

Исследование было повторено на примере отношения испанцев к марокканцам, иммигрирующим в Испанию. Предикторами отношения к марокканцам были: *межгрупповая тревожность, стереотипы и реалистическая угроза*. *Символическая угроза*, на примере данной выборки не оказалась хорошим предиктором установок по отношению к марокканцам. Авторы теории воспринимаемой угрозы провели еще ряд аналогичных исследований на других группах иммигрантов и с применением более сложных математических методов (путевой анализ, моделирование структурными уравнениями) и использованием дополнительных предикторов межэтнических отношений. В результате к первоначальной модели добавились факторы более высокого порядка. Оказалось, что все четыре вышеуказанных компонента воспринимаемой угрозы, в свою очередь, зависят от следующих факторов: силы идентификации с собственной группой, отношения личности к социальной поддержке членов аутгрупп (меньшинств), реального контакта между группами, уровня знаний о членах аутгрупп, наличия конфликтов в прошлом между группами и соотношения статусов групп (рис.2) [Stephan & Stephan, 2000].

Рисунок 2. Модель теории интегральной воспринимаемой угрозы

(источник: Stephan & Stephan, 2000, p. 37)



Сильная ингрупповая идентификация может повысить отчетливость всех четырех типов воспринимаемой угрозы. То есть люди, которые сильнее идентифицируют себя со своей ингруппой, в большей степени склонны видеть угрозу со стороны аутгрупп, чем люди, чья идентичность в меньшей степени связана с членством в группе.

Отношение личности к социальной поддержке членов аутгруппы. Чем негативнее личность относится к политике поддержки членов аутгрупп, тем выше у нее степень воспринимаемой угрозы.

Контакт между группами. Чем больше позитивных контактов между группами, направленных на конструктивное взаимодействие, тем ниже воспринимаемая угроза. И, наоборот, с повышением частоты негативного опыта взаимодействия возрастает степень воспринимаемой угрозы.

Уровень знаний о членах аутгрупп. Когда представители ингруппы имеют мало знаний относительно представителей аутгруппы, они склонны воспринимать такую группу, как чем-то угрожающую им и опасаться ее. «Если страх - отец предубеждений, то невежество можно называть их дедом» [Stephan & Stephan, 2000, p. 38].

Наличие конфликтов в прошлом между группами. Межгрупповой конфликт, вероятно, - наиболее сильная причина предубеждений. Конфликт необя-

зательно может быть актуальным, это могут быть конфликты в прошлом, которые служат фоном при формировании межгрупповых отношений. Если предшествующий конфликт был сильным, то восприятие всех четырех видов угроз, вероятно, будет повышено.

Статусы групп. Восприятие угрозы может зависеть от статуса или доминирования групп. И высокостатусные, и низкостатусные группы могут воспринимать другие группы как угрожающие, но по разным причинам. Высокостатусная группа опасается именно за свой статус, беспокоясь, что другая группа будет стремиться к власти над нею. Представители низкостатусных групп могут испытывать тревожность при взаимодействии с представителями высокостатусных групп, что может являться причиной негативных стереотипов [Stephan & Stephan, 2000].

Итак, теория воспринимаемой угрозы показывает, что для возникновения предубеждений и интолерантных установок совсем не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. Негативное отношение к представителям аутгрупп, помимо реального конфликта, может быть обусловлено другими субъективными факторами: групповой идентичностью, уровнем знаний о членах аутгрупп, соотношением статусов групп, которые ведут к межгрупповой тревожности и субъективно воспринимаемой угрозе со стороны членов аутгрупп. Основываясь на данной теории можно предположить, что воспринимаемая дискриминация этнических меньшинств возникает таким же образом. Для возникновения ощущения дискриминации реальные дискриминационные действия со стороны доминирующей группы необязательны. Достаточен факт различия в соотношении статусов (особенно это важно для групп, стремящихся к социальному доминированию и придающих большое значение ценности «Иерархии»), различие в нормах и ценностях групп, специфике групповой идентичности – это может привести к негативным стереотипам и воспринимаемой дискриминации.

В данном контексте хотелось бы упомянуть высказывание Кеннета Кларка, американского социального психолога африканского происхождения, кото-

рый проводил исследование расовой идентификации афроамериканских детей. Он писал: «Я пришел к заключению, что дискриминация, предрассудки и сегрегация оказывают негативное влияние на развитие личности негритянских детей. Сущность этого влияния заключается в путанице и беспорядке в самооценке этих детей – базовое чувство неполноценности, конфликт, хаос в представлениях о себе, чувство обиды, враждебность к самому себе, враждебность к белым» [цит. по: Stephan & Stephan, 2001, p. 5].

Роль воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических отношений поликультурных регионах России исследовалась Н.М. Лебедевой [Лебедева, 1995, 1997; Лебедева, Малхозова, 2002]. При исследовании процессов аккультурации русских в странах СНГ Н.М. Лебедевой было показано, что «чем большее количество случаев ущемления прав (и чем больше сфер ущемления) в зависимости от национальной принадлежности отмечается человеком, тем негативнее его этническая идентичность и чувства, связанные с этнической принадлежностью» [Лебедева, 1997]. Повышение воспринимаемой дискриминации и негативности этнической идентичности русских, в свою очередь, способствовало у них актуализации установок на миграцию, стремлению к посещениям центров русской общины, этической консолидации и потребности в обретении позитивной этнической идентичности.

В исследовании, проведенном Н.М. Лебедевой и Ф.М. Малхозовой в Караево-Черкесии, было установлено, что опыт этнической дискриминации коррелирует с негативной установкой на межэтнические браки и с установкой на ограничение проживания людей на той или иной территории в зависимости от их национальной принадлежности [Лебедева, Малхозова, 2002].

Таким образом, в работах зарубежных и российских авторов показана важная роль восприятия (или опыта) дискриминации при формировании установок по отношению к этноконтактным группам. При этом восприятие угрозы или дискриминации со стороны аутгрупп могут привести к негативным межэтническим установкам, стереотипам, предубеждениям и негативности этнической идентичности, поэтому данную характеристику контекста, в котором про-

текают межэтнические отношения, необходимо учитывать при изучении социально-психологических причин этнической толерантности-интолерантности.

1.4. Проблема этнической толерантности в кросс-культурной перспективе

1.4.1. Понятие этнической толерантности

Любое исследование межэтнических отношений подводит специалиста к конечному вопросу – так что же может способствовать гармоничным межэтническим отношениям и что их может нарушить? Иными словами исследователь приходит к проблеме *толерантности* в межэтнических отношениях. Как уже указывалось, данная проблема в последнее время стала довольно популярной в социальной науке, в том числе, и российской. Существует несколько точек зрения на понятие толерантности.

В.Н. Павленко, рассмотрев и проанализировав различные точки зрения на проблему толерантности, делает вывод, что «типология основных точек зрения на понятие “толерантность”, может быть построена с учетом двух основных критериев: отношения к чему-то непохожему, несовпадающему, не согласующемуся и способа разрешения данного противоречия. Что касается первого параметра – отношения к непохожему, то, по определению, возможно три варианта отношения: отрицательное, нейтральное и положительное. Что же касается путей разрешения данного противоречия, то они лежат в диапазоне от интолерантного (выражающегося в неприятии каких-либо отличий, в разных формах дискриминирующего поведения, в избегании взаимодействия с такими людьми и т.п.) до максимально толерантного поведения (состоящего в принятии другого человека таким, какой он есть)» [Павленко, Таглин, 2004]. Таким образом, стержнем понятия «толерантность» (именно в социально-психологическом смысле) является принятие всего иного и непохожего, а также отсутствие негативного отношения к нему. Этническая толерантность проявляется в отношении к представителям других этнических и культурных групп. «Она представляет своего рода психологическую установку (или систему установок), которая позволяет ценить другое этническое “они” равнозначно собственному “мы”».

Это терпимость к иной культуре, системе ценностей, принятие иных логик существования и иных способов мировосприятия. Можно сказать, что толерантность во взаимодействии между этносами отражает уровень культуры межнационального общения, является средством достижения межнационального согласия, урегулирования межнациональных конфликтов и снижения межэтнической напряженности [Малхозова, 1999].

В нашем исследовании этническая толерантность понимается как континуум, на одном полюсе которого можно расположить позитивное восприятие представителей иной культуры (толерантность), на другом - их негативное восприятие (интолерантность). Согласно Н.М. Лебедевой *для этнической толерантности характерно наличие позитивного образа представителей иной культуры при наличии позитивного образа собственной культуры*. Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно «принятие» или позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствии в этом плане преимущества одной культуры перед другой [Лебедева, 1993].

Конечная цель этнической толерантности - объединение общества, достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных явлений и тенденций в сфере межнациональных отношений посредством восприятия «чужих» культур, обычаев, своеобразия как достойных, ценностных явлений [Малхозова, 1999]. Поэтому в нашем исследовании, в качестве социально-психологического содержания стратегий, формируемых в процессе межкультурного взаимодействия, мы рассматриваем толерантность-интолерантность взаимных установок этнических групп поликультурного региона.

1.4.2. Социально-психологические факторы этнической толерантности

В зарубежной и российской социальной психологии было проведено значительное количество исследований с целью выявления факторов, вызывающих толерантные и интолерантные установки в межэтническом взаимодействии. Некоторые из этих факторов были указаны, в начале главы, когда рассматривались исследования межэтнических отношений в современной зарубежной и российской социальной психологии (см. табл. 1, 2).

Таблица 1. Социально-психологические факторы межгрупповой (этнической) толерантности (источник – Лебедева, 2003)

Детерминанты (факторы) этнической толерантности	Следствия этнической толерантности	Авторы исследований
1. Культурная взаимодополняемость	Этническая толерантность, симбиотическая совместимость	Barth, 1994
2. «Пересекающееся» членство в соц. группе	Этническая толерантность, снижение ингруппового фаворитизма	Deschamps & Doise, 1978
3. Разделение общей идентичности (госуд.)	Этническая толерантность, снижение ингрупп. Фаворитизма	Gaertner et al, 1994
4. «Безоценочная» дифференциация (у групп разные, но ценные роли)	Этническая толерантность, снижение ингрупп. Фаворитизма	Thalhofer, 1993
5. Коллективизм (мирное время)	Этническая толерантность, низкая аутгрупповая дискриминация.	Wetherell, 1982; Gudykunst & Ting-Toomey, 1988
6. Индивидуализм	Толерантность к разнообразию	Triandis, 1995
7. Соответствие поведения «чужих» стандартам ингруппы	Этническая толерантность, низкая аутгрупповая дискриминация	Brewer & Campbell, 1976
8. Ценность социальной интеграции	Открытость, толерантность к другим, отказ от конкуренции	Bond, 1988
9. Принадлежность к группе большинства	Преобладание личностных норм, ценностей и установок в межкультурном взаимодействии	Sagiv & Schwartz, 1995
10. Желание единства и принятие культурного разнообразия	Этническая толерантность и общегражданская Идентичность	Berry & Kalin, 1996
11. Географическая мобильность	Этническая толерантность	Kalin & Berry, 1980
12. Длительность взаимодействия, частота контактов и степень их близости	Этническая толерантность	Bochner, 1982
13. Этническая мозаичность (поликультурность) территории проживания	Этническая толерантность	Kalin & Berry, 1982

14. Мультикультурализм как общенациональная идея	Этническая толерантность	Kalin & Berry, 1982
15. Установки на кооперацию	Общая идентичность, межгрупповая толерантность	Sherif, 1966
16. Позитивная этническая идентичность, уверенность в выживании культуры	Этническая толерантность, взаимное уважение, готовность к контакту	Berry J.W., Pleasants M., 1984, Лебедева, 1993.

Таблица 2 Социально-психологические факторы межгрупповой (этнической) интолерантности (источник – Лебедева, 2003)

Детерминанты (факторы) Этнической интолерантности	Следствия этнической интолерантности	Авторы исследований
1. Выраженные этнические границы	Снижение этнической толерантности, этническая интолерантность	Barth, 1994, Дробижева., 1998
2. Жесткость социальной дистанции	Этническая интолерантность, аутгрупповая дискриминация	Barth, 1994, Дробижева., 1998
3. Коллективизм (ситуация напряженности)	Интолерантность к разнообразию	Wetherell, 1982; Gudykunst & Ting-Toomey, 1988
4. Коллективизм	Усиление социальной идентичности, межгрупповая интолерантность	Triandis, 1995
5. Межгрупповое сравнение. Ощущение «негативной оценки» другой группы.	Межгрупповая интолерантность, конфликт	Tajfel H., 1978
6. Стереотипизация	Деиндивидуализация, межгрупповой конфликт	Lilli & Rahm, 1988
7. Выраженность социальной идентичности	Аргументация и оправдание конфликта	Gudykunst et al., 1992
8. Вера в культурное превосходство	Неприемлемость «чужих»	Staub, 1990
9. Принадлежность к группе меньшинства	Оправдание оскорблений и насилия в отношении аутгрупп	Moghaddam & Taylor, 1987
10. Важность социального доминирования	Неуверенность в сохранении культуры, незащищенность внутри соц. иерархии, межгрупповая интолерантность	Islam & Hewstone, 1993
11. Групповая «идеология антагонизма»	Значимость этнической идентичности, Интолерантность	Staub, 1990
12. Нарушение норм ин-группы «чужими».	Понимание мести как «справедливого» взаимодействия	Leung, 1988
13. Длительная история конфликтов и мести	Негативные установки, этническая интолерантность	DeRidder & Tripathi, 1992
14. Высокий уровень избегания неопределенности (взаимодействие в ситуации без четких правил)	Усиление межгрупповых различий, этническая интолерантность, конфликт в ситуации социальной конкуренции	Giles & Johnson, 1987; Kim & Smith, 1993
15. Негативные чувства, связанные с групповой принадлежностью	Игнорирование «чужих», как будто бы их не существует	Wish, Deutsch & Kaplan, 1976; Hofstede, 1984
16. Ожидания негативных последствий межгруппового взаимодействия	Негативные межгрупповые установки	Dijker, 1987; Standor, et al., 1991, Лебедева, 1997
17. Низкий уровень контактов, большие различия в статусе, большая численность групп	Межгрупповая тревожность, этническая интолерантность	Stephan & Stephan, 1985
	Межгрупповая тревожность, этническая интолерантность	Stephan & Stephan, 1985

18. Межгрупповые опасения	Этническая интолерантность	Islam & Newstone, 1993
19. Неопределенность этнической идентичности	Этническая интолерантность	Лебедева, Татарко, 2002 Лебедева, Выскочил, 2002
20. Высокий уровень воспринимаемой дискриминации	Этническая интолерантность	Лебедева, Малхозова, 2002, Лебедева, Татарко, 2002
21. Высокий уровень религиозности	Межгрупповая (этническая и конфессиональная интолерантность)	Лебедева, Татарко, 2002

Анализ работ, систематизированных в таблицах 1 и 2, показывает, что большинство среди социально-психологических факторов этнической толерантности-интолерантности связаны с *особенностями идентификации* членов взаимодействующих групп. Среди такого рода факторов этнической толерантности способствуют:

- 1) «пересекающееся» членство в социальной группе;
- 2) разделение общегосударственной идентичности;
- 3) «безоценочная» дифференциация;
- 4) ценность социальной интеграции;
- 5) желание единства и принятие культурного разнообразия;
- 7) установки на кооперацию;
- 8) позитивная этническая идентичность.

Среди факторов, связанных с особенностями идентификации, этнической интолерантности могут способствовать:

- 1) выраженность социальной (этнической) идентичности;
- 2) принадлежность к группе меньшинства;
- 3) негативные чувства, связанные с этничностью;
- 4) важность социального доминирования и значимость этнической идентичности;
- 5) неопределенность этнической идентичности.

Соответственно групповая (этническая) идентификация рассматривается в большинстве исследований в качестве социально-психологического фактора, детерминирующего толерантность-интолерантность межэтнических установок. Как уже указывалось, в настоящем исследовании мы рассматриваем две основные характеристики этнической идентичности - валентность и определенность.

Что касается валентности, то и в зарубежной [Berry & Pleasants, 1984] и в российской [Лебедева, 1997] кросс-культурной психологии показана важность позитивной валентности для формирования толерантных межэтнических отношений. Впоследствии было установлено, что связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью носит характер социально-психологического закона.

Что касается определенности-неопределенности, то, как указывалось, в зарубежных (преимущественно лабораторных [Brown, 2000]) исследованиях отмечалась важность определенности, четкости групповой идентичности для гармоничных межгрупповых отношений. В российской этнической психологии в ходе полевых исследований обнаружена связь между неопределенностью этнической идентичности и интолерантными межэтническими установками [Лебедева, Татарко, 2002, 2003; Lebedeva, Viskochil, 2003].

Приведенные выше исследования являются теоретической базой наших гипотез, о которых речь пойдет ниже, в специальном разделе.

Резюме

В большинстве исследований в качестве психологических факторов, связанных с этнической толерантностью-интолерантностью упоминаются особенности групповой идентичности. Это указывает на важность данного психологического фактора в формировании межгрупповых установок. В исследованиях зарубежных и российских авторов показано, что позитивная валентность этнической идентичности связана с этнической толерантностью, а негативная – наоборот, с интолерантными установками. В ходе полевых исследований российских авторов находило подтверждение предположение о том, что неопределенность этнической идентичности будет преимущественно связана с негативными межгрупповыми установками [Лебедева, Татарко, 2002; 2003].

1.5. Социально-психологические модели стратегий межкультурного взаимодействия в полиэтнических обществах

Ф. Мохаддам с соавторами пишет, что исторически взаимодействие между культурно-различными группами было ограничено, вследствие больших расстояний и природных условий. Когда, в результате массовых миграций, группы с сильно отличающейся культурной дистанцией стали проживать на одной территории, их взаимодействие, как правило, лежало в поле действия определенных социальных сил, которые, принимали одну из двух форм: *сегрегация* или *ассимиляция* [Moghaddam et al., 1993]. Сегрегация - это отсутствие смешения различных культурных групп между собой, что ведет за собой узаконенную политику ограничений контактов между различными культурными группами. Сегрегация выражается не только в политике государства, но и в межэтнических установках взаимодействующих групп.

При ассимиляции группы меньшинств постепенно утрачивают свою культуру, принимая культуру большинства. Американская концепция «плавильного котла», (которая заключалась в том, что со временем все этносы, проживающие в США, сольются в единую национальную общность), носила именно ассимиляционистскую ориентацию [Moghaddam et al. , 1993]. В СССР существовала аналогичная концепция, предполагалось, что все этносы сольются в единую общность - «советский» народ. Как показала история, политика ассимиляции в поликультурном государстве далеко не всегда приводит к возникновению единой национальной общности, и это вряд ли было возможно в СССР, в котором каждый из народов проживал на «своей» исторической территории.

Как и сегрегация, ассимиляция поддерживалась определенными установками и верованиями людей. Представители культуры большинства во многих странах демонстрировали интолерантные установки по отношению к представителям иных культур. Система образования и средства массовой информации «аккуратно» «обучали» меньшинства культуре большинства. Однако, кроме «аккуратных», существовали и более «грубые» способы, вынуждающие мень-

шинства влиться в культуру большинства, такие как дискриминация, агрессия и принуждение к конформному поведению. В настоящее время основное количество социально-психологических исследований межгруппового взаимодействия в США посвящено проблеме межрасовых отношений [Moghaddam et al., 1993 p.158], что во многом является следствием доминирующей когда-то ассимиляционной концепции «плавильного котла» в политике государства.

Традиционно стратегии межкультурного взаимодействия рассматриваются в рамках психологии аккультурации, и разными исследователями предлагаются разные модели стратегий. В связи с активными миграционными процессами в поликультурных обществах, данная тематика вызывает повышенный интерес у зарубежных ученых [Gordon, 1964; Bochner, 1982; Moghaddam, 1988; Berry, 1994; Hutnik, 1991; Ben-Shalom & Horenczyk, 2003; Уорд, 2004]. А с распадом СССР и началом массовых миграций на территорию России, психология аккультурации привлекла внимание российских ученых [Лебедева, 1993, 1995; Гриценко, 1999, 2002; Павленко, 2001; Попков, 2003 и др.].

Существует множество терминов, с помощью которых описывается межэтническое взаимодействие в поликультурных регионах, а также взаимодействие мигрантов и принимающего общества: аккультурация, ассимиляция, абсорбция, амальгамация, аккомодация, интеграция, сепарация, сегрегация и т.д. [Попков, 2003]. Некоторые из терминов рассматриваются исследователями как идентичные, хотя содержание, которым они наполняются, может оказаться различным.

В концепции Р. Тафта (1953) адаптация мигрантов рассматривается скорее как некая классификация различных политических программ по приему и «укоренению» мигрантов. Главный вопрос заключается в том, какими путями проходит данный процесс [цит. по: Попков, 2003]. Р. Тафт выделяет *монистическую* ассимиляцию, согласно которой включение мигрантов в принимающее общество происходит при полном растворении принятого меньшинства с добровольным отказом от имеющейся идентичности; *плюралистическую* ассимиляцию, которая означает сосуществование самобытных, самостоятельных этни-

ческих групп; и *интеракционистскую* ассимиляцию, которая означает состояние, явившееся результатом обоюдной конвергенции доминирующей группы и прибывшего меньшинства вследствие их постоянной коммуникации.

С. Айзенштадт (1954) рассуждает аналогичным образом, но еще вводит в контекст объяснения понятие *абсорбции*. Он различает три ее измерения: во-первых, *культурное измерение*, включающее в себя *аккультурацию*, которая понимается им как обучение ролевым навыкам и нормам принимающего общества; во-вторых, *личностное измерение*, когда речь ведется об эмоциональной удовлетворенности индивидов; и, в третьих, *институциональное измерение*, в основе которого лежит размещение мигрантов в важнейших сферах принимающего общества [цит. по Попков, 2003].

М. Гордон различает *поведенческую ассимиляцию*, которая заключается в принятии новых культурных способов поведения и ценностных ориентаций, и *структурную ассимиляцию*, под которой подразумевается проникновение в статусную систему принимающего общества [Gordon, 1964].

Все эти подходы вписываются в парадигму ассимиляционизма, о которой говорилось выше, и все в той или иной степени обозначают процесс «приравнивания» мигрантов к условиям социальной и культурной систем региона поселения. В подобной позиции Х. Эссер (1980) выделяет три аспекта адаптации мигрантов: во-первых, *процесс* приравнивания норм и образцов поведения мигрантов к какому-либо стандарту, существующему в принимающем обществе; во-вторых, *состояние* сходства (подобия) относительно какого-либо стандарта, как результат такого приравнивания; и в-третьих, *состояние* равновесия (следовательно – «нормального функционирования») системы вне зависимости от приближенности объекта к желаемому стандарту, существующему в принимающей системе. Процесс приравнивания мигрантов к новым стандартам взаимодействия определяется Х. Эссером как *аккультурация*; состояние подобия норм отношений мигрантов относительно норм принимающего общества понимается как *ассимиляция*; и состояние равновесия отношений в системе считается *интеграцией* [приводится по: Попков, 2003].

К. Уорд указывает, что межкультурное взаимодействие и аккультурация рассматриваются в настоящее время с позиций трех основных подходов – теории социальной идентичности, теории культурного научения и в рамках парадигмы стресса аккультурации [Уорд, 2004]. Как уже упоминалось, данное исследование в первую очередь базируется на теории социальной идентичности, поэтому межкультурное взаимодействие мы тоже будем рассматривать в рамках этого направления. В свою очередь, в рамках теории социальной идентичности А. Тешфела межкультурное взаимодействие изучается в двух направлениях: первое предполагает анализ последствий межкультурного взаимодействия на личностном уровне, второе - на групповом уровне, где основное внимание уделяется взаимоотношению и взаимовосприятию групп [Уорд, 2004]. Мы будем рассматривать стратегии межкультурного взаимодействия именно с позиций второго направления исследований в рамках теории социальной идентичности.

К. Уорд [Уорд, 2004] отмечает, что хотя изменения в процессе взаимодействия мигрантов с принимающим населением касаются многих областей жизни мигрантов, возможно, самые фундаментальные перемены связаны с культурной (и, соответственно, этнической) идентичностью. Согласно К. Уорд существует три основные модели описания и интерпретации изменений культурной идентичности.

Первая модель – ассимиляции. В соответствии с данной моделью, индивид, перемещающийся в новую культуру, отказывается от идентификации с культурой своего происхождения и начинает постепенно идентифицироваться с новой культурой, усваивая свойственные ей особенности, ценности, установки и паттерны поведения, свойственные принимающей культуре. Такая модель является линейной и однонаправленной.

Вторая модель соответствует *бикультурному* подходу. Согласно данному подходу идентификации с родной и с новой культурами относительно сбалансированы и не противоречат друг другу. Бикультурализм рассматривается как промежуточный вариант адаптации между ассимиляцией и сепаратизмом

[Уорд, 2004]. По сути, эта модель тоже является линейной и биполярной (рис. 3) и включает в себя одно измерение. Бикультурализм располагается посередине континуума между сепарацией (как отсутствием аккультурации) и максимальной аккультурацией (которой соответствует ассимиляция). Соответственно бикультурализм помещается между идентификацией с унаследованной культурой и с новой культурой, две соответствующие идентичности рассматриваются как противодействующие силы.

Рисунок 3. Линейная модель аккультурации, базирующаяся на одном измерении
(источник: Lee, Sobal & Frongillo, 2003)



Третий подход представлен наиболее популярной в настоящее время моделью Дж. Берри. Данный автор взял за основу классификацию С. Бочнера и творчески переработал ее [Павленко, 2001]. Модель С. Бочнера включала в себя четыре основных стратегии межкультурного взаимодействия:

1. Интеграция – сохранение прибывшей группой своей культурной идентичности при одновременном принятии элементов культурной идентичности доминирующей группы;
2. Ассимиляция – постепенная добровольная или вынужденная утрата мигрантами своей культурной идентичности и принятие взамен норм и ценностей доминирующей группы;
3. Сегрегация – стремление к раздельному развитию групп;
4. Геноцид – ориентация на намеренное уничтожение группы [Bochner, 1982].

Отличительная особенность модели Дж. Берри состоит в рассмотрении унаследованной и новой культурной идентичностей как независимых, ортогональных измерений. Берри перенес акцент с последствий межгрупповых взаимодействий на их начало, предположил, что сам межэтнический контакт будет преимущественно зависеть от того, какой аккультурационной стратегии при-

держивается мигрант. Перед временными поселенцами, иммигрантами и беженцами встают два основных вопроса, касающихся идентичности с унаследованной и новой культурой. Первый связан с отношением к *собственной культуре*, ее ценности для индивида и необходимости сохранения этнокультурной идентичности. Второй направлен на отношение индивида к *принимающей группе* – насколько взаимодействие с членами данной группы желательно для индивида, то есть насколько он охотно пойдет на поддержание межкультурных отношений. Комбинация ответов на данные вопросы составляет модель аккультурации, предложенную Дж. Берри [Berry, 1994] (см. рис. 4):

Рисунок 4. Основные стратегии аккультурации по Berry, 1994

		Позитивные отношения с доминирующей группой	
		ДА	НЕТ
Поддержание собственной культурной (этнической) идентичности	ДА	Интеграция	Сепарация
	НЕТ	Ассимиляция	Маргинализация

В том случае, если индивиды не хотят поддерживать свою культурную и этническую идентичность и постоянно стремятся к контакту с представителями других культур, этот процесс, согласно Дж. Берри, связывается с выбором стратегии *ассимиляции*. Когда группа мигрантов нацелена на поддержание собственной культуры и стремится к избеганию контактов с представителями доминирующей группы, такой тип взаимодействия соответствует стратегии *сепарации*. Другая сторона этого процесса – когда принимающая группа сама навязывает подобную стратегию меньшинству – называется *сегрегацией*. Если обе группы заинтересованы в поддержании собственных культур и позитивных, конструктивных отношений – это говорит о выборе стратегии *интеграции*. Эта стратегия предполагает сохранение и дальнейшее развитие собственной культуры и интеграцию с культурой большинства. Последняя, самая дезадаптивная стратегия – *маргинализация*, когда у группы нет стремления ни к поддержанию

собственной культуры, ни к поддержанию отношений с принимающей культурой. Согласно исследованиям Дж. Берри, наиболее адаптивной и приемлемой в поликультурном обществе является стратегия интеграции, наименее – маргинализации, сепарация и ассимиляция находятся посередине.

В.В. Гриценко проводила изучение адаптации русских переселенцев из ближнего зарубежья в Саратовской и Волгоградской областях, взяв в качестве одной из концептуальных основ своего исследования модель Дж. Берри. Русские переселенцы имели определенные этно- и социокультурные особенности по сравнению с коренными русскими, поэтому перед ними стоял вопрос о выборе стратегии межкультурного взаимодействия с коренным населением. Согласно эмпирическим данным В.В. Гриценко, стратегию интеграции выбирали 59% респондентов, ассимиляции – 27%, сепарации – 14%, а стратегия маргинализации не обнаружена ни у одного респондента. Таким образом, апробация данной модели на российской выборке уже осуществлялась.

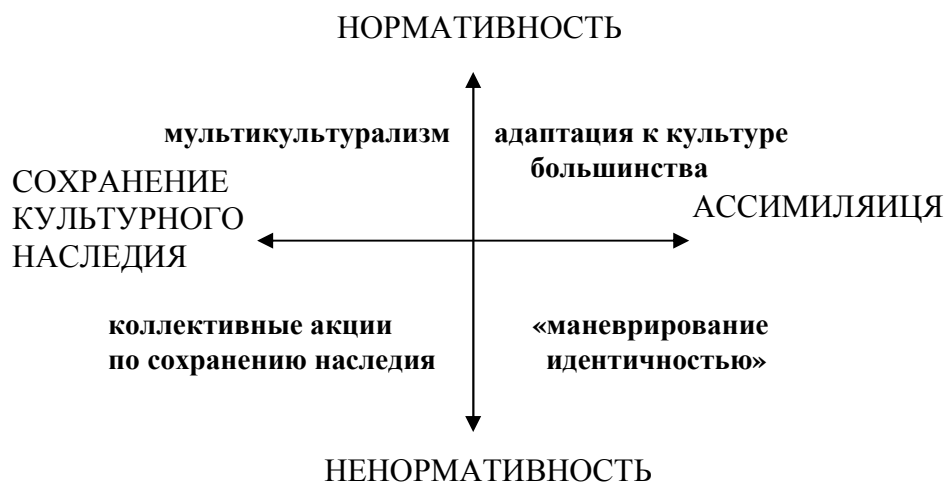
Конечно, в отношении разных объектов и в различных сферах жизнедеятельности у мигрантов могут действовать разные аккультурационные стратегии. Например, мигрант может демонстрировать сепаратистские ориентации в отношении женитьбы, ассимиляционные - в отношении одежды, и интеграционные – в плане предпочтений еды и праздников [Павленко, 2001]. Но, в рамках данной работы, мы будем рассматривать аспект, связанный только с *отношениями* между представителями этноконтактных групп.

Как уже говорилось, типология Дж. Берри, пожалуй, в настоящее время наиболее популярна, и множество исследований выполняются в рамках его теоретической модели. Вместе с тем это не единственная модель, базирующаяся на двух измерениях. Ф. Мохаддам предложил модель «интеграционных стратегий», используемых мигрантами для улучшения своего положения в принимающей культуре [Moghaddam, 1988]. Данная модель, как уже указывалось, основана на двух измерениях: первое характеризует отношение к прежней и новой культуре (то есть, в нем объединены оба измерения Дж. Берри), а второе

– степенью приемлемости данной стратегии для принимающей культуры (рис. 5).

Рисунок 5. Модель интеграционных стратегий Ф. Мохаддама

(приводится по: Павленко, 2001)



Ф. Мохаддам выделяет три сферы жизни мигрантов: частную жизнь; жизнь в пределах этнического сообщества, где преобладают нормы и ценности «родной» культуры; общественную жизнь, где господствуют новые нормы и ценности принимающей культуры. *Полюс ассимиляции* означает, что мигрант придерживается норм и ценностей новой культуры, а также стремится использовать новый язык даже в частной жизни. Нахождение на противоположном *полюсе «сохранение культурного наследия»* означает, что мигрант стремится к использованию родного языка, сохранению норм и ценностей родной культуры даже в общественных институтах принимающего государства.

Континуум *нормативность-ненормативность* интеграционных стратегий характеризует степень соответствия стратегий межэтническому соотношению сил, установившемуся на данный момент. Стратегии считаются нормативными, если они не нарушают гармонии в принимающей культуре, а чем более они способствуют изменениям межэтнической ситуации, тем более они считаются ненормативными (блокирование выборов, бойкоты, демонстрации протес-

та и т.д.). На основе данной модели Ф. Мохаддам выделяет 4 интеграционные стратегии [Moghaddam, 1988].

1. Стратегия «Адаптивность к культуре большинства» соответствует квадранту «нормативность/ассимиляция». Примером данной стратегии интеграции может служить попытка воплощения в жизнь концепции «плавильного котла» в США и СССР. Как было сказано выше, данная стратегия в настоящее время не признается достаточно эффективной. В модели Дж. Берри данная стратегия будет соответствовать стратегии ассимиляции.

2. Стратегия «Мультикультурализма» соответствует квадранту «нормативность/сохранение культурного наследия». Эта стратегия признается в настоящее время довольно эффективной и соответствует национальной идеологии отдельных государств, например, Канады. В модели Дж. Берри эта стратегия будет соответствовать стратегии интеграции.

3. Стратегия «Маневрирование идентичностью» находится в квадранте «ассимиляция/ненормативность». Ассимиляция в ненормативном варианте означает формальное принятие норм и ценностей большинства, при реальной и искренней приверженности ценностям и нормам «родной культуры». То есть это стратегия *демонстрации* приверженности нормам и ценностям, которые наиболее выгодны в настоящий момент. Идентичность мигранта, использующего стратегию «маневрирования идентичностью» напоминает феномен, называемый другими авторами «ситуативной идентичностью». То есть в тех ситуациях, когда удобнее казаться представителем большинства, индивид демонстрирует приверженность атрибутам культуры большинства, когда же предпочтительнее выглядеть представителем этнического меньшинства, он демонстрирует приверженность ценностям и нормам собственной культуры. В модели Дж. Берри нет соответствующей стратегии, мы можем предположить, что данный тип поведения будут свойственен индивидам с неопределенной идентичностью.

4. Стратегия «Коллективные акции по сохранению наследия» соответствует квадранту «сохранение культурного наследия/ненормативность». Сохране-

ние культурного наследия в его ненормативном варианте означает не просто стремление к сохранению культурных норм и традиций, но и действия, направленные на изменение той актуальной межэтнической ситуации, которая сложилась на данный момент в обществе. Данная стратегия отчасти напоминает стратегию «сепарации» Дж. Берри в ее «усиленном» варианте. Мы можем предположить, что такую стратегию будут демонстрировать этнические группы, представители которых обладают *определенной и негативной* идентичностью.

Следует отметить, что все вышеописанные типологии стратегий были разработаны в рамках психологии аккультурации и характеризуют *только* отношение этнических меньшинств, представленных мигрантами к представителям доминирующей культуры. Особенность межэтнического взаимодействия в Российской Федерации (например, в Южном федеральном округе) заключается в том, что принимающее население представлено тоже множеством различных этнических групп, исторически проживающих на территории нынешнего ЮФО, среди которых доминируют русские. Так как в поликультурных обществах очень важно, какую установку демонстрируют члены доминирующей культурной группы, ибо она определяет контекст и государственную политику межкультурного взаимодействия [Лебедева, 2003], необходимо учитывать отношение самих русских к «коренным» меньшинствам региона и мигрантам. Поэтому, несмотря на все плюсы данных моделей, они нуждаются в дальнейшей разработке и развитии. Кроме того, они не рассматривают взаимодействие между большинством и «коренными» меньшинствами, а также отношения меньшинств между собой. Поэтому сомнительно, что их можно без дополнительной адаптации применить для описания межэтнических отношений в поликультурных регионах России, в частности, в Южном федеральном округе. Тем не менее, это нисколько не умаляет их теоретическую ценность. Наиболее подходящими в качестве теоретических оснований для данной работы представляются модели Дж. Берри и Ф. Мохаддама. Модель Дж. Берри является подходящей по двум причинам: во-первых, она связывает ингрупповые и аутгрупповые установки, что согласуется с нашей позицией и, во-вторых, данная модель была

апробирована во множестве исследований, в том числе и в России. Модель Ф. Мохаддама необходима для анализа межэтнического взаимодействия групп мигрантов, которые воспринимаются большинством населения регионов в качестве этнических групп, нарушающих большинство общепринятых норм взаимодействия. Особенно полезна в данном контексте выделенная Ф. Мохаддамом стратегия «Коллективные акции по сохранению наследия» соответствующая квадранту «сохранение культурного наследия/ненормативность» в его типологии.

Отметим принципиально важный в теоретическом плане аспект. Как было показано, *в основу различных типологий психологических стратегий межкультурного взаимодействия разными авторами, как правило, закладывается комплекс установок представителей этнических групп по отношению к своей и доминирующей этническим общностям. Таким образом, стратегия рассматривается как установочное образование – комплекс ингрупповых и аутгрупповых установок, преддиспозиций к определенным видам поведения. В данной работе мы тоже придерживаемся данной точки зрения и рассматриваем психологическую стратегию межкультурного взаимодействия как комплекс установок по отношению к своей и иным этноконтактным группам, которые при определенных условиях могут быть реализованы в поведении большинства представителей этнической группы.*

Рассматривая вопросы, связанные с межэтническим взаимодействием в поликультурном регионе, нельзя не затронуть проблему **этнического статуса**. Данное понятие фигурирует в названии одной из выделенных нами стратегий, поэтому необходимо его краткое рассмотрение.

Этнический статус является одной из разновидностей социального статуса группы. Под социальным статусом группы в науке понимается ее положение, занимаемое в иерархической структуре социума в соответствии с определенными критериями (численность, способность оказывать влияние на отношения в социуме, ведущий вид деятельности и т. д.). Везде, где существует этническое разнообразие, присутствует и стратификация этнических групп. Эти

различия в ранге влияют на самооценку членов этнических групп и на отношение к ним со стороны других [Барбер, с.240]. Американские исследователи Р. Льюис, Р. Роуланд и Р. Клем отмечают, что этническая стратификация связана с иерархическим разделением народов в сфере социально-экономических отношений, и такое разделение является универсальной чертой всех полиэтнических государств [цит. по: Малхозова, 1999].

В российской социальной науке феномен этнического статуса начал исследоваться сравнительно недавно и рассматривается он в основном этносоциологами и этнологами. О существовании этнической стратификации в обществе в своих работах упоминали Л.М. Дробижева (1985), С.А. Арутюнов (1990), Б.А. Хагба (1995), А.А. Сусоколов (1990), В.И. Ильин (1996).

Исследователи выделяют *объективный* и *субъективный* этнический статус [Савва, 1997]. Это связано с тем, что статус определяется объективными и субъективными факторами. К объективным факторам относятся: включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образовательный уровень [Малхозова, 1999]. Среди субъективных можно назвать: самооценку этноса в целом (то есть позитивность-негативность идентичности), а также восприятие его другими этноконтактными группами. Низкий этнический статус, естественно, будет приводить к низкой самооценке и негативной этнической идентичности группы. Следовательно, в соответствии с теорией социальной идентичности индивидуальные, а также групповые психологические стратегии межкультурного взаимодействия будут направлены на повышение этнического статуса. И в сочетании с ясной, определенной этнической идентичностью такие попытки будут носить довольно выраженный характер.

Мы можем предположить, что сочетание невысокого этнического статуса, негативной этнической идентичности с неопределенностью этнической идентичности тоже вызовет стратегию межэтнического взаимодействия, направленную на повышение этнического статуса, но другими путями – через стремление примкнуть к высокостатусной группе. Подобное предположение отчасти под-

тверждается результатами исследований ВА. Воронцова [Воронцов, 1992]. Данный автор в исследовании, проведенном на студентах-удмуртах, показал, что история межнациональных отношений в Удмуртии привела к возникновению комплекса национальной неполноценности у значительной части студентов-удмуртов. Это, в свою очередь, породило повышенную болезненность восприятия всего, что связано с национальной принадлежностью и выразилось, с одной стороны, в обеспокоенности за судьбу нации, а с другой - в желании части удмуртов скрыть или даже изменить свою национальность.

Эмпирическое исследование проблемы этнического статуса на Кубани и Северном Кавказе выполнено российским политологом и этносоциологом М.В. Саввой [Савва, 1997], который указывал на то, что этнические стереотипы связаны с этническим статусом группы и этнический статус является по сути системой авто- и гетеростереотипов. Негативные стереотипы помогают оправдывать экономическое и социальное превосходство тех, кто сосредоточил в своих руках богатство и власть. Изучив взаимные этнические стереотипы групп, проживающих на Северном Кавказе, М.В. Савва сделал вывод о низком этническом статусе русских.

Исследование М.В. Саввы, проведенное в 90-х годах [Савва, 1997], обнаружило интересный факт: русские очень часто приписывали представителям этнических меньшинств такое качество, как «сплоченность». При этом сами представители меньшинств данное качество русским не приписали ни разу. При этом русские видят эту характеристику скорее в негативном свете, так как им не нравится социальная успешность и активность некоторых групп мигрантов. Эти результаты хорошо согласуются с интегральной теорией воспринимаемой угрозы [Stephan & Stephan, 2000] и подтверждают ее - этническое большинство воспринимает сплоченность и активность меньшинств как угрозу своему социальному статусу.

1.6. Теоретический подход к исследованию взаимосвязи этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия

Проведенный аналитический обзор литературы позволяет выделить теоретические основания исследования. Основными концепциями, позволившими сформулировать гипотезы исследования, явились:

- а) теория социальной идентичности (ТСИ) А. Тешфела [Tajfel, 1982];
- б) теоретические представления о таком концепте как «определенность» этнической идентичности [Brown, 2000; Taylor, 2002; Лебедева, 2002];
- в) исследования воспринимаемой дискриминации со стороны аутгрупп Н.М. Лебедевой [Лебедева, 1997]; теория интегральной воспринимаемой угрозы У. Стефан и К. Стефан [Stephan & Stephan, 2000];
- г) исследования по этнической толерантности Дж. Берри, М. Плизента и Н.М. Лебедевой [Berry & Pleasants, 1984; Лебедева, 1997];
- д) модели Дж. Берри [Berry, 1994] и Ф. Мохаддама [Moghaddam, 1988], описывающие стратегии аккультурации мигрантов.

Теоретическими основаниями данного исследования является, прежде всего, теория социальной идентичности А. Тешфела и Дж. Тернера. Соответственно мы принимаем определение группы, предложенное авторами теории: «Мы можем определить группу как совокупность индивидов, воспринимающих себя в качестве представителей одной и той же социальной категории, разделяющих эмоциональные последствия самоопределения и достигающих определенной степени согласованности в оценке собственной группы и членства в ней» [Tajfel & Turner, 1986, p. 15]. Этническая идентичность в рамках данной работы рассматривается как один из компонентов социальной идентичности личности, а в качестве определения последней принимается определение, данное А. Тешфелом «социальная идентичность - это часть Я-концепции индивида, возникающая из осознания своей принадлежности к социальной группе (или

группам) вместе с оценкой и эмоциональным отношением к этому групповому членству» [Tajfel, 1972].

Опираясь на теорию социальной идентичности, мы можем предположить, что *на психологическом уровне взаимодействие представителей этнических групп поликультурного региона определяется, прежде всего, их этническими идентичностями*, что приводит к социальной категоризации. Представители каждой этнической группы, независимо от ее статуса и положения мотивированы на достижение позитивных отличий в пользу своей группы (т.е. обретения позитивной валентности этнической идентичности). Это приводит к актуализации установок на межгрупповую дифференциацию, неизбежно порождая аутгрупповую дискриминацию и этническую интолерантность. Но, опираясь на исследования по этнической толерантности Дж. Берри и М. Плизента, а также Н.М. Лебедевой [Berry & Pleasants, 1984; Лебедева, 1997], в которых было показано, что позитивная идентичность связана с толерантными межгрупповыми установками, а негативная – с интолерантными, можно предполагать, что *к межгрупповой дифференциации и этнической интолерантности будут скорее склонны представители групп, имеющие негативную этническую идентичность*.

Согласно нашему подходу, помимо валентности (позитивности-негативности) этнической идентичности важную роль в межгрупповых отношениях играет такая характеристика идентичности как степень ее неопределенности [Brown, 2000; Taylor, 2002; Лебедева, 2002]. Опираясь на эмпирические и теоретические работы Д. Тейлора, Р. Брауна, Н.М. Лебедевой, А.А. Сусоколова можно предположить, что в том случае, когда этническая группа начинает утрачивать определенность идентичности в сложном современном мире, она начинает ощущать катастрофические последствия этой утраты (утраты себя, утраты собственного уникального способа структурирования и организации мира). И тогда индивиды начинают стремиться вновь обрести определенность групповой (этнической) идентичности. Как это можно сделать? Наиболее простой и логичный для этнической группы путь - дифференциация от окружающих

групп, неприятие и отрицание их культур. Но процессы дифференциации (как указывалось выше) связаны с интолерантностью и негативными межгрупповыми установками, поэтому можно предположить, что *установки представителей групп с неопределенной этнической идентичностью будут интолерантными по отношению к другим этноконтактным группам и их представителям.* Кроме того, отсутствие определенной групповой идентичности актуализирует процессы категоризации, так как представителям группы важно отделять «нас» от «них». А процессы категоризации, как показано в исследованиях проведенных в русле теории социальной идентичности, связаны с аутгрупповой дискриминацией. Забегая вперед, хочется отметить, что если помочь группе *сохранить* или *восстановить* определенность этнической идентичности, то ее стремление к межгрупповой дифференциации будет снижено, а, следовательно, это снизит интолерантность к окружающим группам. Кроме того, определенность этнической идентичности необходима группе для определения критериев (маркеров), благодаря которым, она может дифференцировать себя от окружающих групп с целью достижения позитивной отличительности в свою пользу. *Если идентичность представителей группы неопределенная, то группа испытывает затруднения с определением такого рода критериев (маркеров), что «подтолкнет» группу к поиску определенной идентичности при помощи межгрупповой дифференциации, которая связана с этнической интолерантностью.*

В теории социальной идентичности указывается, что для достижения позитивной идентичности индивид выбирает две стратегии – *социальная мобильность* (смена группы) и *изменение статуса группы*, которое достигается через переоценку критериев, по которым производится сравнение и социальное соревнование (конкуренцию). Мы можем предположить, что этнические группы, представители которых имеют неопределенную идентичность, для обретения ее определенности могут использовать стратегию социальной мобильности. Представители этнических групп, обладающие негативной идентичностью, тем бо-

лее, если она негативная и определенная, для достижения ее позитивности, будут стремиться к изменению статуса группы путем социальной конкуренции.

Низкий этнический статус, например, группы мигрантов, являющихся этническим меньшинством, будет приводить к низкой самооценке и негативной этнической идентичности, что не может удовлетворять представителей данной этнической группы. Следовательно, в соответствии с теорией социальной идентичности индивидуальные, а также групповые стратегии межкультурного взаимодействия, в таком случае будут направлены на повышение этнического статуса группы. И в сочетании с определенной этнической идентичностью подобные попытки будут носить довольно выраженный характер.

Воспринимаемая дискриминация (воспринимаемая угроза), с нашей точки зрения, обязательно должна рассматриваться при изучении межэтнических отношений в поликультурном регионе, так как учет данного фактора позволит дифференцировать, какими факторами обусловлены межэтнические установки групп поликультурного региона: их этнической идентичностью или воспринимаемым отношением со стороны аутгрупп? Согласно интегральной теории воспринимаемой угрозы У. Стефан и К. Стефан, наличие воспринимаемой угрозы и символической угрозы (угроза ценностям, традициям группы) может привести к предубеждению, независимо от того, является ли эта угроза реальной [Stephan & Stephan, 2000]. Поэтому учет этого фактора очень важен при исследовании взаимоотношений между доминирующим большинством и меньшинствами, тем более, если эти меньшинства представлены инокультурными мигрантами. Кроме всего прочего, воспринимаемая дискриминация способна привести к негативной этнической идентичности, что, в конечном счете, вызовет этническую интолерантность.

Итак, мы полагаем, что на социально-психологическом уровне толерантность или интолерантность взаимных установок этнических групп поликультурного региона, определяется, прежде всего:

а) этнической идентичностью членов данных групп – точнее ее *валентностью* и *степенью определенности*;

б) воспринимаемым отношением со стороны этноконтактных групп (воспринимаемой дискриминацией).

Следовательно, зная взаимосвязь между межгрупповыми установками и характеристиками идентичности (валентностью и определенностью) представителей этнических групп, при учете фактора воспринимаемой дискриминации, можно попытаться найти *универсалии в психологических стратегиях взаимодействия* различных групп, обладающих схожими характеристиками этнической идентичности.

Какие компоненты образуют стратегии межкультурного взаимодействия? Дж. Берри в основу своей модели аккультурации закладывал два типа установок – установки по отношению к своей группе и установки по отношению к доминирующей культуре [Berry, 1994]. Ф. Мохаддам [Moghaddam, 1988] основывал свою модель на двух измерениях, по сути являющихся тоже установками: 1) отношение к своей культуре и культуре большинства; 2) приемлемость стратегии взаимодействия для культуры большинства. Таким образом, в основу типологизации стратегий межэтнического взаимодействия, авторами закладывается комплекс социально-психологических установок по отношению к ин- и аутгруппам. **Таким образом, психологическая стратегия рассматривается как установочное образование, точнее - комплекс установок. Мы также склонны считать психологическую стратегию межкультурного взаимодействия установочным образованием. Под психологической стратегией межкультурного взаимодействия мы понимаем комплекс установок по отношению к собственной и иным этническим группам.**

Под социальной установкой в данном исследовании мы, опираясь на определение Г. Олпорта [приводится по: Соснин, Красникова, 2004], понимаем состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в социальной среде, которое основано на прошлом опыте и способно регулировать социальное поведение в будущем.

М. Смит предложил различать в структуре социальной установки следующие компоненты: *когнитивный* (знания о социальном объекте), *аффектив-*

ный (эмоционально-оценочное отношение к объекту) и *поведенческий* (готовность индивида к осуществлению конкретного поведения по отношению к социальному объекту). Данные компоненты взаимосвязаны, однако структура данной взаимосвязи ясна пока не полностью. Наибольшее количество исследований посвящено взаимосвязи поведенческого компонента с когнитивным и аффективным компонентами [Перспективы социальной психологии, 2001]. Данный интерес вызван тем, что в большинстве психологических исследований измеряется именно *аффективный* компонент социальной установки, и на его основании делался прогноз *поведения* индивида. Современные исследования по данной тематике указывают, что высокая согласованность поведения с аффективным компонентом социальной установки возможна при соблюдении следующих условий:

- 1) высокой когнитивно-аффективной согласованности самой установки [Norman, 1975];
- 2) наличием у индивида непосредственного опыта взаимодействия с объектом установки [Fazio, Zanna, 1981];
- 3) согласованностью обоих показателей по степени конкретности [Перспективы социальной психологии, 2001, с.249];
- 4) учетом характеристик ситуации, в которой будет реализовываться поведение [Шихирев, 2000; Перспективы социальной психологии, 2001]. В данном случае необходимо учитывать такие факторы, как социальные нормы, моральные нормы, ценности группы и т.д.

Поскольку основная функция социальной установки заключается в регуляции социального поведения индивида, мы считаем, что совокупность индивидуальных межэтнических установок представителей определенной этнической группы можно рассматривать в качестве психологической стратегии межкультурного взаимодействия. Таким образом, психологическая стратегия межкультурного взаимодействия представляет собой установочное образование, характеризующее *готовность* представителей этнической группы к определенному поведению по отношению к представителям иных этнических, субкультурных

и конфессиональных групп. Чтобы такая психологическая стратегия как совокупность установок обладала максимальной прогностической ценностью, мы конструировали наш исследовательский инструментарий с учетом четырех вышеуказанных условий, позволяющих увеличить прогностическую ценность социальных установок.

Таким образом, мы считаем, что типология психологических стратегий межкультурного взаимодействия должна включать в себя:

а) установки по отношению к ингруппе (валентность и определенность этнической идентичности);

б) комплекс установок по отношению к аутгруппам (как этническому большинству, так и инокультурным меньшинствам).

При построении типологии психологических стратегий взаимодействия этнических групп в поликультурном регионе мы использовали только те межэтнические установки, которые имеют значимую статистическую связь с характеристиками идентичности. Кроме этого, предлагаемая нами типология характеризуется определенной спецификой, которая заключается в следующем. В рамках психологии аккультурации обычно рассматривались модели стратегий взаимодействия этнических меньшинств с большинством, и в основу таких моделей закладывались установки меньшинства по отношению к своей культуре и к культуре доминирующей группы. Наша типология стратегий включает в себя не только установки меньшинств по отношению к культуре своей группы и культуре большинства, но и установки по отношению к другим меньшинствам, а также установки самой доминирующей группы по отношению к меньшинствам, проживающим в регионе.

Конечно, наша модель учитывает типологию Дж. Берри, но Берри изучал преимущественно взаимодействие мигрантов с принимающим населением, наша же модель является более универсальной для поликультурных регионов различного типа, так как в ней учитывается психологическая стратегия межкультурного взаимодействия самого принимающего населения по отношению к мигрантам.

Опираясь на проведенный аналитический обзор литературы и предлагаемый нами теоретический подход, можно выдвинуть следующие гипотезы исследования.

Общая гипотеза исследования: одинаковые психологические стратегии межкультурного взаимодействия представителей разных этнических групп взаимосвязаны со сходными характеристиками их этнической идентичности и уровнем воспринимаемой дискриминации.

Частные гипотезы:

1. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязана с толерантными межгрупповыми установками, негативная этническая идентичность (прежде всего негативные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязана с интолерантными установками.

2. Толерантные и интолерантные межгрупповые установки связаны с такой характеристикой этнической идентичности, как степень ее определенности.

3. Высокий уровень воспринимаемой дискриминации связан с интолерантностью межгрупповых установок.

4. Этнические и субкультурные группы, обладающие сходной комбинацией характеристик идентичности (валентности и определенности) демонстрируют одинаковые межгрупповые установки, которые могут быть сгруппированы в психологические стратегии межкультурного взаимодействия.

Глава 2. Эмпирическое исследование этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия в Южном федеральном округе

2.1. Характеристика межкультурного взаимодействия в Южном федеральном округе. Объект исследования

Южный федеральный округ характеризуется высокой степенью поликультурности, образованной как коренным, так и прибывшим в результате интенсивных миграций последних десятилетий населением. Этнические группы, проживающие в данном регионе, порой значительно отличаются между собой своими этнокультурными нормами, ценностями, традициями, т.е. имеют значительную культурную дистанцию. С нашей точки зрения, анализ результатов эмпирического исследования будет неполным, если не рассмотреть реальную обстановку, складывающуюся в настоящее время в сфере межкультурного взаимодействия в данном регионе. Поэтому, прежде чем переходить к обсуждению результатов исследования, необходимо кратко охарактеризовать этнополитическую ситуацию в тех регионах округа, в которых проводился опрос.

Как уже указывалось, исследование проводилось в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях. Прежде всего рассмотрим обстановку в сфере межэтнических отношений **в Ставропольском крае**, так как он, согласно данным этнологов, относится к категории «проблемных» регионов, в которых возможны межэтнические столкновения [Этнические проблемы регионов России, 2002, с.86].

После распада Советского Союза Ставропольский край, по сути, превратился в приграничный регион, хотя и не имеет непосредственного соприкосновения с другими государствами. Ставрополье соседствует с территориями России, в которых политическая обстановка нестабильна, в частности, с республиками Северного Кавказа. На экономику и социальную сферу Ставропольского края негативно влияют не только близкие, но и отдаленные конфликты - в За-

кавказье, Средней Азии. «Приграничное» положение Ставропольского края сопряжено с высокой миграцией на его территорию, и большинство мигрантов в настоящее время прибывают в край из Чечни (см. табл. 3).

Таблица 3. Численность вынужденных переселенцев, зарегистрированных в Ставропольском крае на 01.01.2001 (с начала регистрации 01.07.1992 г., исключая снятых с регистрации в связи с истечением срока предоставления статуса)

Всего (тыс. чел.)	В том числе прибывших из:					
	Чечни, тыс. чел.	Азербайджана, тыс. чел.	Грузии, тыс. чел.	Таджикистана, тыс. чел.	Казахстана, тыс. чел.	Узбекистана, тыс. чел.
29013	21518	1758	973	521	2511	876
в % к итогу:	74,2	6,1	3,4	1,8	8,7	3,0

(Источник: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №46, 2002).

Самой многочисленной этнической группой среди мигрантов являются русские (73% - в прибывших и 76% - в выбывших). Большую долю в переселенческом потоке составляют армяне, греки. Проведенные С.В. Рязанцевым [Рязанцев, 2002] исследования показали, что на начальном этапе первой чеченской кампании до декабря 1994 г. около 80% вынужденных переселенцев из Чеченской Республики «оседали» в Ставропольском крае. Остальные – стали «транзитными» мигрантами. Миграционные процессы в Ставропольском крае являются одним из факторов повышенной межэтнической конфликтности [Авксентьев и др., 2002; Этнические проблемы регионов России, 2002, с.86].

Активная миграция приводит к изменению этнического состава населения Ставропольского края. За последнее десятилетие доля русских сократилась почти на 3,6%, при этом увеличилась доля армян, греков, азербайджанцев и др. (табл. 4).

Таблица 4. Национальный состав населения Ставропольского края

Народы	По итогам переписи 1989 г.		Расчетные данные на начало 1999 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Русские	2024,1	86,5	2198,9	82,89
Армяне	70,2	3,0	111,2	4,1

Украинцы	62,9	2,6	71,4	2,6
Даргинцы	32,7	1,4	38,1	1,4
Греки	26,8	1,1	32,5	1,2
Ногайцы	15,5	0,7	18,9	0,7
Чеченцы	15,0	0,7	13,7	0,5
Месхетинские турки	1,6	0,06	3,8 (7,0)*	0,14 (0,26)*
Всего	2410,4	100	2652,6	100

(Источник: данные Ставропольского краевого комитета по статистике).

* - в скобках дана цифра на основе данных паспортных столов районов Ставропольского края, без скобок – экспертная оценка численности месхетинских турок.

По показателю миграционного прироста этнические группы Ставрополя можно разделить на несколько типов [Рязанцев, 1999].

Первый тип - представители этнических групп, миграционные потоки которых имеют положительный, но постепенно снижающийся прирост, который хотя и сокращается в абсолютных цифрах, но не меняет своего вектора. Прежде всего, это славянские народы: русские, украинцы, белорусы. Сокращение достаточно существенно: миграционный прирост русских по итогам 1998 г. в сравнении с 1989 г. сократился на 1/3. Подобную динамику миграционных показателей имеют татары, греки и осетины.

Второй тип - народы, вектор миграции которых изменился с отрицательного на положительный на рубеже 1980-1990-х гг. или несколько позже. Ставропольский край после распада СССР стал привлекательной территорией для грузин, азербайджанцев и туркмен, приток которых происходит из различных регионов России и стран СНГ, ставших некоторое время назад для них местом работы или учебы. С 1997 г. приток чеченцев в край стал также существенно превышать их отток. Местное население многих сел отмечает факты нелегального проживания чеченцев у своих родственников на отдаленных кошарах.

Третий тип - группы, миграцию которых можно назвать "экспансией" [Рязанцев, 1999], поскольку показатель их миграционного прироста характеризуется постоянным возрастанием, что на фоне снижения абсолютных показателей миграции выглядит достаточно необычно. Миграционный прирост армян достиг своего пика на протяжении десятилетия в 1993 г. (4,9 тыс. чел.), но показатель прироста остается высоким до сих пор (3,5 тыс. в 1998 г.). Прирост ногай-

цев достиг своего рекордного показателя (544 чел.) в 1998 г. и вырос по сравнению с 1989 г. в 7 раз. Приток происходит, в основном, из Чеченской республики.

Четвертый тип - народы, у которых вектор миграции изменился с положительного на отрицательный. С 1993 г. происходит интенсивный отток даргинцев (миграционная убыль 1,1-1,3 тыс. чел. ежегодно), выезжают в течение нескольких лет и другие народы Дагестана - аварцы, кумыки, лакцы, агулы. С 1995 г. наблюдается миграционный отток цыган, которые достаточно чутко реагируют на обострение этнополитической обстановки.

Второй, после русских, по численности и величине миграционного прироста этнической группой на Ставрополье в настоящее время являются армяне [Свечникова, 2002]. В прямом миграционном потоке их численность в первой половине 1990-х гг. постоянно росла, а в обратном - сокращалась, соответственно росло сальдо миграции. В начале 1990-х гг. на долю армян в миграционном приросте края приходилось от 10,8 до 11,4%, в 1999 г. - 29,4%, в 2000 г. 49,6%. В 2001 г. в миграционном приросте края среди этнических групп, имеющих положительное сальдо миграции, армяне составляют 50,5%, тем самым, обеспечивая более половины миграционного прироста населения края.

Среди других народов, прибывающих на жительство в Ставропольский край, выделяются даргинцы, украинцы, греки, грузины, азербайджанцы. Высокий миграционный прирост в крае отмечается у греков: сальдо миграции 0,5-1,0 тыс. чел. В отличие от других этнических групп, миграционный прирост у греков почти полностью (на 91-94%) обеспечивается за счет межгосударственной миграции, преимущественно с территории Грузии.

Специалисты отмечают, что помимо негативных последствий (которыми являются, прежде всего, этнические конфликты) миграция оказывает позитивное влияние на демографическую ситуацию в крае, компенсируя потери населения от снижения рождаемости. Только за счет миграционного обмена с государствами ближнего зарубежья население края в 1990-2000 гг. увеличилось на 143 тыс. чел. [Аствацатурова, 2002]. Поток мигрантов даже "спас" от закрытия

некоторые сельские школы. Поэтому необходимо искать пути адаптации мигрантов и налаживания их взаимоотношений с коренным населением края.

Ростовская область.

Из трех регионов, в которых были проведены наши полевые исследования, наиболее благополучным в плане межэтнических отношений считается Ростовская область. На 1 января 2001 г., в Ростовской области, по данным Госкомстата России (Российская газета, 04.08.01) проживало 4317,4 тыс. чел. На территории данного региона находятся представители более 100 национальностей. Наиболее многочисленные группы из них составляют: русские - 89%, украинцы - 4%, армяне - 1,5%, белорусы - 1%, чеченцы, татары, молдаване - 0,4%.

До недавнего времени регион был достаточно спокойным в плане межэтнических отношений [Таболина, 2002]. Однако в настоящее время этнологи относят его к категории «территорий, испытывающих негативные последствия межэтнической напряженности из-за приграничного положения с политически нестабильными регионами», а также категории регионов, «подвергающихся интенсивному притоку иноэтнических мигрантов» [Этнические проблемы регионов России, 2002, с.86]. Неконтролируемая миграция, рост числа иноэтнических беженцев начали приводить к конфликтам местного населения и мигрантов. Ростовская область превратилась в «приграничный» регион. События в Буденновске, военные действия в Чеченской Республике, взрывы в Волгодонске, сложное экономическое положение, недовольство наплывом мигрантов из республик Северного Кавказа, занимающих коммерческие ниши, начали вызывать столкновения на национальной почве. Бытовые недовольства приводили в ряде случаев к локальным этнически окрашенным конфликтам в Шолоховском, Мартыновском, Песчанокопском, Ремонтненском, Заветинском, Дубовском и др. районах. Так, например, конфликт, переросший в столкновение, между местными жителями и мигрантами-чеченцами произошел в марте 2001 г. в селе Богородицком Песчанокопского района [Таболина, 2002]. По данным администрации района, до начала второй чеченской кампании (на 1.08.99 г.) на терри-

тории района проживали 237 чеченцев, из них 168 чел. имели здесь постоянную регистрацию. С сентября 1999 г. по 30 января 2000 г. в Песчанокопский район прибыли 166 человек, в т.ч. 65 детей. Из числа прибывших, в селе Богородицком и на хуторе Мухин проживают 135 взрослых и 57 детей. Все прибывшие на территорию района находятся в родственных отношениях и ранее проживали во Веденском районе Чеченской Республики. В целом местное население четко разделяет "своих" чеченцев и вынужденных переселенцев. К последним отношение достаточно настороженное, считается, что нормализация обстановки в Чечне не является гарантией возвращения в республику подавляющего большинства чеченцев, временно расселенных на других территориях, и уже сегодня высказываются опасения, что жители Чечни даже в условиях послевоенного строительства не захотят возвращаться на родину [Хоперская, 2000]. Чеченцы села Богородицкое были включены в нашу выборку представителей данной этнической группы по Ростовской области.

Тем не менее, миграция в Ростовской области, как и в Ставропольском крае, препятствует снижению численности населения региона. На научно-практической конференции «Формирование культуры межнационального общения на Дону: опыт и проблемы» (проходившей в городе Ростов-на-Дону в апреле 2002 года), высказывались суждения, что миграция есть благо для Ростовской области, так как только она в настоящее время способна компенсировать падение численности коренного населения и увеличить количество рабочей силы в регионе. Ростовская земля всегда была гостеприимной, и на ее территории мирно уживались представители различных народов и культур (на территории области Войска Донского в начале 20 века проживали украинцы, русские, татары, турки, немцы, армяне, евреи, калмыки, поляки). Тем не менее, абсолютное большинство экспертов, опрошенных нами в апреле 2002 года, в составе которых были окружные атаманы и главы администраций районов, указывали на то, что приток инокультурных мигрантов осложняет обстановку в сфере межэтнических отношений в регионе. Все эксперты отмечают, что межэтнические отношения в области за последние пять лет изменились в худшую

сторону. Происходит это, преимущественно, вследствие столкновения интересов, ценностей, норм и моделей поведения представителей различных этнических групп. Мигранты живут, руководствуясь своими культурными канонами, и не хотят принимать местные нормы и традиции. Даже армяне-мигранты, прибывшие из Армении, не всегда находят общий язык с местными армянами, живущими в Ростовской области 200 лет, а чеченцы, прибывшие на постоянное место жительства в Ростовскую область в начале 80-х годов, далеко не одобряют поведение чеченцев-беженцев, прибывших в конце 90-х. Эксперты отмечают, что делались попытки сгладить противоречия между различными этническими группами, познакомить представителей разных национальностей с культурами друг друга, были попытки найти точки соприкосновения для взаимопонимания и сотрудничества. Однако зачастую это приводило к прямо противоположным результатам. Многие мигранты воспринимают такую политику как проявление «слабости». Происходит это в силу специфики этнокультурных ценностей мигрантского населения, которые часто значительно отличаются от норм и ценностей местного населения. В то же время сами мигранты (чеченцы, турки-месхетинцы, армяне-мигранты), проживающие в селах и на хуторах Ростовской области, утверждают, что местное население притесняет их, ограничивая в правах и проводя политику дискриминации.

Основываясь на результатах исследований в Южном федеральном округе, этносоциолог М.В. Савва считает, что интеграция представителей различных этнических групп возможна только через совместную деятельность. Для решения проблемы взаимодействия мигрантов с местным населением необходима деятельность не по *отсеканию* мигрантов, а по *вживанию* их в социальную среду. При этом основная трудность в том, что значительная часть самих мигрантов не осознает необходимости этого вживания. По мнению М.В. Саввы они стремятся сначала достичь высокого уровня жизни, а потом уже думать об интеграции. Одна из причин высокой конфликтности определенных этнических групп в данном регионе, что они, в терминологии, М.В. Саввы «прошли этап капсулирования», т.е. замкнулись [Зенченко, Савва, 2002]. Чем прочнее такая

«капсула», тем выше уровень конфликтности группы, то есть ниже этническая толерантность.

На фоне множества противоречий в сфере межэтнических отношений происходит возрождение и формирование казачества, которое стремится внести вклад в стабилизацию межэтнического взаимодействия в регионе. Находясь в длительных контактах с горскими народами, казаки не только хорошо представляют себе их национальные особенности, но и имеют исторически сложившиеся отношения соседства и хозяйственного сотрудничества. Самосознание казаков не идентично самосознанию русских. «Несмотря на тот факт, что после расказачивания в 1920-х гг. казаков официально стали причислять к русским, эти две группы остались разобщены как социально, так и психологически» [Солдатова, 1998. с.302]. Психологический аспект проблемы становления казачества, точнее становление их самосознания, также затронут в исследовании.

Краснодарский край.

В настоящее время подавляющее большинство населения Краснодарского края составляют русские – 4 млн. 314,8 тыс. чел., что соответствует 86,2% (статистические данные на 01.01.2001 г. приводятся по: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №36, 2001). Другие этнические группы представлены в значительно меньших объемах и на этом основании могут быть отнесены к этническим меньшинствам. Среди них выделяются армяне - 242 тыс. чел. (около 4,0%), украинцы - 198,6 тыс. чел. (около 3,0%), остальные группы еще малочисленнее. Краснодарский край, как и другие регионы Южного федерального округа, испытывает довольно высокую миграционную нагрузку. Что касается ситуации в сфере межэтнических отношений, то Краснодарский край занимает промежуточное положение между Ставропольским краем и Ростовской областью.

В 2000 г. в выступлениях заместителя губернатора края, глав администраций населенных пунктов Крымского района, в обращении Совета депутатов го-

рода-курорта Анапа к президенту РФ и в подготовленном законодателями Республики Адыгея и Краснодарского края законопроекте "О миграции в РФ" звучали требования закрыть Краснодарский край для миграции, прежде всего, выходцев из Закавказья (данная информация приводится по: Попов А. Круглый стол по миграционным проблемам //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №35, М., 2001). Аргументация представителей местной власти сводилась к следующим положениям: 1) мигранты усугубляют сложную социально-экономическую ситуацию в крае; 2) приток мигрантов из Закавказья осложняет криминогенную обстановку в регионе; 3) расселение выходцев из Закавказских государств на границах РФ представляет опасность для геополитических интересов России; 4) переселенцы нарушают этнодемографический баланс в крае, что чревато этническими конфликтами; 5) проживание представителей народов Кавказа совместно с местным славянским населением невозможно из-за культурной несовместимости этих этнических групп.

В основе миграционной политики краевой администрации лежит негативное представление о миграции, особенно представителей неславянских групп [Попов, 2001 (а)]. Данный подход к миграционной политике основан на дифференциации мигрантов по этническому признаку, что способствует распространению антимигрантских настроений среди местного населения. Так, осенью 2000 г. по инициативе Союза русских западной зоны Кубани был проведен референдум о выселении турок-месхетинцев и других кавказских групп с территории Крымского и Абинского районов края.

К туркам-месхетинцам в Краснодарском крае сложилось далеко не самое позитивное отношение. Им не стремятся давать официальное гражданство и прописку, рассматривая как временно пребывающую в регионе группу. Турки-месхетинцы - используемое в официальных документах общее название беженцев и вынужденных мигрантов, объединяющее несколько этнических групп выходцев из Грузии, которые в результате сталинских репрессий были высланы в Среднюю Азию (Узбекистан, Казахстан, Киргизия). Самой многочисленной из них являются собственно месхетинские турки (самоназвание "ахалцихские

турки") [Попов, 2001 (б)]. В 1989 году в Средней Азии прошли кровавые погромы турецких поселений. После эвакуации из зоны конфликта турки расселились в ряде регионов России, в частности на Кубани. На территории Краснодарского края турки-месхетинцы проживают компактными группами в Анапском, Абинском, Апшеронском, Крымском и Белореченском районах

Турки-месхетинцы стремятся вернуться в места, откуда они были высла- ны. Грузинское руководство до недавнего времени занимало негативную пози- цию в этом вопросе и отказывало им в репатриации. В 1999 г. после принятия Грузии в Совет Европы позиция официального Тбилиси изменилась. Одним из условий нахождения Грузии в этой влиятельной европейской организации ста- ло решение вопроса о репатриации высланного в 1940-е гг. из республики насе- ления, в том числе месхетинских турок.

На сегодняшний день нет достоверной статистической информации о численности турецкого населения в Краснодарском крае. По данным Правоза- щитного Центра "Мемориал", их в крае проживает от 13 до 16 тысяч, по офици- альной оценке, которая звучит в выступлениях представителей властных струк- тур, турок в регионе насчитывается до 20 тыс. человек. Таким образом, при об- щей численности населения Краснодарского края 5 млн. 58,2 тыс. человек тур- ки-месхетинцы составляют менее 0,4%. Проживают они компактными поселе- ниями в Абинском, Белореченском, Крымском и Апшеронском районах. Основ- ная часть турок-месхетинцев, более 98%, проживает в сельской местности и за- нимается традиционным выращиванием сельхозпродукции [Попов, 2001 (б)].

Краснодарский политолог М.В. Савва, провел сравнительное социологи- ческое исследование межэтнических отношений в Краснодарском, Ставрополь- ском крае и Ростовской области [Зенченко, Савва, 2002]. В рамках данного ис- следования было выявлено, что ситуация в сфере межэтнических отношений в Ростовской области, местными жителями воспринимается примерно такой же, как и в целом по России. В Ставрополье, с точки зрения респондентов, прожи- вающих в данном регионе, межэтнические отношения значительно хуже, чем в целом по России. В Краснодаре ситуация в сфере межэтнических отношений

лучше, чем в Ставрополье, но хуже, чем в Ростовской области. Было также выявлено, что в Краснодарском крае и Ростовской области примерно половина опрошенных считает, что различные народы, проживающие в этих регионах, имеют равные возможности. А в самом неблагоприятном - Ставропольском крае - 72% респондентов считают, что возможности изначально неравны. Такой показатель является симптомом латентного конфликта, который в любой момент способен вылиться в открытые столкновения.

Таким образом, анализ ситуации, сложившейся в сфере межэтнических отношений в Ставропольском, Краснодарском крае и Ростовской области, показывает, что регионы, в которых поведился социально-психологический опрос, обладают следующей спецификой:

- 1) высокий уровень недостаточно контролируемой миграции;
- 2) повышенная, по сравнению с Россией в целом, межэтническая напряженность, особенно в Ставропольском крае;
- 3) конкуренция между представителями различных этнических групп на рынке труда, так как мигрирует трудоспособное население;
- 4) стремление представителей различных этнических групп к дифференциации по этническому и конфессиональному признаку (создание диаспор, национальных общин и т.д.), слабое стремление к интеграции с местным славянским населением региона;
- 5) обращает на себя внимание, что в каждом регионе существуют так называемые «проблемные» этнические группы мигрантов, которые не принимаются коренным населением региона.
- 6) казачьи объединения данных регионов, играют все более значительную роль в формировании межэтнических отношений.

Объект исследования. Итак, социально-психологический опрос проводился в трех регионах Южного федерального округа: Ростовской области, Ставропольском крае и Краснодарском крае. В выборку вошли представители 15 групп респондентов, которые представлены девятью наиболее многочислен-

ными этническими группами Южного федерального округа. Общий состав выборки по регионам приводится в таблице № 5.

Таблица 5. Выборка

Регион	Этнические и субкультурные группы	Количество респондентов	Общее количество респондентов по региону
Ростовская Область (РО)	Казаки ²	144	451
	Русские	127	
	Турки-месхетинцы	75	
	Чеченцы	35	
	Армяне	40	
	Украинцы	30	
Краснодарский край (КК)	Казаки	50	200
	Русские	50	
	Турки-месхетинцы	50	
	Курды	50	
Ставропольский край (СК)	Русские	100	266
	Чеченцы	31	
	Армяне	54	
	Дагестанцы	42	
	Греки	39	
	Всего		N=917

Выбор данных этнических групп обусловлен, во-первых, целями исследования (мы стремились выбрать этнические группы, которые могут отличаться состоянием этнической идентичности и уровнем воспринимаемой дискриминации), во-вторых, их численным превосходством – представители данных групп составляют большую часть населения Южного федерального округа.

Эмпирическое исследование проводилось в 2002-2003 годах. Всего в ходе исследования опрошено 917 человек. В Ростовской области опрос производился в следующих городах: Ростов-на-Дону, Азов, Волгодонск, Новочеркасск. В Азовском районе опрашивались жители сел Орловка, Александровка, Круглое, а также хуторов Харьковский и Марков. В Песчанокопском районе работа проводилась в селах Песчанокопское, Богородицкое, Жуковка, Поливянка, Раз-

² Следует отметить, что этнологи считают казаков субкультурной группой русских, сами же казаки, опрошенные нами, рассматривали себя как самостоятельную этническую группу.

вильное, а также на хуторах Терновой и Мухин. В Мартыновском районе опрашивались жители сел Большая Мартыновка и Малая Мартыновка. Также были опрошены жители деревень Зимовниковского района. В Ставропольском крае опрос проводился в г. Ставрополе. В Краснодарском крае опрашивались жители Крымского района. Этнический и возрастной состав всей выборки представлен в таблице № 6.

Таблица 6. Этнический и возрастной состав выборки

Этнические Группы	Объем выборки, чел.	Пол		Возраст		
		муж. кол-во, %	жен. кол-во, %	медиана	среднее	σ
Русские	277	128 (46,3%)	149 (53,7%)	38	37,9	11,9
Казаки	194	109 (56,1%)	85 (43,9%)	38	38,5	12,4
Турки-месхетинцы	125	69 (55,2%)	56 (44,8%)	41	39,5	8,8
Чеченцы	66	38 (57,5%)	28 (42,5%)	40	40,3	11,9
Армяне	94	45 (47,9%)	49 (52,1%)	34	33,3	13,3
Курды	50	26 (52%)	24 (48%)	33	35,1	15,7
Дагестанцы	42	24 (57,1%)	18 (42,9%)	30	30,3	11,8
Греки	39	16 (41,1%)	23 (58,9%)	30	31,2	11,8
Украинцы	30	14 (46,6%)	16 (53,4%)	34	36,5	14,9

Таким образом, в исследовании участвовали представители девяти наиболее многочисленных этнических и культурных групп Южного федерального округа. Возраст респондентов от 25 до 55 лет, медиана – 38 лет. Выборка уравнивалась по гендерному составу и включала в себя 448 женщин и 469 мужчин. Образовательный статус респондентов: 10,5% опрошенных имели неполное среднее образование, 37,5% – среднее, 22% - средне-специальное, 5% – незаконченное высшее и 25% - высшее.

2.2. Характеристика методического подхода

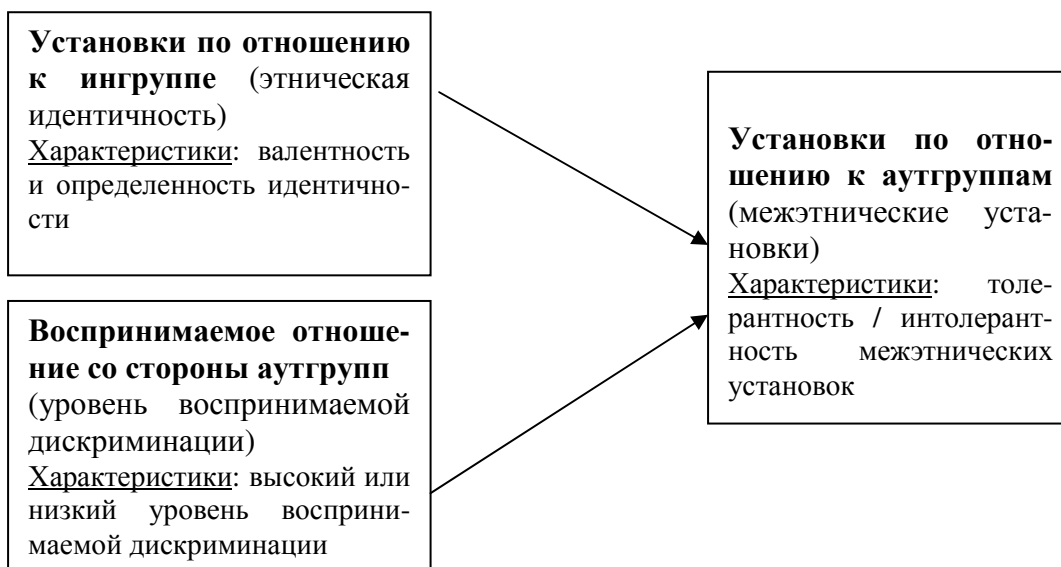
Теоретический анализ проблемы социально-психологических факторов межэтнического взаимодействия и выдвинутые гипотезы определили методологию исследования и состав инструментария.

Для доказательства гипотез и построения модели психологических стратегий межкультурного взаимодействия, нам было необходимо произвести измерение следующих переменных:

- 1) валентности (позитивности-негативности) этнической идентичности;
- 2) степени неопределенности этнической идентичности;
- 3) воспринимаемой дискриминации этнических групп;
- 4) определенного набора межэтнических установок и других установочных образований (этнические стереотипы и социальная дистанция как показатель социально-психологической близости с представителями иных этнических групп).

После измерения четырех вышеуказанных наборов переменных нужно было установить статистическую взаимосвязь между характеристиками этнической идентичности, воспринимаемой дискриминацией – с одной стороны и межэтническими установками – с другой. Таким образом, в целом, схема исследования имела следующий вид (рис. 6).

Рисунок 6. Общая схема исследования



Как уже отмечалось, при рассмотрении межэтнических установок, нас интересовала, прежде всего, их толерантность-интолерантность. Поэтому для измерения мы выбрали пять следующих видов установочных образований.

1. Установки на разделение по этническому и конфессиональному признаку. Выраженность установок на разделение по этническому и конфессиональному критериям служила одним из показателей этнической интолерантности представителей этнической или субкультурной группы.

2. Валентность стереотипов каждой из этноконтактных групп.

Понятие «*этнический стереотип*» является частным производным понятия «социальный стереотип», введенного У. Липпманом (1922 г.), который понимал стереотипы как своего рода «картинки мира в голове человека», назначение которых заключается в экономии усилий при восприятии сложных социальных объектов. Вслед за Липпманом многими исследователями было предложено множество определений данного феномена. Основные выводы по исследованиям феномена социального стереотипа были сделаны А. Тешфелом. Его выводы заключаются в том, что социальные стереотипы усваиваются очень рано, трудно поддаются изменениям, являются грубыми и недифференцированными, с легкостью проявляются и становятся более «отчетливыми» и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами. Социальные стереотипы обусловлены «(1) степенью близости со стереотипизируемой группой, и (2) качеством контактов с другой группой» [Gudykunst et al., 1988, p. 136].

Специалистами выделяется два вида этнических стереотипов: *автостереотипы* и *гетеростереотипы*. Под автостереотипом понимается представление о своем народе, которое, как правило, позитивно. Гетеростереотип - это представление об этнопсихологическом облике другого народа, которое может быть как позитивным, нейтральным, так и негативным.

Этнический стереотип является установочным образованием и, соответственно, его структура сходна со структурой социальной установки. Он включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Валент-

ность этнического стереотипа – это позитивность или негативность его эмоционального компонента.

3. Степень приемлемости представителей этноконтактных групп (социальная дистанция по отношению к представителям каждой из этноконтактных групп).

Л.М. Дробижева пишет, что понятие дистанции чаще использовалось в социологии, нежели в социальной психологии и этнологии. [Дробижева, 1997]. Одними из первых анализ социальной дистанции осуществили Г. Зиммель, Т. Парк, Э. Берджесс. В настоящее время это понятие является одним из центральных, характеризующих степень близости или отчуждения социальных и этнических групп. В поликультурном обществе социальная дистанция является одним из показателей этнического статуса группы. «Жесткость и размерность социальной дистанции, взаимопроникновение характеристик групп служит показателем состояния общества, степени равенства групп, качественным индикатором социальной справедливости, **социальной и этнической толерантности**» [Дробижева, 1997, с. 46]. Наиболее известной шкалой для измерения социальной дистанции является шкала Е. Богардуса, который определял социальную дистанцию как «степень симпатии между личностями, личностью и социальными группами, и между социальными группами» [Bogardus, 1959].

В нашем исследовании большая социальная дистанция между представителями этнических групп интерпретировалась как проявление этнической интолерантности.

4. Общая этническая интолерантность респондента (безотносительно к конкретным этническим группам). Мы сочли важным ввести измерение данного параметра для того, чтобы иметь возможность дифференцировать *общую* этническую интолерантность от интолерантного отношения к представителем *определенных* этнических групп.

Для того, чтобы выявленные нами комплексы установок обладали максимальной прогностической ценностью, построение исследовательского инструментария осуществлялось с учетом следующих условий.

1. В ходе выборочного интервью выяснялось, есть ли у индивидов непосредственный опыт общения с представителями оцениваемых ими в анкете групп. Если индивид имеет непосредственный опыт взаимодействия с объектом установки, то вероятность правильно спрогнозировать его поведение, исходя из аффективного компонента его социальной установки повышается [Fazio, Zanna, 1981].

2. Вопросы для выявления межгрупповых установок в методике формулировались максимально конкретно и были нацелены на оценку респондентом именно своего поведения, например «Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности» или «Я обращаю внимание на национальность человека, с которым я знакомлюсь» (Приложения №№1-3), поскольку согласно данным ряда исследователей тесная взаимосвязь между поведением и установкой наблюдается, когда оба показателя согласованы по степени конкретности [Перспективы социальной психологии, 2001].

3. В целях учета характеристик ситуации, в которой будет реализовываться поведение, прогнозируемое социальной установкой [Шихирев, 2000; Перспективы социальной психологии, 2001], нами проводилось стандартизированное интервью экспертов – глав администраций районов и сел, казачьих атаманов, глав диаспор и старейшин. Вопросы касались обстановки в сфере межэтнического взаимодействия, складывающейся в изучаемых регионах (см. Приложение №4).

4. Дополнительно нами анализировались последние работы этносоциологов и этнографов, в которых давалась оценка обстановке в сфере межэтнического взаимодействия в Южном федеральном округе.

Обработка и анализ данных осуществлялась в 4 этапа.

1 Этап. Выявление взаимосвязи между характеристиками этнической идентичности, воспринимаемой дискриминацией, с одной стороны, и межэтническими установками, с другой.

2 Этап. После выявления связи между характеристиками идентичности, воспринимаемой дискриминацией и межгрупповыми установками, нужно было

произвести классификацию этнических групп, представители которых приняли участие в исследовании, в соответствии с характеристиками их этнической идентичности. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем выявить универсалии в межэтническом взаимодействии групп, обладающих сходными характеристиками идентичности. В соответствии с двумя биполярными характеристиками этнической идентичности (позитивность-негативность и определенность-неопределенность) классификация должна была включать четыре типа групп: позитивные/определенные, позитивные/неопределенные, негативные/определенные и негативные/неопределенные.

3 Этап. После классификации этнических групп на четыре категории нами устанавливалась взаимосвязь характеристик их этнической идентичности и их межэтнических установок. Аутгрупповые установки, связанные с характеристиками этнической идентичности, составили стратегии межэтнического взаимодействия четырех типов этнических групп.

4 Этап. Дополнительно, для исследования и анализа межэтнических отношений представителей каждой из четырех типов групп, нами были использованы методы экспериментальной психосемантики. В работах ряда российских ученых [Петренко, 1997; Артемьева, 1999; Грачева, 1998] было показано, что с помощью методики семантического дифференциала можно построить (реконструировать) *категориальную структуру этнокультурного сознания*, в которой отражено восприятие собственной и иных этнических групп. С этой целью испытуемым дается задание оценить выраженность определенного набора качеств у себя, своей этнической группы и иноэтнических групп-соседей по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – отсутствие качества, 5 – максимальная его выраженность.

Таким образом, **К** объектов оценивается по **Н** шкалам-дескрипторам **Н** испытуемыми. Порождаемый в результате куб данных содержит три независимых источника вариации (объекты оценки × шкалы-дескрипторы × испытуемые), которые и подвергаются анализу.

Результаты шкалирования, полученные с помощью модифицированного семантического дифференциала, обрабатываются путем факторного анализа с

помощью метода главных компонент с последующим вращением факторных нагрузок методом varimax. Обработке подвергается *суммарная матрица* оценок испытуемыми объектов по заданному набору шкал.

Далее осуществляется расположение оцениваемых испытуемыми объектов шкалирования в пространстве выделенных факторов. Для этого вычисляются факторные веса объектов шкалирования, а затем объекты оценки располагаются в пространстве выделенных категорий-факторов, каждый в соответствии со своим факторным весом. Можно производить построение и анализ как групповых, так и индивидуальных семантических пространств.

Построение субъективных семантических пространств позволяет, во-первых, получить своего рода «срез» структуры сознания испытуемых в заданной методически области. Затем, анализируя полученные факторы-категории, можно понять, в какой системе координат респонденты склонны оценивать межэтническое взаимодействие – в пространстве позитивных или в пространстве негативных категорий. И, во-вторых, субъективное семантическое пространство позволяет выявить отношение испытуемых к определенным объектам (в данном случае — это реальные и воображаемые этнические группы).

2.2.1. Инструментарий исследования, основные показатели и способы обработки данных

Инструментарий и процедура опроса. Респондентам предлагалось заполнить анкету, которая содержала разработанные в соответствии с целями исследования шкалы, а также модификации известных методик. Ниже дается краткое описание показателей и основных методик, использованных в исследовании.

1. *Валентность этнической идентичности.* Показателями служили чувства, связанные с этничностью, а также использовалась разработанная авторами шкала для измерения степени позитивности этнической идентичности.

1.1. Чувства, связанные с этничностью: респонденту нужно было с помощью шкалы от 1 до 5 указать, какое из чувств вызывает у него принадлежность к

своей нации – а) гордость (5 баллов); б) спокойную уверенность (4 балла); в) никаких чувств (3 балла); г) обиду (2 балла); д) ущемленность, униженность (1 балл) (см. Приложение №1 - вопрос 2).

1.2 Для измерения валентности этнической идентичности использовалась специальная шкала, состоящая из 4 пунктов (два прямых и два обратных) (см. Приложение №1 - вопросы 4.1, 4.7, 4.10, 4.14).

2. *Неопределенность этнической идентичности* (для ее оценки использовалось несколько показателей):

2.1 Разработанная авторами шкала для измерения степени неопределенности этнической идентичности, состоящая из 4 пунктов (два прямых и два обратных) (см. Приложение №1 - вопросы 4.3, 4.5, 4.9, 4.13)

2.2. Степень близости и понятности представителей других этнических групп для респондента оценивалась с помощью утверждения: «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу» (см. Приложение №1 - вопрос 7-г).

2.3. Для оценки степени идентификации с представителями иной этнической группы респонденту предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы. (Например, казакам предлагалось утверждение: «Я ощущаю себя русским», а русским предлагалось оценить степень согласия с утверждением «Я ощущаю себя казаком» и т.д.) (см. Приложение №1 – вопросы 7-б и 7-в).

3. *Для выявления места этнической идентификации* в структуре социальной идентичности респондента использовался, как модифицированный тест Куна и Марпартленда “Кто Я?” [Кун, Макпартленд, 1984. С.180-187]. Исследовалась представленность категории «национальность» в идентификационных матрицах представителей изучаемых этнических групп. Респондентам предлагалось дать пять ответов на вопрос «Кто Я?», выбрав по возможности наиболее важные для отвечающего характеристики (см. Приложение №1 - вопрос 1).

4. *Этническая толерантность-интолерантность* оценивалась комплексно с помощью ряда показателей (каждый из которых представлял определенную установку по отношению к этноконтактным группам):

4.1. Валентность гетеростереотипов. Валентность этнических гетеростереотипов оценивалась с помощью методики этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели, – «открытый» вариант. В зависимости от соотношения позитивных и негативных характеристик, приписанные респондентом представителям иноэтнической группы качества кодировались следующим образом: 4-5 положительных качеств – 5 баллов; 3 положительных, 1-2 отрицательных – 4 балла; 2 положительных 2-3 отрицательных – 3 балла; 1 положительное, 3-4 отрицательных – 2 балла; 5 отрицательных – 1 балл (см. Приложение №1 - вопрос 3).

4.2. Степень приемлемости представителей иноэтнических групп (по шкале социальной дистанции) (см. Приложение №1 - вопрос 5). Чем выше значение балла по шкале социальной дистанции, тем она меньше (то есть выше степень принятия представителей оцениваемой группы) и наоборот – чем ниже значение балла по шкале социальной дистанции, тем она больше (степень принятия представителей оцениваемой группы ниже).

4.3. Дополнительно использовались утверждения, позволяющие оценить степень этнической толерантности-интолерантности личности респондентов, то есть *общей интолерантности*, как личностного образования, а не интолерантности к конкретной этнической группе сформировавшейся, например в процессе негативного опыта общения с представителями данной группы (см. Приложение №1 - вопрос 7-а).

5. *Установки на разделение по этническому и конфессиональному признакам* измерялась с помощью ряда утверждений, например: «Народам, исповедующим одну религию легче понять друг друга», «Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знаколюсь» и т. д. (см. Приложение №1 – вопросы 4.2, 4.4, 4.6, 4.8, 4.11). Данные вопросы взяты из методики О.Л. Романовой [Белинская, Стефаненко, 2000].

6. *Уровень воспринимаемой дискриминации* измерялся с помощью шкалы. Респонденту задавался вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности?» И далее предлагались варианты ответов: а) никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной основе; б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность; в) были затруднения в личном общении; г) были затруднения на бытовом уровне; д) испытывал (-а) ограничения в получении работы». Респондент должен был выбрать один вариант ответа, при обработке каждому варианту присваивался определенный балл: а) – 1 балл; б) – 2 балла; в) – 3 балла; г) – 4 балла; д) – 5 баллов (см. Приложение №1 - вопрос 12). Дополнительно использовалось утверждение: «Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа» (см. Приложение №1 - вопрос 4.12). Данная шкала разработана и апробирована Н.М. Лебедевой [Лебедева, 1995].

(Степень согласия со всеми вышеприведенными утверждениями, использованными в методиках, оценивалась респондентом по 5-балльной шкале от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен»).

7. *Категориальная структура этнического сознания* оценивалась с помощью модифицированного семантического дифференциала [Этнос. Идентичность. Образование, 1998], [Петренко, 1997]. Респондентов просили оценить выраженность определенного набора качеств у себя, своей этнической группы и иноэтнических групп-соседей по шкале от 0 до 5 баллов, где 0 – отсутствие качества, 5 – максимальная его выраженность. Качества, предлагавшиеся для оценки: *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность, агрессия*. Помимо реальных этнических групп, живущих в регионе, респондентам также предлагалось оценить некие гипотетические группы: *народ, которым я восхищаюсь (народ-идеал), отвергаемый мною народ, народ-завоеватель, завоеванный народ* (см. Приложение №1 - вопрос 6). Результаты шкалирования позволяли построить субъективные семантические пространства. Построение субъективных семантических пространств позволяет получить своего рода «срез» структуры

сознания в заданной методически области, а также обнаружить специфику отношения друг к другу у представителей различных национальностей.

8. *Оценка собственной религиозности.* Данный вопрос, в соответствии с целями исследования использовался в анкетах казаков и русских. Респондентов с помощью 3-балльной шкалы просили оценить уровень своей религиозности: 1- совсем не религиозен, 2 – религиозен средне 3- очень религиозен.

9. *Для более глубокого изучения неопределенности этнической идентичности казаков и процесса формирования их новой идентичности* использовался ряд специально разработанных вопросов из методик, с помощью которых проводились исследования самосознания казаков сотрудниками отдела этносоциологии и этнопсихологии Института этнологии и антропологии РАН (см. Приложение №1 - вопросы 8,9, 10,11).

Способы обработки данных. Для выявления зависимости рассматриваемых установок от социально психологических факторов, а также выявления ведущего по степени влияния фактора использовался множественный и пошаговый (stepwise) регрессионный анализ. Для установления достоверности различий по определенным параметрам между разными группами испытуемых использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Дифференциация групп испытуемых на категории в соответствии с характеристиками идентичности, осуществлялась с путем дискриминантного анализа.

Данные, полученные с помощью модифицированного семантического дифференциала, обрабатывались путем факторного анализа с помощью метода главных компонент с последующим вращением факторных нагрузок методом varimax. Далее осуществлялось расположение оцениваемых испытуемыми объектов (в данном случае это были этнические группы) в пространстве выделенных факторов. Для этого вычислялись факторные веса объектов шкалирования, а затем объекты располагались в факторном пространстве. При обработке данных использовались статистические пакеты Statistica 5.1 и SPSS 11.0.

Цель исследования – выявить взаимосвязь характеристик этнической идентичности (валентности и определенности) с межгрупповыми установками и психологическими стратегиями межкультурного взаимодействия.

Объект исследования – представители 15 этнических и субкультурных групп Южного федерального округа (Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского края). Общее количество респондентов 917 человек.

Предмет исследования – взаимосвязь межгрупповых установок с характеристиками этнической идентичности и психологическими стратегиями межкультурного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ российских и зарубежных подходов к изучению этнической идентичности, межгрупповых установок и психологических стратегий межкультурного взаимодействия.

2. Разработать инструментарий для исследования характеристик этнической идентичности и взаимных установок различных этнических групп в поликультурном регионе.

3. Провести полевое исследование этнической идентичности и межгрупповых установок у представителей различных этнических и субкультурных групп Южного федерального округа России.

4. Осуществить построение типологии психологических стратегий межкультурного взаимодействия этнических групп в поликультурных регионах России.

2.3. Результаты исследования взаимосвязи этнической идентичности и воспринимаемой дискриминации с толерантностью-интолерантностью межгрупповых установок

2.3.1. Взаимосвязь этнической идентичности, воспринимаемой дискриминации и межгрупповых установок

Для выявления зависимости толерантности-интолерантности межгрупповых установок от характеристик этнической идентичности и воспринимаемой дискриминации использовался множественный и пошаговый регрессионный анализ.

Прежде всего, для доказательства общей гипотезы исследования, устанавливалась зависимость межгрупповых установок от характеристик этнической идентичности (валентности и определенности) на всем массиве данных (917 человек, 15 этнических и субкультурных групп). С этой целью использовался множественный регрессионный анализ (см. результаты в табл. №7 и №.8). В таблице № 7 приводятся данные, характеризующие зависимость межгрупповых установок от валентности и определенности этнической идентичности.

Таблица №7. Зависимость межгрупповых установок от характеристик этнической идентичности (N=917)

<i>Межгрупповые Установки</i>	<i>Валентность β</i>	<i>Неопределенность β</i>	R^2	F
Общая этнич. интолерантность	-.009	.27***	.08	34.3***
Соц. дист. с русскими	-.02	.20***	.04	11.8***
Соц. дист. с армянами	.02	-.30***	.10	28.03***
Соц. дист. с чеченцами	.06	-.16***	.03	10.32***
Соц. дист. с цыганами	-.003	-.27***	.07	14.5***
Соц. дист. с турками-месхетинцами	.14*	.15*	.04	3.33*
Соц. дист. с дагестанцами	.24***	.08	.06	6.6**
Соц. дист. с курдами	-.22**	.14*	.07	5.2**
Установка на разделение по этническому признаку	-.07*	.15***	.03	12.5***
Стереотип русских	.06	-.20***	.05	15.5***
Стереотип армян	-.02	-.25***	.06	15.6***
Стереотип чеченцев	.01	-.14***	.03	6.4**
Стереотип цыган	.004	-.26***	.07	11.4***
Стереотип дагестанцев	.18*	.13*	.04	3,08*
Стереотип курдов	-.16*	.17*	.05	3,2*

*p<0.05. **p<0.01. ***p<0.001

Из таблицы № 7 видно, что существует зависимость установок на межэтническое взаимодействие от таких характеристик идентичности как валентность и определенность. Напомним, что в качестве установок, характеризующих этническую толерантность-интолерантность в данном исследовании использовались: этнические стереотипы, социальная дистанция с этноконтактными группами, установка на разделение по этническому признаку, установка на разделение по конфессиональному признаку, а также измерялась степень общей этнической интолерантности респондента. Обработка всего массива данных выборки позволяет сказать, что в целом наблюдается положительная взаимосвязь валентности этнической идентичности и толерантности межгрупповых установок. То есть с повышением позитивности этнической идентичности сопряжено повышение этнической толерантности. Согласно результатам, представленным в таблице №7, валентность этнической идентичности положительно связана с социальной дистанцией по отношению к таким этническим группам, как турки-месхетинцы и дагестанцы, что свидетельствует об уменьшении социальной дистанции с данными группами при повышении позитивности этнической идентичности. Такая же зависимость наблюдается и относительно этнических стереотипов дагестанцев – повышение позитивности этнической идентичности связано с повышением позитивности этнических стереотипов дагестанцев.

То, что валентность этнической идентичности отрицательно связана с установкой на разделение по этническому признаку, позволяет сказать, что повышение позитивности этнической идентичности ведет к уменьшению выраженности данной установки. Из общей закономерности «позитивная валентность идентичности - толерантные межэтнические установки» выбивается только отношение к курдам (стереотипы курдов и социальная дистанция с курдами). Здесь зависимость обратная – повышение позитивности идентичности связано с отдалением от данной группы и негативными гетеростереотипами курдов. Полученный артефакт можно объяснить спецификой взаимодействия курдов с другими группами юга России. Возможно, данное взаимодействие в

значительной мере обусловлено иными факторами, что приводит к обратной зависимости между валентностью идентичности этнических групп и их отношением к курдам.

Неопределенность этнической идентичности преимущественно связана с интолерантными межэтническими установками. Точнее - повышение неопределенности этнической идентичности ведет к повышению общей этнической интолерантности, увеличению социальной дистанции со всеми группами (кроме русских и турок-месхетинцев), установке на дифференциацию по этническому признаку, негативным этническим стереотипам (за исключением стереотипов дагестанцев и курдов).

В таблице №8 показана зависимость межгрупповых установок от уровня воспринимаемой дискриминации.

Таблица № 8. Зависимость межгрупповых установок от воспринимаемой дискриминации (N=917)

<i>Межгрупповые Установки</i>	<i>Воспринимаемая дискриминация β</i>	R^2	F
Этническая интолерантность	.10*	.03	3.1*
Соц. дист. с курдами	.17*	.03	4.5*
Соц. дист. с цыганами	-.20***	.04	16.9***
Соц. дист. с армянами	-.14***	.03	11.2***
Соц. дист. с казаками	.14**	.03	8.6**
Установка на разделение по религиозному признаку	.15***	.03	21.2***
Установка на разделение по этническому признаку	.10**	.03	7.6*
Стереотип армян	-.10*	.03	5.2*
Стереотип цыган	-.24***	.06	20.1***

* $p < 0.05$. ** $p < 0.01$. *** $p < 0.001$

Руководствуясь данными, приведенными в таблице №8 можно сказать, что уровень воспринимаемой дискриминации преимущественно связан с интолерантными межгрупповыми установками. То есть при повышении воспринимаемой дискриминации повышается общая этническая интолерантность, актуализируются установки на разделение по этническому и религиозному признакам, увеличивается социальная дистанция с этноконтактными группами (за исклю-

чением социальной дистанции с курдами и казаками) и повышается негативность стереотипов этноконтактных групп.

2.3.2. Типология этнических групп на основании сочетания валентности и определенности идентичности

Теоретически нами было выделено 4 типа этнических групп данного поликультурного региона. Для этого все обследованные этнические группы в ЮФО были разделены на четыре категории в зависимости от сочетания показателей позитивности-негативности и определенности-неопределенности идентичности.

В категорию *«позитивных/определенных»* попали те этнические группы, у представителей которых преобладали позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью, а сама этническая идентичность была определенной. В категорию *«позитивных/неопределенных»* попали те группы, у членов которых позитивность этнической идентичности находилась в сочетании с отсутствием определенности своей этнической принадлежности. Категорию *«негативных/определенных»* составили те группы, у представителей которых четкость своей этнической принадлежности сочеталась с негативными чувствами, связанными с этничностью. В категорию *«негативных/неопределенных»* вошли группы, представителям которых свойственно сочетание негативности этнической идентичности с ее неопределенностью.

Далее данные по шкалам валентности и определенности идентичности представителей изучаемых групп были обработаны с помощью дискриминантного анализа. Результаты дискриминантного анализа представлены ниже.

В таблице № 9 представлены средние и стандартные отклонения для каждой из четырех категорий, на которые были разбиты изучаемые группы.

Таблица № 9. Статистики для категорий

КОД		Среднее	Ст. отклонение
1,00	ПОЗИТИВН	3,9316	1,35689
	НЕОПРЕД	1,8226	1,16174
2,00	ПОЗИТИВН	3,8590	1,49440
	НЕОПРЕД	3,5897	1,61885
3,00	ПОЗИТИВН	2,3000	1,76947
	НЕОПРЕД	1,4333	,89763
4,00	ПОЗИТИВН	2,2898	1,66812
	НЕОПРЕД	2,7305	1,46792

Обозначение кодов:

1- Группы с позитивной и ясной идентичностью

2 – Группы с позитивной и неопределенной идентичностью

3 - Группы с негативной и ясной идентичностью

4 - Группы с негативной и неопределенной идентичностью

Тест на значимость различия между переменными, относящимися к обеим группам (λ -Уилкса) показал, что по обеим переменным (степень позитивности и степень определенности идентичности) наблюдается высоко значимое различие между группами (см. таблица № 10).

Таблица № 10. Тест равенства групповых средних значений

	λ Уилкса	F	p
ПОЗИТИВНОСТЬ	,931	20,744	,000
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	,747	95,745	,000

В таблице № 11 приводятся значения коэффициентов дискриминантных функций. Величина коэффициентов корреляции между значением дискриминантной функции и показателем принадлежности к группе, показывает, что разделение респондентов на группы по показателям валентности и амбивалентности приемлемо, особенно по критерию валентности.

Таблица № 11. Коэффициенты дискриминантной функции

функция	Собственное значение	% дисперсии	Совокупный %	каноническая корреляция
1 ПОЗИТИВНОСТЬ	,344	82,5	82,5	,506
2 НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	,173	17,5	100,0	,360

Далее был произведен расчет критерия λ -Уилкса, для определения того, значимо ли отличаются в четырех выделенных нами группах средние значения

дискриминантных функций. В таблице № 12 приводятся вычисленные значения критерия λ -Уилкса, они указывают на то, что средние значения дискриминантной функции в обеих группах очень значительно различаются.

Таблица №12. Значения критерия λ -Уилкса

Тест функции	Лямбда Уилкса	Хи-квадрат	df	p
1 ПОЗИТИВНОСТЬ	,694	309,582	6	,000
2 НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	,932	59,411	2	,000

В таблицах №13 №14 приводятся значения дискриминантной функции для двух переменных и средние значения дискриминантной функции во всех четырех группах:

Таблица №13. Канонические коэффициенты дискриминантных функций

	функция 1	функция 2
ПОЗИТИВН	,089	,682
НЕОПРЕД	,748	-,041
(Constant)	-2,102	-2,446

Таблица №14. Средние значения дискриминантных функций в 4 группах

КОД	функция 1	функция 2
1,00	-,388	,162
2,00	,927	0,039
3,00	-,780	-,594
4,00	-,101	-,570

Итоги классификации групп с помощью дискриминантного анализа показаны в таблице № 15. Можно видеть, что около 66 % исходно группируемых случаев классифицированы корректно.

Таблица № 15. Результаты классификации групп

	Предсказанное групповое членство, %	Предсказанное групповое членство, %	Предсказанное групповое членство, %	Предсказанное групповое членство, %	Всего, %
КОД	1,00	2,00	3,00	4,00	
1,00	65,9	19,3	9,2	5,6	100,0
2,00	20,5	68,4	5,1	6,0	100,0
3,00	20,0	6,7	60,0	13,3	100,0
4,00	9,9	11,4	11,4	62,4	100,0

65,7% исходных группируемых случаев классифицированы корректно.

Таким образом, при помощи дискриминантного анализа подтверждена правомерность деления обследованных групп на четыре типа. В таблице №16 приводится конечный результат классификации исследуемых групп по выделенным типам. По итогам дискриминантного анализа этнические группы, на основании сочетания характеристик этнической идентичности (валентности и неопределенности), были классифицированы следующим образом:

Таблица № 16. Результат классификации исследуемых групп по выделенным категориям

<i>Характеристики этнической идентичности</i>	Позитивность	Негативность
Определенность	Русские РО, Русские КК, Русские СК, Украинцы, Дагестанцы, Греки	Чеченцы РО, Турки-месхетинцы КК
Неопределенность	Казаки РО, Казаки КК, Армяне РО, Армяне СК, Чеченцы СК, Курды КК	Турки-месхетинцы РО

Обозначения: РО - Ростовская область, КК - Краснодарский край, СК – Ставропольский край.

В таблице указано, к какому из типов была отнесена каждая из обследованных групп. Тип «позитивных-определенных» составили представители 6 этнических групп (русские Ростовской области, русские Краснодарского края, русские Ставропольского края, украинцы, дагестанцы, греки). К типу «позитивных-неопределенных» были отнесены представители других 6 этнических и субкультурных групп (казаки Ростовской области, казаки Краснодарского края, армяне Ростовской области, армяне Ставропольского края, Чеченцы Ставропольского края, курды Краснодарского края). Тип «негативных-определенных» составили представители только двух групп чеченцы Ростовской области и турки-месхетинцы Краснодарского края. В тип «негативных-неопределенных» вошла только одна из 15 исследованных групп – турки-месхетинцы, проживающие в Ростовской области.

Далее был проведен пошаговый регрессионный анализ, с целью выяснить – какие из трех рассматриваемых нами факторов оказывают влияние на межгрупповые установки, а также выделить ведущий и менее значимые факторы. В

таблице № 17 представлены результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных по группам, представители которых обладают позитивной и определенной идентичностью.

Таблица № 17. Результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, представители которых обладают преимущественно позитивной и определенной идентичностью (в скобках указан порядковый по значимости номер фактора в регрессионном уравнении)

Установки	Факторы			F	R ²	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
	позитивность β	определенность β	воспр. дискр. β			
Этническая интолерантность	-.28** (1)	-.26** (2)	-	8.5***	.14	Русские РО
Соц. дист с чеченцами	.21* (1)	-	-	5.3*	.05	
Соц. дист. с цыганами	-	-	-.30***(1)	11.4***	.10	
Уст. на разд. по этнич. призн.	-.20*(1)	-	-	4.5*	.05	
Стереотип чеченцев	-	.23* (1)	-	5.2*	.06	
Стереотип цыган	-	.20* (1)	-	4.2*	.05	
Соц. дист с русскими	-	-	.57*(1)	6.8*	.32	Украинцы
Уст. на разд. по этнич. призн.	-.72** (1)	-	-	6.6**	.52	
Стереотип армян	-	-	-.58*(1)	7.2*	.34	
Этническая интолерантность	-	-	.16*(1)	5.1*	.05	Русские СК
Стереотип армян	.23*(1)	-.21*(2)	-	5.2*	.07	
Уст. на разд. по религ. призн.	-	-	.20*(1)	5.4*	.07	
Уст. на разд. по этнич. призн.	-	-	.28** (1)	8.1*	.08	
Соц. дист с армянами	-	-.20*(1)	-	5.3*	.07	
Соц. дист с чеченцами	.25** (1)	-	-	6.4**	.06	
Этническая интолерантность	.28*(2)	-.35*(1)	-	5.1*	.17	Греки
Стереотип дагестанцев	-.40*(1)	-	-	5.3*	.22	
Стереотип чеченцев	-	-	-.34*(1)	4.2*	.16	
Уст. на разд. по этнич. призн	-	-	.40** (1)	7.04**	.16	
Соц. дист с армянами	-	-	-.37*(1)	5.9*	.14	
Соц. дист с дагестанцами	-	-	-.43*** (1)	8.4***	.19	
Соц. дист с чеченцами	-	-	-.32*(1)	4.3*	.10	Дагестанцы
Этническая интолерантность	-.31*(1)	-	-	4.4*	.10	
Стереотип армян	.33*(1)	-	-	4.4*	.11	
Уст. на разд. по религ. призн.	-	-	.32*(1)	4.3*	.10	
Уст. на разд. по этнич. призн	-.33*(1)	-	-	4.9*	.11	
Соц. дист с русскими	-.30*(2)	-.35*(1)	-	5.1**	.21	
Соц. дист с греками	-	-	-.36*(1)	6.1*	.14	Русские КК
Стереотип чеченцев	.34*(1)	-	-	6.1*	.12	
Уст. на разд. по религ. призн.	-	-	.38** (1)	7.6**	.14	
Уст. на разд. по этнич. призн	-.33*(2)	.34** (1)	-	6.1**	.21	

*p<0.05. **p<0.01. ***p<0.001

Анализ результатов, представленных в таблице, позволяет отметить 4 основные тенденции.

1) В большинстве случаев три данных фактора действуют на межэтнические установки независимо (только в 5 случаях из 31 валентность и определенность оказывали совместное влияние на межэтнические установки). Совместного влияния характеристик идентичности и воспринимаемой дискриминации на межэтнические установки не выявлено.

2) У представителей всех этнических групп, отнесенных к данному типу, *позитивная валентность* идентичности связана с толерантными межэтническими установками (общей этнической толерантностью, уменьшением социальной дистанции с этноконтактными группами, позитивностью гетеростереотипов, уменьшением установки на разделение по этническому признаку). Исключение оставили только греки, у которых позитивная валентность связана с общей этнической интолерантностью и негативностью стереотипов дагестанцев. Скорее всего, данный артефакт получен вследствие очень высокого уровня воспринимаемой дискриминации греков.

3) Определенность этнической идентичности у представителей групп, отнесенных к данному типу, преимущественно связана с толерантными межэтническими установками (уменьшением общей этнической интолерантности и позитивными гетеростереотипами). Однако в отдельных случаях, наблюдаются связь и с интолерантными установками. Видимо данный артефакт – следствие специфики отношений между конкретными группами в регионе.

4) Уровень воспринимаемой дискриминации у представителей групп данного типа совершенно четко связан с интолерантными межэтническими установками. Чаще всего это увеличение социальной дистанции с этноконтактными группами, а также повышение негативности этнических стереотипов, общая этническая интолерантность и установка на разделение по религиозному признаку. Только в одном случае наблюдается взаимосвязь, не вписывающаяся в общую структуру - повышение уровня воспринимаемой дискриминации украинцев связано с уменьшением их социальной дистанции с русскими. Но данный факт вполне логичен – при дискриминации украинцы стремятся сблизиться с близкокультурной доминирующей группой.

В таблице № 18 приводятся результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, отнесенных к типу «позитивных-неопределенных».

Таблица №18. Результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, представители которых обладают преимущественно позитивной и неопределенной идентичностью (в скобках указан порядковый по значимости номер фактора в регрессионном уравнении)

Установки	Факторы			F	R ²	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
	позитивность β	неопределенность β	воспр. дискр. β			
Этническая интолерантность	-	-	.20*(1)	5.1*	.06	Казачи РО
Соц. дист с армянами	-	-.19*(1)	-	4.8*	.05	
Уст. на разд. по религ. призн.	-	-	.35***(1)	18.1***	.12	
Уст. на разд. по этнич. призн	-	-	.18*(1)	4.9*	.06	
Стереотип русских	.17*(1)	-	-	4.0*	.04	
Стереотип чеченцев	-	-.26***(1)	-	8.1***	.07	
Стереотип русских	.30*(1)	-	-	4.6*	.09	Казачи КК
Уст. на разд. по этнич. призн	-	-	.41**(1)	9.5**	.17	Армяне РО
Стереотип цыган	-	-	-.81***(1)	21.8***	.66	
Этническая интолерантность	-.34**(1)	.27*(2)	-	5.1**	.18	Армяне СК
Стереотип русских	.51***(1)	-	-.39**(2)	9.3***	.33	
Стереотип греков	-	-.41*(1)	-	4.3*	.16	
Уст. на разд. по этнич. призн	-.31*(1)	.27*(2)	-	4.6*	.15	
Соц. дист с русскими	-	-.43***(1)	-	11.6***	.18	
Соц. дист с греками	-	-.34**(1)	-	6.6**	.11	
Стереотип дагестанцев	-	-.44*(1)	-	4.8*	.22	Чеченцы СК
Уст. на разд. по религ. призн	.52**(1)	-	-	10.8**	.27	
Уст. на разд. по этнич. призн	.42*(1)	-	-	6.2*	.18	
Соц. дист с дагестанцами	.44*(1)	-	-	4.2*	.17	
Стереотип чеченцев	.31*(1)	-	-	5.2*	.10	Курды КК
Стереотип турок-месх.	-	-	-.32*(1)	5.6*	.11	

*p<0.05. **p<0.01. ***p<0.001

Из таблицы можно видеть, что позитивная валентность этнической идентичности представителей групп данного типа связана с толерантными межэтническими установками (исключение составляют только чеченцы СК). Позитивность этнической идентичности представителей этих групп связана с позитивными этническими стереотипами (преимущественно русских), в отдельных случаях с уменьшением социальной дистанции, снижением общей этнической интолерантности и установкой на разделение по этническому признаку.

Неопределенность этнической идентичности представителей групп данного типа связана только с негативными межэтническими установками. Преимущественно это негативные стереотипы этноконтактных групп, увеличение социальной дистанции с этноконтактными группами, общая этническая интолерантность и установка на разделение по этническому признаку. Фактор воспринимаемой дискриминации у групп, представители которых обладают преимущественно позитивной и неопределенной идентичностью, связан тоже только с интолерантными межгрупповыми установками.

Рассмотрим результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, представители которых обладают преимущественно негативной и определенной этнической идентичностью (табл. № 19).

Таблица №19. Результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, представители которых обладают преимущественно негативной и определенной этнической идентичностью (в скобках указан порядковый по значимости номер фактора в регрессионном уравнении)

<i>Установки</i>	<i>Факторы</i>			<i>F</i>	<i>R²</i>	<i>Этнические группы, к которым принадлежали респонденты</i>
	<i>позитивность β</i>	<i>определенность β</i>	<i>воспр. дискр. β</i>			
Этническая интолерантность	-	-.76***(1)	-	39.1***	.58	Чеченцы РО
Соц. дист. с мигрантами-кавказцами (армянами)	-	.40*(1)	-	5.2*	.16	
Этническая интолерантность	-	-.34*(1)	-	6.2*	.12	Турки-м. КК
Стереотип русских	-	.30*(2)	-.37**(1)	5.7***	.20	
Стереотип казаков	-	-	-.31*(1)	4.9*	.10	
Уст. на разд. по религ. призн	-	.47*(1)	-	13.2***	.22	
Соц. дист. с русскими	-	.29*(1)	-	4.5*	.09	
Соц. дист. с казакаим	-	-	-.46***(1)	12.1***	.21	
Соц. дист. с курдами	-	-	.38**(1)	8.2**	.15	

*p<0.05. **p<0.01. ***p<0.001

Из таблицы № 19 можно видеть, что негативная валентность этнической идентичности представителей групп данного типа не связана с их межэтническими установками (в данную категорию попали чеченцы Ростовской области и турки-месхетинцы Краснодарского края). Возможно, что у представителей указанных этнических групп (имеющих довольно высокий уровень воспринимаемой дискриминации) формируются защитные механизмы, разрушающие связь

между валентностью идентичности и межгрупповыми установками. Можно предположить, что происходит это по следующей причине. Негативная идентичность связана с интолерантными межгрупповыми установками [Лебедева, 1993, 1995, 1997], но высокую интолерантность эти меньшинства «позволить себе» не могут, особенно, на юге России, где формируется воинственно настроенное против них казачество. Поэтому для адаптации и снижения интолерантности у представителей данных групп формируются защитные механизмы, разрушающие связь валентности идентичности с межэтническими установками. (У групп с негативной и неопределенной идентичностью обнаружен похожий феномен - см. ниже).

Определенность этнической идентичности представителей групп данного типа связана преимущественно с толерантными установками (отрицательная связь с общей интолерантностью, а также положительная связь со стереотипами и социальной дистанцией с доминирующей группой - русскими). В эту тенденцию не вписывается только отрицательная связь определенности этнической идентичности чеченцев РО и их социальной дистанции с армянами (что является индикатором отдаления по шкале социальной дистанции). И у турок-месхетинцев КК выявлена связь определенности идентичности с установкой на разделение по конфессиональному признаку, что также указывает на наличие интолерантности по отношению к иноконфессиональным группам.

Связи воспринимаемой дискриминации с межэтническими установками у чеченцев РО не выявлено. У турок-месхетинцев данный фактор связан с интолерантными установками (негативностью стереотипов доминирующих групп – русских и казаков и далекой социальной дистанции с казаками). Только в одном случае высокая воспринимаемая дискриминация связана у турок-месхетинцев с толерантной установкой – близкой социальной дистанцией с курдами.

В таблице №20 представлены результаты обработки эмпирических данных групп, отнесенных к типу «негативных-неопределенных».

Таблица № 20. Результаты пошагового регрессионного анализа эмпирических данных групп, представители которых обладают преимущественно негативной и неопределенной идентичностью (в скобках указан порядковый по значимости номер фактора в регрессионном уравнении)

Установки	Факторы			F	R ²	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты
	негативность β	неопределенность β	воспр. дискр. β			
Этническая интолерантность	-	-	-.27*	5.1*	.07	Турки-м. РО
Стереотип цыган	-.47**	-		10.5**	.23	
Соц. дист. с казаками	-	-	.32*	5.8*	.08	
Соц. дист. с украинцами	-	-	.37**	10.6**	.14	
Соц. дист. с цыганами	-	-	.25*	4.5*	.06	
Уст. на разд. по этнич. Призн	-	-	-.36**	9.3**	.13	

*p<0.05. **p<0.01. ***p<0.001

В категорию групп, представители которых обладают преимущественно негативной и неопределенной этнической идентичностью попали только турки-месхетинцы Ростовской области. Из таблицы №20 можно видеть, что их межэтнические установки связаны практически только с одним фактором – воспринимаемой дискриминацией. Характерно, что это толерантные установки. Взаимосвязей неопределенности этнической идентичности турок-месхетинцев и их межгрупповых установок не обнаружено. Негативная валентность связана только с одной установкой – негативным стереотипом цыган. Видимо, у представителей групп данного типа тоже актуализируется определенный защитный механизм. Обращает на себя внимание то, что если у групп, представители которых обладают преимущественно *негативной* и *определенной* идентичностью отсутствовала только связь валентности (негативной) с межгрупповыми установками, то у групп, представители которых обладают *негативной* и *неопределенной* идентичностью, отсутствует взаимосвязь межгрупповых установок с обеими характеристиками идентичности (негативной валентностью и высокой неопределенностью идентичности). Дополнительным свидетельством того, что у данной категории групп актуализируется психологический защитный механизм, является наличие взаимосвязи *толерантных* установок (общая этническая толерантность; уменьшение социальной дистанции с казаками, украинца-

ми, цыганами; уменьшение установки на дифференциацию по этническому признаку) с воспринимаемой дискриминацией.

2.4. Обсуждение результатов исследования и построение социально-психологической типологии стратегий межкультурного взаимодействия в зависимости от характеристик этнической идентичности

2.4.1. Взаимосвязь валентности и определенности этнической идентичности с межгрупповыми установками

Начнем обсуждение с рассмотрения роли валентности этнической идентичности при формировании толерантных и интолерантных межгрупповых установок. Поскольку роль валентности (позитивности-негативности) этнической идентичности, уже подробно обсуждалась в теоретической части книги, остановимся только на новых результатах, полученных в ходе исследования в Южном федеральном округе.

На роли определенности идентичности в формировании межэтнических отношений остановимся подробнее, так как систематических исследований данного конструкта в России практически не проводились. Исследования в данном направлении носили фрагментарный характер и практически не публиковались. Роль определенности будет рассмотрена на примере формирующейся групповой идентичности казаков.

а) Валентность (позитивность-негативность) этнической идентичности. Как уже говорилось в теоретической части работы, многими исследователями отмечалась взаимосвязь позитивности этнической идентичности с этнической толерантностью. Негативность этнической идентичности, напротив, как правило, связана с интолерантными межэтническими установками. Данный феномен нашел подтверждение в нашем исследовании. Валентность этнической идентичности (в нашем исследовании замерялась именно степень позитивности идентичности) положительно связана с толерантными установками и отрицательно – с интолерантными. Однако, указанная взаимосвязь не везде однозначна. В некоторых группах (греки и чеченцы СК) позитивная идентичность связана с интолерантными установками. На наш взгляд, это объясняется опреде-

ленными стратегиями взаимодействия, реализуемыми этнической группой, а также влиянием неопределенности этнической идентичности и воспринимаемой дискриминацией.

Выше, на примере турок-месхетинцев и чеченцев Ростовской области, а также турок-месхетинцев Краснодарского края было показано, что негативная этническая идентичность не всегда ведет к интолерантным установкам. О том, что связь между позитивной идентичностью и этнической толерантностью в неблагоприятных условиях может становиться обратной или распадаться, говорилось в работах Н.М. Лебедевой [Лебедева 1993, 1997]. Такими «неблагоприятными условиями», для турок и чеченцев, скорее всего, выступает воспринимаемая дискриминация. А распад связи между валентностью и межэтническими установками является защитным механизмом, позволяющим снизить этническую интолерантность и повысить уровень социальной адаптированности в регионе.

б) Определенность-неопределенность этнической идентичности. Согласно данным нашего исследования, определенность этнической идентичности связана преимущественно с толерантными межэтническими установками.

У групп, отнесенных к категории «позитивных-определенных», определенность этнической идентичности связана с толерантными установками. Группы, представители которых обладают пусть даже негативной, но определенной идентичностью, все равно демонстрируют наличие положительной связи между определенностью идентичности и толерантными межэтническими установками (турки-месхетинцы КК, чеченцы РО).

Неопределенность этнической идентичности связана с интолерантными межэтническими установками. Данная связь четко прослеживается на этнических группах, отнесенных в нашей классификации к типу групп, представители которых обладают преимущественно позитивной и неопределенной этнической идентичностью.

Как указывалось выше, понятие определенности-неопределенности идентичности является относительно новым в российской кросс-культурной психо-

логии. Эмпирические исследования данного конструкта в России проводятся сравнительно недавно [Этническая толерантность в поликультурных регионах России, 2002]. Каким образом при повышении неопределенности этнической идентичности межгрупповые установки становятся более интолерантными? Чтобы рассмотреть данный механизм, обратимся к результатам эмпирического исследования феномена казачества. Данная общность находится в процессе становления, и ее групповая идентичность до конца не сформировалась. Это позволяет характеризовать казаков как группу, представители которой обладают неопределенной этнической идентичностью.

Мы разбили выборку казаков на две подгруппы – казаки с неопределенной, переходной «русско-казачьей» идентичностью и казаки с ясной «казачьей» идентичностью, а затем сопоставили межэтнические установки данных подгрупп между собой, а также с аналогичными установками русских. Это позволило нам в определенной степени реконструировать механизм формирования этнической толерантности, происходящий при нарастании неопределенности идентичности. Ниже подробно описаны результаты психологического исследования феномена современного казачества.

2.4.2. Анализ взаимосвязи неопределенности этнической идентичности с межгрупповыми установками на примере казаков Ростовской области

Во время интервью и бесед одного из авторов данной работы с атаманами и рядовыми казаками, большинство казаков, особенно атаманы, считали и называли себя представителями самостоятельного, репрессированного в 20-е годы этноса. Не затрагивая вопрос о том, являются ли казаки отдельной этнической группой, мы решили выяснить, есть ли у данной группы как субъекта межэтнических отношений какие-либо отличия от русских в этнической идентичности и межгрупповых установках. В выборке казаков было выделено две группы. В первую группу вошли респонденты с *ясной «казачьей» идентичностью* – те казаки, которые при ответе на тест Куна «Кто я?» среди первых пяти

самоидентификаций, в основном на первом месте, писали «казак», и в конце анкеты, в графе “национальность”, тоже писали «казак» (82 человека). Вторую группу составили респонденты с *двойственной или «переходной»* – и «казачьей», и «русской» идентичностью (62 человека). Формально респонденты второй группы тоже были казаками – они входили в казачьи дружины. Но при ответе на тест Куна представители этой подгруппы указывали среди первых пяти самохарактеристик либо «русский», либо и «казак» и «русский», причем идентификация «русский» всегда шла за идентификацией «казак». Еще одна важная характеристика представителей данной группы состоит в том, что в графе “национальность” они могли указать как «русский», так и «казак». Назовем для удобства представителей этих двух групп – «казаки с “ясной” казачьей идентичностью» и «казаки с “переходной” идентичностью». Далее, все социально-психологические показатели представителей обеих категорий казаков сопоставлялись, для поиска достоверных различий с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Дополнительно проводилось сопоставление ответов двух указанных категорий казаков с ответами русских.

В таблицах №21-№ 23 приведены средние значения ряда социально-психологических показателей и отмечены достоверные различия (по U-критерию) при переходе от группы к группе. Для наглядности достоверные различия выделены жирным шрифтом.

Таблица № 21. Различия в социально-психологических показателях русских и казаков с «переходной» идентичностью

Наименование показателя	Русские N=127	Казаки с “переходной” идентичностью N=70	Уровень значимости P
Степень позитивности этнического стереотипа русских	4	4.1	0.71
Социальная дистанция с казаками (максимальная близость 7 баллов)*	5.7	7	0.002
Степень ощущения себя русским	5	4.6	0.77
Степень ощущения себя казаком	1.8	4.4	0.000001

Установка на разделение по этническому признаку	3.6	5	0.003
Общая этническая интолерантность	3.4	3.8	0.11
Субъективный уровень религиозности (3-балльная шкала)	1.8	2.2	0.0006

* Здесь и далее - чем выше значение балла по шкале социальной дистанции, тем она меньше (то есть выше степень принятия представителей оцениваемой группы) и наоборот – чем ниже значение балла по шкале социальной дистанции, тем она больше (степень принятия представителей оцениваемой группы ниже).

Приведенные в таблице статистически значимые различия в целом указывают на то, что казаки с «переходной» идентичностью несколько отличают себя на групповом уровне от русских. У казаков с «переходной» идентичностью выше, чем у русских уровень религиозности, сокращается социальная дистанция с казаками, выше степень ощущения себя казаком и, что особенно важно, возрастает установка на разделение по этническому признаку. В то же время казаки с «переходной» идентичностью продолжают, наряду с представлениями о себе как о членах отдельной и самостоятельной группы, отождествлять себя с русскими. Далее в таблице №22 приводятся различия уже между группами казаков с «переходной» и «ясной» видами идентичности.

Таблица № 22. Различия в социально-психологических показателях казаков с «переходной» идентичностью и казаков с «ясной» казачьей идентичностью

Наименование показателя	Казаки с "переходной" идентичностью N=70	Казаки с "ясной" идентичностью N=74	Уровень значимости р
Степень позитивности Этнического стереотипа русских	4.1	2.8	0.00001
Социальная дистанция с казаками (максимальная близость 7 баллов)	7	7	-
Степень ощущения себя русским	4.6	3.1	0.00001
Степень ощущения себя казаком	4.4	4.8	0.02
Установка на разделение По этническому признаку	5	5	-
Общая этническая интолерантность	3.8	4.2	0.1
Субъективный уровень религиозности (3-балльная шкала)	2.2	2.2	-

Казаки с «ясной» идентичностью и казаки с «переходной» идентичностью, согласно данным таблицы, в большей степени напоминают одну группу. У обеих категорий респондентов максимально близкая социальная дистанция с казаками (7 баллов), одинаково высокая установка на разделение по этническому признаку, высокий уровень религиозности и нет достоверного различия в уровне общей этнической интолерантности, хотя можно видеть небольшое ее повышение у казаков с «ясной» казачьей идентичностью. Но между этими подгруппами есть также и различия. Первое различие между двумя данными категориями респондентов состоит в том, что казаки с «переходной» идентичностью имеют позитивный этнический стереотип русских, примерно такой же по эмоциональной окраске, как и автостереотип самих русских, а стереотип русских в восприятии казаков с «ясной» казачьей идентичностью более негативен. Аналогично, казаки с четкой идентичностью в меньшей степени чувствуют себя русскими, чем казаки с «переходной» идентичностью. Уменьшение степени ощущения себя русскими сочетается у казаков с «ясной» идентичностью с повышением степени ощущения себя казаком.

В таблице №23 приводятся результаты сопоставления показателей русских и казаков с «ясной» казачьей идентичностью.

Таблица № 23. Различия в социально-психологических показателях русских и казаков с «ясной» казачьей идентичностью

Наименование Показателя	Русские N=127	Казаки с «ясной» идентичностью N=74	Уровень значимости p
Эмоциональная окраска этнического стереотипа русских	4	2.8	0.00001
Социальная дистанция с казаками (максимальная близость 7 баллов)	5.7	7	0.001
Степень ощущения себя русским	5	3.1	0.00001
Степень ощущения себя казаком	1.8	4.8	0.00001
Установка на разделение по этническому признаку	3.6	5	0.006
Общая этническая интолерантность	3.4	4.2	0.0003
Субъективный уровень религиозности (3-балльная шкала)	1.8	2.2	0.0001

В данном случае обнаружены статистически достоверные различия по всем показателям, то есть две данные категории респондентов имеют различные межэтнические установки и обладают разной групповой идентичностью. Этнический стереотип русских в восприятии казаков с «ясной» идентичностью менее позитивен по сравнению с автостереотипом русских. По шкале социальной дистанции русские стремятся к отдалению от казаков. Русские респонденты практически не ощущают себя казаками (несколько не идентифицируют себя с казачьей общностью), в то время как казаки с «ясной» идентичностью почти в полной мере ощущают себя казаками и значительно меньше отождествляют себя с русскими. Казаки имеют выраженную установку на разделение по этническому признаку, русским это свойственно в меньшей мере. Также можно констатировать, что казаки с «ясной» идентичностью являются более интолерантными и воспринимают себя более религиозными, чем русские.

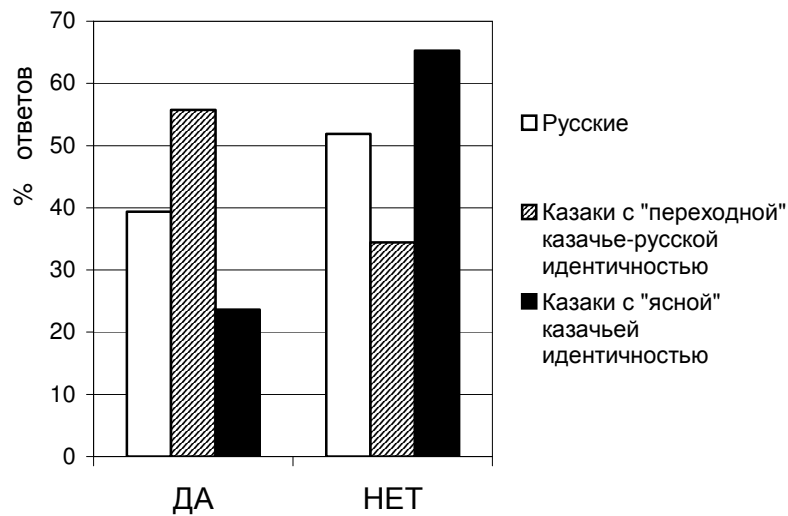
Итак, можно предположить, что казаки осознают себя самостоятельным субъектом межгрупповых отношений и обладают единой групповой идентичностью. Три рассматриваемые группы – русские, казаки с «переходной» идентичностью и казаки с «ясной» казачьей идентичностью – позволяют, в определенной степени, реконструировать процесс формирования групповой идентичности казаков. Первоначально, в годы перестройки, возникали кружки, общества изучения истории казачества, военно-патриотические клубы, стали проходить различные фестивали казачьего фольклора, но тогда действовали отдельные энтузиасты и краеведы. Зарождение первых объединений казаков шло в рамках военно-исторических клубов, к 1989 г. возникших практически во всех регионах СССР [Таболина, 1994]. Когда в начале 90-х годов пошел процесс возрождения казачества, то в данные объединения входили преимущественно потомки казаков. «Новое движение заявило о себе, как о движении этноконфессиональном, хотя осознавалось это тогда не всеми и не сразу» [Таболина, 1994, с.116]. В настоящее время продолжается процесс формирования этого движения, изыскиваются средства на его финансирование (см. сборники норматив-

ных правовых актов, например, “Государственные акты по вопросам Российского и Донского казачества” том 2, 2001). Казаки принимают участие в охранной деятельности, создаются муниципальные казачьи дружины на территории Ростовской области, деятельность которых закрепляется законодательно (см., например, “Нормативные документы по проблемам казачества”, 2001). Параллельно, видимо, шел процесс формирования новой групповой идентичности казаков. Сейчас среди казаков, входящих в состав казачьих объединений далеко не все являются потомственными казаками. Среди них немало русских, вступивших в казаки, либо потомков от смешанных браков, в казаки принимают молдаван, украинцев. Можно предположить, что категория казаков с «переходной» идентичностью представляет некий *промежуточный этап в формировании единой казачьей общности*.

В социологическом исследовании межнациональных отношений на Юге России, проведенном осенью 2001 года [Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России, 2002], выявлено, что казачье движение поддерживают преимущественно мужчины 35-55 лет, со средним специальным или высшим образованием, социально неадаптированные, часто безработные. Это категория людей, которая максимально нуждается в групповой поддержке и способна к достаточной активности в условиях группы при наличии сильного, авторитетного лидера. Возможно, это и есть портрет русских (и не только русских), которые потенциально готовы «вступить в казаки».

В ходе нашего исследования казакам и русским задавался открытый вопрос – «Любой ли русский может быть казаком?» и далее «Если нет, то почему?». На гистограмме № 1 приводится процентное соотношение утвердительных и отрицательных ответов на первую часть вопроса среди русских, казаков с «переходной» идентичностью и казаков с «ясной» казачьей идентичностью.

Гистограмма № 1
«Любой ли русский может быть казаком?»



На гистограмме видно, что количество русских, ответивших утвердительно, и количество русских, ответивших отрицательно на данный вопрос, примерно одинаково.

Среди казаков с «переходной» идентичностью, количество респондентов, считающих, что *любой* русский может быть казаком, значительно больше, чем среди русских, а считающих, что *не любой* русский может быть казаком, значительно меньше по сравнению с казаками, обладающими ясной идентичностью. То есть прослеживается своего рода психологическая готовность примкнуть к определенной группе. Меняя свою групповую идентичность, данная категория респондентов не видит препятствий в смене групповой идентичности и для других русских.

И, наконец, третья категория респондентов – казаки с «ясной» казачьей идентичностью. Большинство респондентов, отнесенных к данной группе отвечает, что *не любой русский* может быть казаком. То есть у этих респондентов прослеживается ясная групповая идентичность, и в ингруппу они не стремятся принимать всех подряд.

Так почему же половина русских, 34% казаков с «переходной» идентичностью и большинство казаков с «ясной» казачьей идентичностью считают, что не любой русский может быть казаком? В чем отличительная особенность казаков? Для поиска ответа был выполнен контент-анализ второй части вопроса:

«Любой ли русский может быть казаком? Если нет, то почему?». Оказалось, что казаки с «ясной» казачьей идентичностью преимущественно отвечают, что казаком нужно родиться (44%). Остальные респонденты данной категории казаков отвечают, что для того, чтобы быть казаком нужно иметь казачьи корни, казачью кровь, казаки – это особый народ. Типичные цитаты респондентов этой категории: «казаки – это не военная должность, а название народа», «русский не может стать казаком, как не может стать армянином, китайцем, испанцем». То меньшинство казаков данной категории, которые согласились с тем, что любой русский может быть казаком, все же уточняло, что русский должен быть сильным духом, православным человеком и обязательно чтить традиции казачества.

Как указывалось выше, среди казаков с «переходной» идентичностью большинство ответило, что *любой* русский может быть казаком. При этом респонденты специально акцентировали внимание на том, что русский, вступающий в казаки, обязательно должен быть православным (верующим, крещеным). Один респондент данной категории, ответил, что любой русский не только «может, но и должен быть казаком!». Если казаки с «ясной» казачьей идентичностью, преимущественно отвечали, что русский не может быть казаком, так как казаком нужно родиться, что это - народ, то те немногие респонденты с «переходной» казачьей идентичностью, которые ответили, что не любой русский может быть казаком, называли совсем другую причину. Только один (!) респондент из данной категории ответил, что казаком нужно родиться, все остальные в качестве причины по которой не любой русский может быть казаком, называли особый казачий уклад, казачьи традиции, которые не всякий русский в состоянии поддерживать. Также многие указали, что для того, чтобы стать казаком, должна быть особая любовь к родной земле, к России. Типичные цитаты: «только преданные России», «тот, кто верит в возрождение казачества на Дону и на Руси».

Среди русских, ответивших, что *не любой русский* может быть казаком, респонденты преимущественно (30%) ответили, что казаком нужно родиться,

это «национальная принадлежность». Среди других причин русские наиболее часто указывали, что у казаков особый характер (более сильный, воинственный, непокорный), которого нет у русских.

Итак, можно заострить внимание на том, что казаки с «ясной» казачьей идентичностью, считая, что русские не могут быть казаками, в качестве причины преимущественно указывали, что казаки - это особый народ. Казаки с «переходной» идентичностью, в большинстве своем, считая, что любой русский может быть казаком, подчеркивали, что русский обязательно должен быть верующим. А если следовал отрицательный ответ на данный вопрос, то в качестве причины указывалась не особая этническая принадлежность казаков, а особенности казачьих традиций, которые русским трудно соблюдать. Это позволяет убедиться в правомерности предположения о том, что существует две категории казаков: первая - идентифицирующие себя как особую этническую группу и вторая – казаки, «вливающиеся» в эту группу, групповая идентичность которых находится в процессе формирования.

Для глубинного исследования особенностей социальной перцепции в межэтническом взаимодействии казаков и русских применялся модифицированный семантический дифференциал [Этнос. Идентичность. Образование, 1998]. Эмпирические данные, полученные с помощью указанной методики, подвергались обработке путем факторного анализа. В результате обработки по каждой группе было выделено по два фактора (таблица №24).

Таблица 24. Факторы, образованные шкалами семантического дифференциала в ответах русских и казаков Ростовской обл.

Шкалы	РУССКИЕ		КАЗАКИ	
	Фактор 1 «Созидание»	Фактор 2 «Сплоченность»	Фактор 1 «Созидание»	Фактор 2 «Воинственность»
Сильный	,727247*	,657287	,909241*	,328481
Трудолюбивый	,978865*	,018709	,940136*	-,259571
Агрессивный	-,621365	,637830	-,239383	,947481*
Умный	,900603*	,388566	,970773*	-,012737
Религиозный	,252232	,885885*	,659797	,729796*
Сплоченный	,207204	,892220*	,324766	,867849*
% дисперсии	0,46	0,45	0,56	0,35

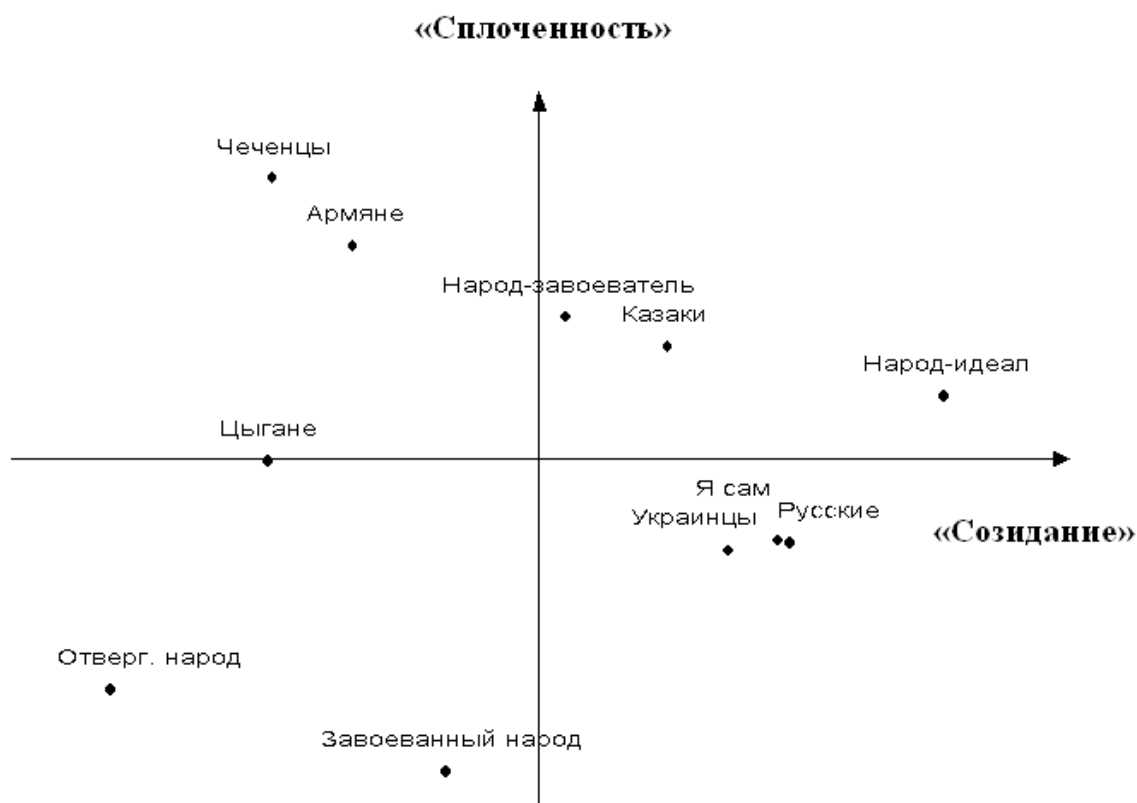
Первый фактор и у казаков и у русских был одинаковым, и в соответствии со шкалами, вошедшими в него, был интерпретирован как «Созидание». Второй фактор у русских и казаков уже отличался – у русских он был интерпретирован как «Сплоченность», а у казаков как «Воинственность». Затем, после вычисления факторных весов объектов шкалирования, осуществлялось построение субъективных семантических пространств. На рисунках № 7 показано субъективное семантическое пространства межэтнического восприятия казаков Ростовской области.

Рисунок № 7. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия казаков



На рисунке № 8 приводится субъективное семантическое пространство межкультурного взаимодействия русских Ростовской области.

Рисунок № 8 Субъективное семантическое пространство
межэтнического восприятия русских



Сопоставление семантических пространств позволяет говорить преимущественно о сходстве категориальных структур сознания в области восприятия межэтнических отношений у русских и казаков. Первая категория-фактор, с помощью которой казаки и русские оценивают все этноконтактные группы - «Созидание» - и у русских, и у казаков идентична. Вторая категория у русских и казаков несколько отличается по содержанию входящих в нее признаков. Если у русских вторая категория была интерпретирована как «Сплоченность», то у казаков эта категория представлена несколько отличающимся фактором – «Воинственность». Категория «Воинственность» сходна по содержанию вошедших в нее признаков с категорией «Сплоченность», за исключением того, что в категорию «Воинственность» у казаков вошла с высокой нагрузкой шкала «агрессивность». То есть, если русские оценивают этноконтактные группы просто по степени их сплоченности, то казаки склонны, кроме сплоченности, оценивать группы по их способности к сопротивлению.

«Этнические картины мира» казаков и русских, как видно на субъективных семантических пространствах, очень похожи. Чеченцы, армяне, цыгане воспринимаются казаками и русскими как не стремящиеся к труду и созиданию. Чеченцы и армяне при этом довольно “воинственные” (или в сознании русских – “сплоченные”), цыгане не воспринимаются как “воинственная” этническая группа. Русские и украинцы оцениваются и казаками, и самими русскими одинаково - этнические группы в обоих семантических пространствах находятся в правом нижнем квадранте и воспринимаются как способные к созиданию и слабо сплоченные (или в сознании казаков – не “воинственные”). Гипотетические объекты оценки «народ-идеал» и «народ-завоеватель» воспринимаются русскими и казаками одинаково. Два указанных объекта оценки находятся в одном и том же правом верхнем квадранте на обоих семантических пространствах. Это говорит о том, что для русских и казаков «народ-идеал» и «народ-завоеватель» в определенной степени тождественны, и оба оцениваются максимально позитивно. Но здесь мы приближаемся к рассмотрению единственного явно прослеживающегося различия в этнических картинах мира русских и казаков. В семантическом пространстве русских позиция «я сам» находится в том же квадранте, что и позиция «русские», что говорит об определенной или «четкой» этнической идентичности русских. В семантическом пространстве казаков позиция «я сам» находится в одном квадранте с позицией «казак», и в разных квадрантах – с позицией «русские». Это указывает на особую групповую идентичность казаков и на то, что они в меньшей степени отождествляют себя с русскими, чем со своей группой. Также казаки помещают свою группу в один квадрант с позициями «народ-завоеватель» и народ-идеал. Это говорит о позитивной групповой идентичности казаков. Они воспринимают себя как воинственную, сильную и созидательную группу. В семантическом пространстве русских позиция «казаки» находится в том же правом верхнем квадранте, вместе с позициями «народ-идеал» и «народ-завоеватель», как и у казаков. То есть казаки оцениваются русскими более позитивно, чем собственная группа. Возможно, это одна из причин вступления русских в казаки –

стремление входить в позитивно оцениваемую, сильную группу. И еще одна деталь – если в сознании самих казаков их группа сходна по своим характеристикам с «народом-идеалом», то в сознании русских казаки более ассоциируются с «народом-завоевателем», что впрочем, не мешает русским оценивать казаков более позитивно, чем собственную этническую группу.

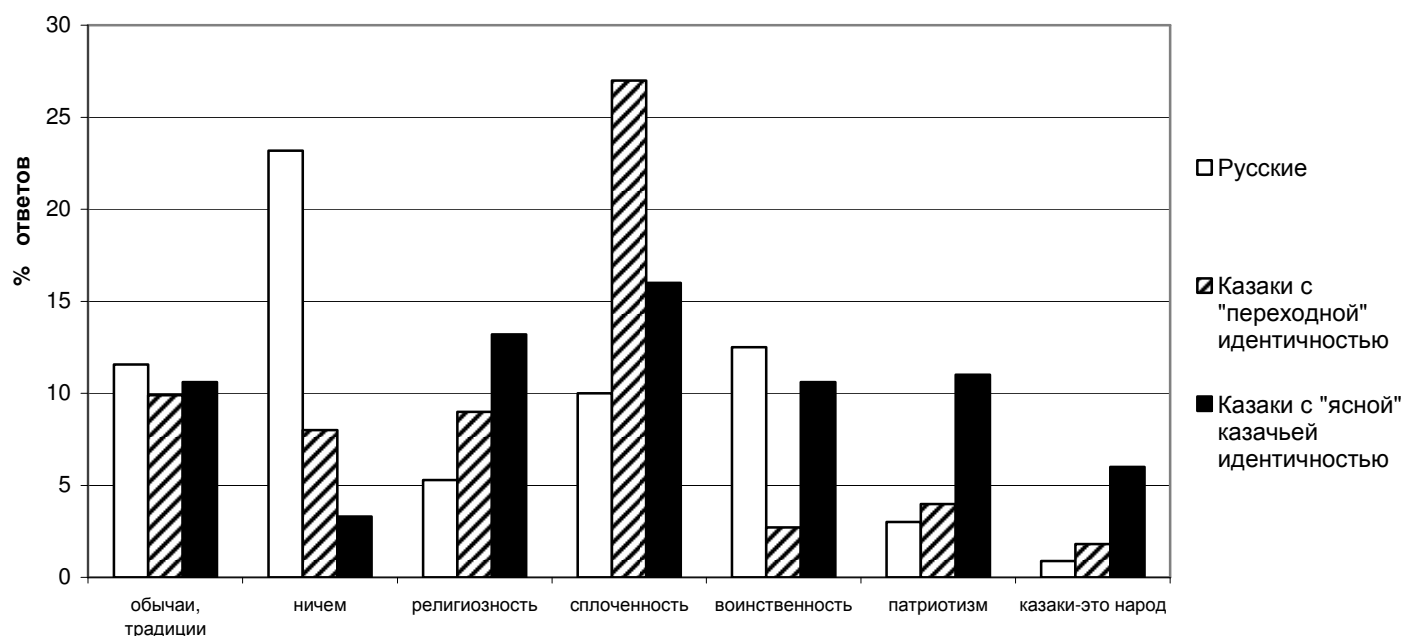
Итак, в целом этнические картины мира казаков и русских очень похожи, за исключением восприятия своей группы. Казаки видят себя самостоятельной группой, и их групповая идентичность более позитивна, чем этническая идентичность русских.

В чем же особенности казаков как группы? На данную тему существует масса публикаций и в прессе, и в специальной литературе. Мы не будем затрагивать политический аспект данного вопроса, остановимся на том, как видят свою миссию сами казаки и что думают по этому поводу живущие с ними русские. В нашем исследовании респондентам задавалось два открытых вопроса: а) «Чем, на Ваш взгляд, казаки отличаются от других русских?» и б) «В каких жизненных ситуациях Вы наиболее остро чувствуете, что Вы казак?» Анализ ответов показал следующее.

Обработка с помощью контент-анализа ответов на открытый вопрос: «Чем, на Ваш взгляд, казаки отличаются от других русских?» позволила выделить 7 основных категорий ответов в каждой из групп. Не останавливаясь подробно на индикаторах и единицах счета, для ясности раскроем основное содержание каждой из категорий. 1 - **«Обычаи, традиции»** – в данную категорию вошли ответы респондентов, указавших, что у казаков есть свои культурные особенности – обычаи, традиции, порядки, которых нет у русских. 2 - **«Ничем»** - в категорию вошли ответы респондентов указавших, что казаки – это те же русские и никаких особых отличий от русских у казаков нет. 3 - **«Религиозность»** - ответы респондентов, отметивших, что казаки более, чем русские, религиозны и что среди казаков чаще, чем среди русских встречаются верующие люди. 4 - **«Сплоченность»** - ответы, указывающие, что казаки более, чем русские, организованы, сплочены, чаще, чем русские, помогают друг другу. 5 - **«Воинствен-**

ность» - казаки более, чем русские, воинственны, агрессивны, смелы, сильнее готовы отстаивать свои права. 6 - **«Патриотизм»** - казаки сильнее русских преданы России и готовы всегда встать на защиту Отечества. 7 - **«Казаки – это народ»** - указания респондентов на то, что вопрос поставлен не совсем корректно, так как казаки - не русские, а отдельная этническая группа, со своей историей, культурой и, когда-то в прошлом, своим языком. На гистограмме № 2 показано процентное соотношение данных категорий в группах русских, казаков с «переходной» идентичностью и казаков с «ясной» казачьей идентичностью.

Гистограмма № 2. «Чем, на Ваш взгляд, казаки отличаются от других русских?»



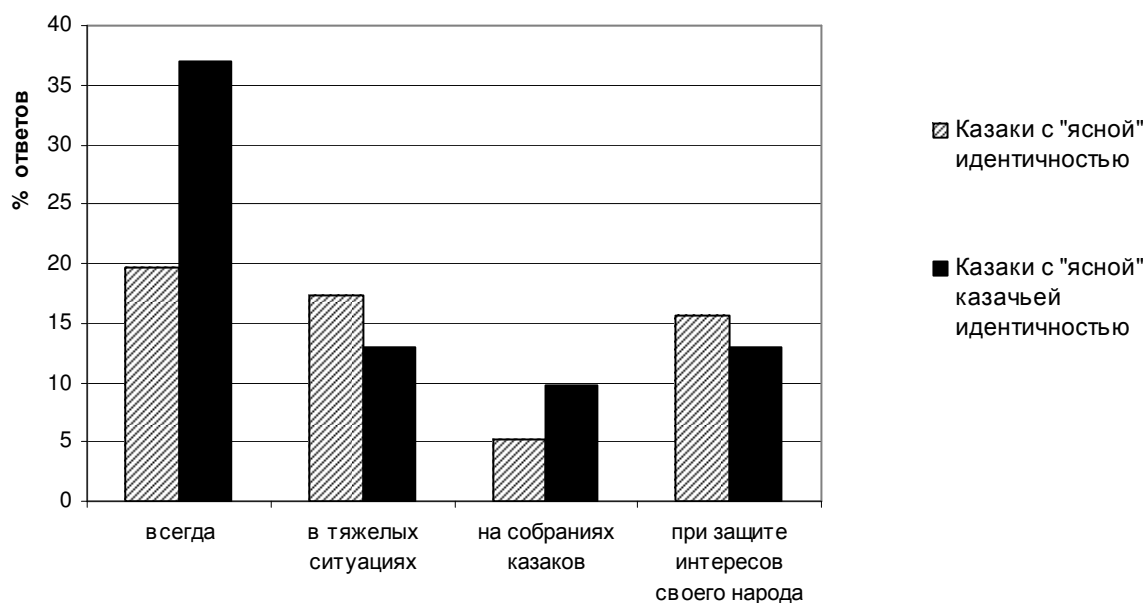
Результаты контент-анализа, представленные на гистограмме, позволяют определить две основные точки расхождения в представлениях о казаках среди русских и самих казаков (всех казаков - как с «ясной» идентичностью, так и с «переходной» идентичностью). Русские преимущественно считают, что казаки *ничем* от них не отличаются, а сами казаки в качестве основного отличия от русских указывают свою высокую *сплоченность*. Важно обратить внимание на то, что, по мнению казаков с «переходной» идентичностью, сплоченность является наиболее выраженной и характерной чертой казачества – это еще раз указывает на то, что у данной категории казаков выражена потребность членства в

сильной, сплоченной группе, и что групповая идентичность данной категории казаков в настоящий момент формируется. Вслед за сплоченностью казаки с «ясной» идентичностью отмечают свою *религиозность*, подчеркивая свое конфессиональное сходство (одно из суждений данной категории: «Казаки – хранители православия и воины Христовы»). Казаки с «переходной» идентичностью тоже отмечают высокую религиозность казаков, тем не менее, вслед за «сплоченностью» данная категория респондентов преимущественно отвечает, что казаки отличаются от русских *обычаями и традициями*. Вообще, количество указаний на то, что казаки отличаются от русских обычаями и традициями во всех трех группах респондентов одинаково. Такая согласованность в ответах может быть свидетельством объективности данного суждения – казаки действительно несколько отличаются от русских особенностями своей культуры. Правда, некоторые русские при этом еще отмечали, что казаки «считают себя выше и умнее русских», «не уважают русских», «стремятся быть лучше других и считают себя правильными». Важно обратить внимание, что казаки с «ясной» казачьей идентичностью в качестве одного из характерных отличий своей группы от русских после «сплоченности» и «религиозности» называют «патриотизм», «стремление защищать родную землю». Типичные примеры суждений, вошедших в названную категорию: «Казаки преданы Отчизне», «Любовь к родной земле», «Казак всегда готов защищать свой дом».

Далее, чтобы глубже понять, в чем видят казаки свое предназначение, обратимся к ответам двух выделенных нами категорий казаков на вопрос: «В каких жизненных ситуациях Вы наиболее остро чувствуете, что Вы казак?». Суждения, высказанные респондентами, были подвергнуты процедуре контент-анализа, в результате которого ответы были разделены на 4 категории. 1 - **«Всегда»** - ответы, указывающие на то, что респондент во всех жизненных ситуациях чувствует и осознает себя казаком. 2 – **«В тяжелых ситуациях»** - указания на то, что в сложных жизненных ситуациях у респондента всегда есть группа, которая помогает ему и поддерживает его (примеры суждений: «При финансовых трудностях, – братья-казаки мне помогли», «Когда в тяжелых ситуациях я

знаю, что я не один»). 3 - «**На собраниях казаков**» - когда респондент пишет, что он чувствует себя казаком во время прохождения казачьих мероприятий (примеры суждений: «Во время казачьих праздников», «На казачьем кругу»). 4 – «**При защите интересов своего народа**» - указания на то, что респондент чувствует себя казаком, защищая обиженного, отстаивая интересы своей этнической группы (примеры суждений: «Когда люди обращаются за помощью не к милиции, а ко мне», «Когда идет дискредитация православия и казачьего народа»). На гистограмме № 3 показано процентное соотношение данных категорий в группах казаков с «переходной» идентичностью и казаков с «ясной» казачьей идентичностью.

Гистограмма № 3. «В каких жизненных ситуациях Вы наиболее остро чувствуете, что Вы казак?»



На гистограмме видно, что в обеих группах казаков большинство респондентов отвечает, что они *всегда* чувствуют себя казаками. Однако, процент респондентов, ответивших именно таким образом, в группе казаков с «ясной» казачьей идентичностью в два раза выше. Это может говорить о сформированности четкой групповой идентичности у респондентов, вошедших в указанную группу. То, что казаки с «неопределенной» идентичностью чувствуют себя казаками *в тяжелых жизненных ситуациях* чаще, чем казаки с «ясной» идентич-

ностью, говорит о том, что на данном этапе казачество служит для них той референтной группой, которая обеспечивает им поддержку и уверенность. Так отвечают те русские, которые вступили в казаки, групповая принадлежность которых формируется, и для которых казачество служит опорой в условиях неопределенности и нестабильности. Важно обратить внимание на то, что в обеих группах казаков категория ответов, указывающая, что респонденты *чувствуют себя казаками при защите интересов своего народа*, преобладает над категорией ответов, свидетельствующих, что казаки чувствуют себя таковыми на *праздниках и собраниях*. Это можно интерпретировать как постепенное оформление социальной функции казачества – главное не формальное соблюдение традиций, а выполнение охранных и защитных функций. Ответы казаков, вошедшие в категорию «при защите интересов своего народа», наиболее яркие и хорошо иллюстрируют потенциальные функции казачества в обществе. Примеры таких ответов: «Когда стоит вопрос о защите чести и достоинства, защите людей и защите своего Отечества», «Когда нужно рисковать в защиту Дона, чести России», «Когда обидно за униженных русских».

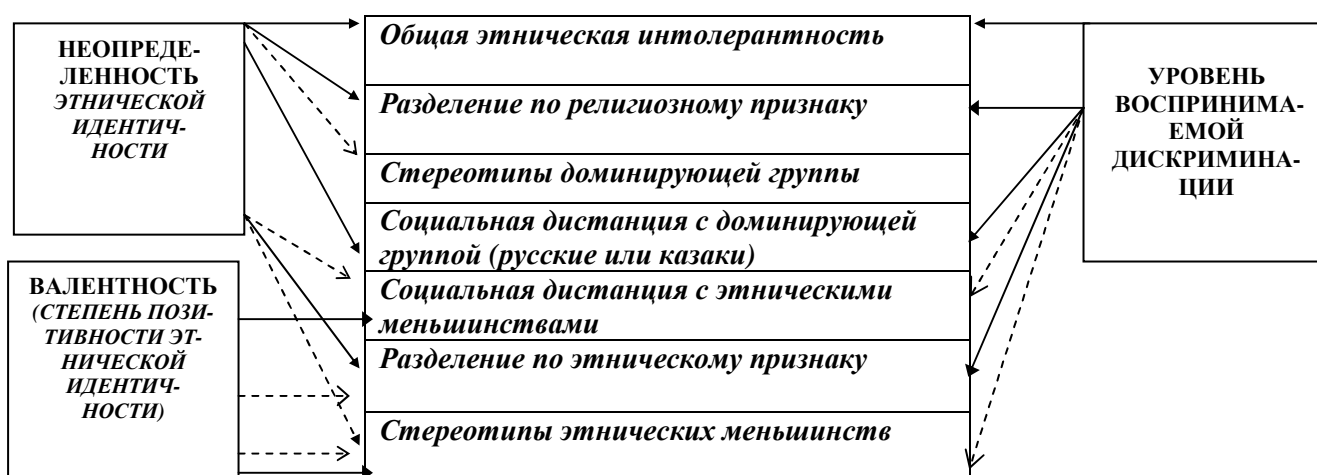
Подводя итог всему вышесказанному, категории казаков с «переходной» идентичностью можно дать следующую психологическую интерпретацию. По видимому, это – люди не очень хорошо адаптированные, испытывающие потребность в уверенности, стабильности, отрицательно относящиеся к притоку мигрантов в область, для удовлетворения потребности в позитивной групповой идентичности и потребности в стабильности и уверенности слегка отделяющие себя от русских, примыкая к уже существующей, позитивно оцениваемой и сильной группе казаков. При этом у данных индивидов повышается стремление к дифференциации людей по этническому признаку, уровень религиозности, начинает формироваться новая групповая идентичность. Когда формирование новой идентичности заканчивается, данные индивиды становятся склонными к малоопозитивной оценке русских, этнически интолерантными больше, чем русские, религиозными и больше, чем русские, стремятся к поддержанию своей культуры и традиций своей группы.

Таким образом, на примере данной группы было продемонстрировано, что рост неопределенности этнической идентичности связан с: а) повышением этнической интолерантности; б) интегративными процессами внутри группы, цель которых - обретение позитивной и определенной групповой идентичности.

2.4.3. Роль воспринимаемой дискриминации в межэтнических отношениях групп поликультурного региона

Рассмотрим роль воспринимаемой дискриминации в межэтническом взаимовосприятии в соотношении с характеристиками этнической идентичности. Для того чтобы была хорошо видна роль данного фактора, наряду с валентностью и неопределенностью идентичности, представим результаты регрессионного анализа по всей выборке (N=917), содержащиеся в таблицах №7 и №8 в виде модели (см. рис.9). Сплошные линии указывают на положительную связь факторов и установочных образований, пунктирная линия – на отрицательную.

Рисунок 9. Модель социально-психологических факторов этнической толерантности-интолерантности в поликультурных регионах России



—————> Значимые положительные стандартизированные β коэффициенты
 - - - - -> Значимые отрицательные стандартизированные β коэффициенты

На рисунке видно, что от воспринимаемой дискриминации зависят практически все межэтнические установки, которые рассматривались в исследовании. Среди трех рассматриваемых факторов наименьшее количество взаимосвязей с межгрупповыми установками имеет валентность идентичности. Уровень воспринимаемой дискриминации и неопределенность идентичности примерно в одинаковой мере связаны с межгрупповыми установками. Что очень важно, направленность данных связей очень похожа. Согласно вышеприведенной модели, повышение уровня воспринимаемой дискриминации связано со следующими установками:

а) повышением общей этнической интолерантности (неопределенность идентичности с данной установкой связана таким же образом);

б) увеличением выраженности установки на разделение по религиозному признаку (неопределенность тоже связана с разделением по религиозному признаку);

в) уменьшением социальной дистанции с доминирующей в регионе группой (неопределенность идентичности меньшинств также связана с уменьшением их социальной дистанции с титульным большинством в регионе);

г) увеличением социальной дистанции с этническими меньшинствами региона (неопределенность с данной установкой связана таким же образом, что указывает на стремление представителей групп неопределенной идентичностью к обретению определенности своей групповой идентичности);

д) увеличением выраженности установки на разделение по этническому признаку (неопределенность идентичности с данной установкой связана таким же образом);

е) снижением позитивности стереотипов этнических меньшинств (неопределенность этнической идентичности аналогично ведет к снижению позитивности стереотипов этнических меньшинств).

Единственное различие в связях данных факторов с межгрупповыми установками состоит в том, что неопределенность этнической идентичности также отрицательно связана с валентностью стереотипов доминирующей группы, а в

случае с воспринимаемой дискриминацией такой связи не наблюдается. То есть, несмотря на то, что группы, представители которых преимущественно обладают неопределенной этнической идентичностью, стремятся примкнуть к доминирующей в регионе группе, они вполне могут быть и не склонны к позитивному восприятию представителей этого большинства.

Таким образом, опираясь на данные регрессионного анализа, можно сказать, что группы, представители которых ощущают себя дискриминируемыми в регионе и не имеют определенной групповой идентичности, преимущественно будут демонстрировать интолерантные межэтнические установки. Точнее, представители таких групп будут склонны к разделению по этническому и религиозному признакам, будут иметь негативные стереотипы этнических меньшинств, и будут стремиться к увеличению социальной дистанции со всеми этническими группами региона, кроме доминирующей.

2.4.4. Социально-психологическая типология стратегий межкультурного взаимодействия (на примере Южного федерального округа)

Для описания стратегий взаимодействия этнических групп в условиях поликультурности мы проанализировали и выписали типичные установочные образования, зависящие от характеристик идентичности (валентности и степени определенности) у рассматриваемых групп Южного федерального округа (табл. № 25).

Таблица 25. Типичные психологические стратегии межкультурного взаимодействия в Южном федеральном округе

	Позитивность	Негативность
Определенность	<p><u>I. Принятие «чужих» культур</u> <i>Русские РО, Русские КК, Русские СК, Украинцы, Дагестанцы, Греки</i></p>	<p><u>III. Сепарация и стремление к высокому этническому статусу.</u> <i>Чеченцы РО, Турки-месхетинцы КК</i></p>
	<p>1. Общая этническая толерантность; 2. Близкая социальная дистанция с большинством групп региона; 3. Далекая социальная дистанция с чеченцами и цыганами; 4. Отсутствие установок на разделение по религиозному и этническому признакам; 5. Позитивные стереотипы большинства групп региона; 6. Негативные стереотипы чеченцев и цыган. Общая характеристика стратегии: доминирование толерантных межэтнических установок, наличие этнической интолерантности возможно при высоком уровне воспринимаемой дискриминации.</p>	<p>1. Близкая социальная дистанция с группами той же конфессии; 2. Далекая социальная дистанция с иноконфессиональными группами; 3. Наличие установки на разделение по религиозному признаку; 4. Позитивная оценка высокостатусных групп. Общая характеристика стратегии: стремление к интеграции по этническому и конфессиональному признакам. При высоком уровне воспринимаемой дискриминации стремление к сближению с высокостатусными группами, а так же стремление к более высокому статусу в групповой иерархии.</p>
Неопределенность	<p><u>II. Поиск определенной идентичности.</u> <i>Казаки РО, Казаки КК, Армяне РО, Армяне СК, Чеченцы СК, Курды КК</i></p>	<p><u>IV. Поиск социального включения.</u> <i>Турки-месхетинцы РО</i></p>
	<p>1. Позитивные стереотипы представителей групп той же конфессии; 2. Негативные стереотипы представителей иноконфессиональных групп; 3. Большая социальная дистанция с аутгруппами; 4. Установка на разделение по этническому и религиозному признакам. Общая характеристика стратегии: неудовлетворенность имеющейся групповой идентичностью, стремление обрести определенную и позитивную групповую идентичность. Наличие интолерантности по отношению к аутгруппам дистанцирование от них. Разделение групп по этническому и конфессиональному признакам.</p>	<p>1. Позитивные стереотипы низкостатусных групп (цыгане); 2. Близкая социальная дистанция со всеми группами региона; 3. Общая этническая толерантность; 4. Отсутствие установок на разделение по этническому и конфессиональному признакам. Общая характеристика стратегии: готовность к позитивному взаимодействию с представителями титульного этноса. Отсутствие этнической интолерантности по отношению к аутгруппам. Отсутствие разделения по этническому и конфессиональному признакам.</p>

Несмотря на многочисленные различия между народами, проживающими в регионе (особенности культуры, этнический статус, длительность проживания в регионе и т.д.), у этнических групп, обладающих схожими характеристиками идентичности, были выявлены сходные особенности групповой адаптации к условиям поликультурности. Это говорит о том, что состояние идентичности представителей разных этнических групп является серьезным детерминирующим фактором их установок на межкультурное взаимодействие в полиэтнических регионах России.

В соответствии с четырьмя выделенными типами этнических групп, можно говорить о четырех психологических стратегиях, реализуемых данными группами в межкультурном взаимодействии.

Первая стратегия была названа «**Принятие “чужих” культур**». Позитивность и определенность этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетаются с позитивным восприятием большинства групп региона, уменьшением социальной дистанции с большинством этноконтактных групп, отсутствием выраженной установки на разделение людей по этническому и конфессиональному признакам, общей этнической толерантностью. Это не означает отсутствия видения культурных различий: определенность этнической идентичности предполагает ясную этническую картину мира, в которой присутствует дифференциация на «своих» и «чужих», но при этом имеется готовность преодолеть это деление, готовность проделать работу по включению «чужих» в «свои». Этническая интолерантность у групп такого типа может быть связана с высокой воспринимаемой дискриминацией.

Каждую из стратегий хорошо иллюстрируют субъективные семантические пространства, построенные путем обработки данных, полученных с помощью модифицированного семантического дифференциала. Данные по семантическому дифференциалу обрабатывались с помощью факторного анализа, а затем объекты оценки размещались в пространстве полученных факторов (более подробное описание процедуры обработки данных представлено в разделе 2.2.1 «Инструментарий исследования, основные показатели и способы обработки

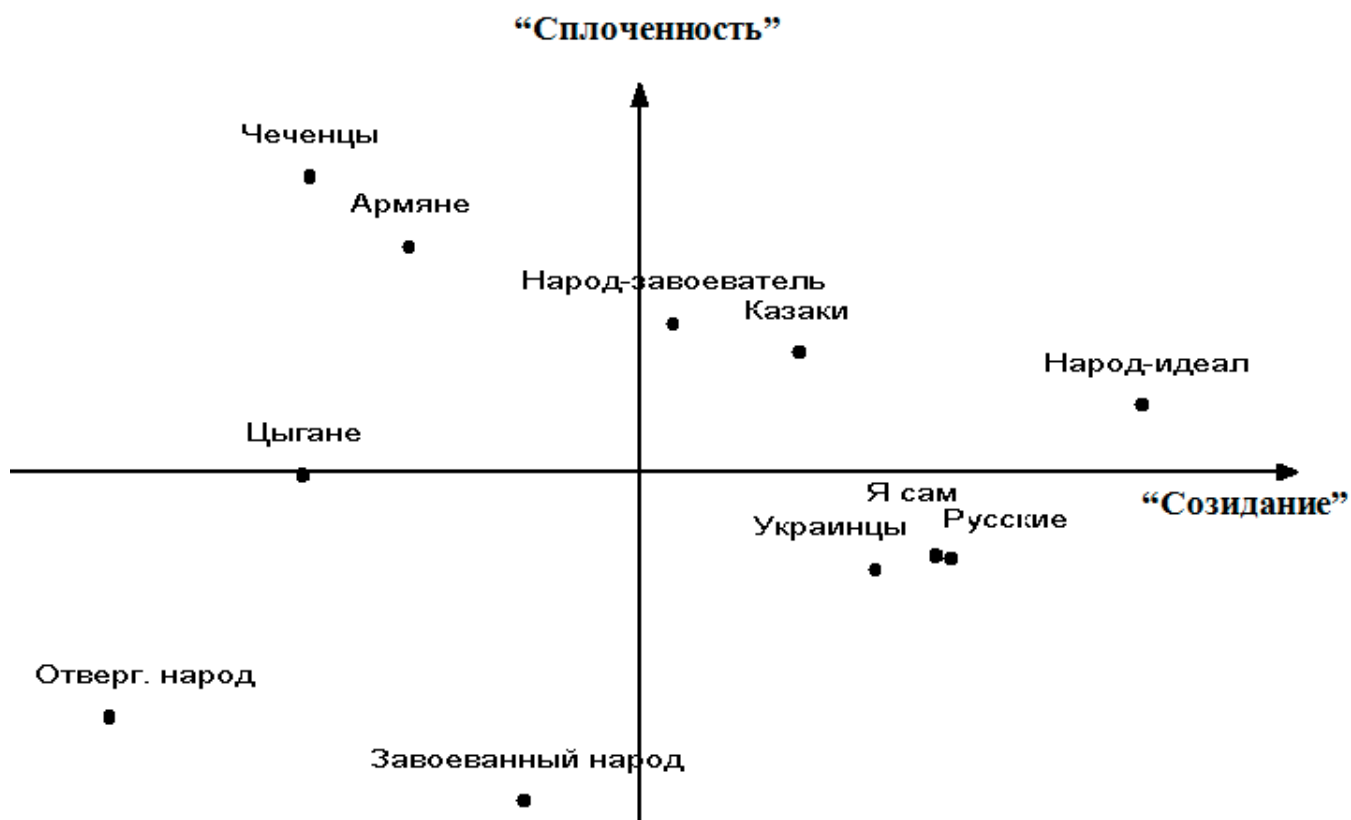
данных»). Такая процедура позволяет получить своего рода «срез» этнического сознания в заданной методически области [Петренко, 1997]. Субъективные семантические пространства хорошо отражают:

- а) отношение к собственной этнической группе;
- б) степень идентификации с собственной этнической группой;
- в) отношение к другим этноконтактным группам.

Бесспорное достоинство данной техники в том, что она позволяет минимизировать смещения, вызываемые влиянием социальной желательности, так как испытуемые не знают, что именно подлежит измерению.

В качестве иллюстрации первой психологической стратегии может выступить субъективное семантическое пространство русских Ростовской области, одной из групп, реализующих стратегию «принятия “чужих” культур». Факторизация ответов русских Ростовской области по методике модифицированного семантического дифференциала позволила выделить два фактора (см. стр. 144, таблица 24). Факторы были интерпретированы как: «Созидание» (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *сильный, трудолюбивый, умный*) и «Сплоченность» (в него с положительной нагрузкой вошли шкалы: *религиозный и сплоченный*). Субъективное семантическое пространство, образованное данными факторами, представлено на рис.10. Полученные факторы являются позитивными, что может свидетельствовать и о позитивности этнической картины мира, в которой нет предрасположенности к негативной оценке других этнических групп.

Рисунок 10. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия русских Ростовской области



В сознании русских *украинцы и русские* оцениваются как созидательные, но не сплоченные, а в самом «позитивном» квадранте – «созидательных» и «сплоченных» располагаются *казаки, народ-идеал и народ-завоеватель*. Это свидетельствует о том, что в сознании русских казаки предстают более позитивно оцениваемой группой по значимым для них критериям (созидательность, трудолюбие и сплоченность), чем их собственная группа. Чеченцы и армяне воспринимаются русскими как сплоченные, но не стремящиеся к труду и созиданию. Заметим, что ни одна из оцениваемых русскими этнических групп не попала в тот же квадрант, в котором оказались такие гипотетические объекты оценки, как *отвергаемый народ* и *завоеванный народ*, что дополнительно свидетельствует об отсутствии негативной оценки этноконтактных групп.

Примерами проявления данной стратегии в поведении могут служить следующие особенности межкультурного взаимодействия русских. Русские (отчасти и как доминирующая группа) прилагают целенаправленные усилия по включению мигрантов в социальную среду: предоставляют им рабочие места, сравнительно легко устанавливают с ними добрососедские отношения. Русские, в отличие от других этнических и субкультурных групп (например, казаков), наиболее терпеливы к нарушению мигрантами социальных норм и общепринятых правил поведения. По свидетельству экспертов (глав администраций районов Ростовской области и окружных атаманов) именно представителями русского населения предпринимались попытки сгладить противоречия между различными этническими группами, познакомить представителей разных национальностей с культурами друг друга, найти точки соприкосновения для взаимопонимания и сотрудничества. Дагестанцы и греки тоже стараются не нарушать общепринятых норм и ценностей и, по возможности, не вступают в конфликты с представителями иных этнических групп.

Вторая стратегия была названа «**Поиск определенной идентичности**». Сочетание позитивности и неопределенности этнической идентичности предполагает позитивное восприятие культурно-близких народов и негативное – культурно-далеких этноконтактных групп. Цель такого взаимодействия – повышение определенности своей этнической (культурной) принадлежности. Наиболее яркий пример реализации такой стратегии – межэтническое взаимодействие казаков Южного федерального округа.

Для иллюстрации этой стратегии приведем три субъективных семантических пространства казаков Краснодарского края и Ростовской области и чеченцев Ставропольского края.

В таблице № 26 указаны два фактора, выделенных при обработке ответов казаков Краснодарского края по методике Семантического дифференциала.

Таблица 26. Факторы, образованные шкалами семантического дифференциала в ответах казаков Краснодарского края

Шкалы	Фактор 1 «Созидание»	Фактор 2 «Сплоченность»
Сильный	,802817*	,472038
Трудолюбивый	,963198*	,156789
Агрессивный	-,811175*	,489406
Умный	,986523*	,081831
Религиозный	-,019654	,874283*
Сплоченный	,206637	,935604*
% дисперсии	,54	,35,5

Полученные факторы были интерпретированы как «Созидание» и «Сплоченность», по составу входящих в них шкал они очень похожи на аналогичные факторы русских Ростовской области. На рисунке № 11 можно видеть субъективное семантическое пространство казаков Краснодарского края.

Рисунок 11. Семантическое пространство межэтнического восприятия казаков Краснодарского края



Факторизация ответов казаков Ростовской области позволила получить два фактора, которые были интерпретированы как «Созидание» и «Воинственность» (см. табл. 24 на стр. 144). На рисунке 12, представлено субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия казаков Ростовской области, реконструированное на основе выявленных факторов.

Рисунок 12. Семантическое пространство межэтнического восприятия казаков Ростовской области



Прежде всего, важно отметить, что семантические пространства казаков Ростовской области и Краснодарского края имеют как очень сходные, так и различные черты. Если у казаков Ростовской области концепт «Я сам» четко попадает в один квадрант с объектами оценки «Народ-идеал» и «Казачи», то у казаков Краснодарского края данный концепт находится в одном квадранте с объектом оценки «Русские», хотя и далеко от него. Видимо групповая идентичность казаков Краснодарского края более «размыта», чем у Ростовских казаков.

Все это свидетельствует о высокой о неопределенности этнической идентичности данной группы. При этом, если у казаков Ростовской области объект оценки «Народ-завоеватель» находится в одном квадранте с такими объектами как «Я сам», «Народ-идеал», «Кзаки», то у казаков Краснодарского края с народом-завоевателем ассоциируются турки-месхетинцы, чеченцы и курды. Это указывает на то, что группа, члены которой имеют более неопределенную этническую идентичность, в процессе поиска своей идентичности склонна видеть во инокультурных группах объект неприязни. Важно отметить, что все-таки семантические пространства казаков похожи на аналогичное пространство русских, несмотря на то, что казаки себя называют отдельной этнической группой, что еще раз свидетельствует о неопределенности их этнической идентичности.

Еще один из примеров группы, представители которой обладают неопределенной этнической идентичностью – чеченцы Ставропольского края. В данном регионе чеченцы проживают преимущественно не компактно, как, например, чеченцы Ростовской области, а дисперсно.

Обработка ответов чеченцев СК по методике Семантического дифференциала позволила выделить два значимых фактора (табл. 27), которые были интерпретированы как «Агрессивность» и «Групповая сплоченность».

Таблица 27

Факторы, образованные шкалами семантического дифференциала в ответах Чеченцев Ставропольского края

Шкалы	Фактор1 «Групповая сплоченность»	Фактор 2 «Агрессивность»
Сильный	,924212*	-,228318
Трудолюбивый	,919047*	,357468
Агрессивный	,008920	,990877*
Умный	,906662*	,311232
Религиозный	,507919	,004725
Сплоченный	,935428*	-,216566
% дисперсии	0,60	0,21

Ниже на рисунке № 13 можно видеть субъективное семантическое пространство восприятия чеченцами СК межэтнических отношений в регионе.

Рисунок 13. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия чеченцев Ставропольского края



На субъективном семантическом пространстве хорошо прослеживаются обе характеристики идентичности чеченцев СК (позитивность и неопределенность). Позитивность идентичности отражена в том, что объект оценки «Я сам» попал в один квадрант с объектом оценки «Народ-идеал». На неопределенность идентичности представителей данной группы указывает то, что объекты оценки «Я сам» и «Чеченцы» находятся в разных квадрантах. Объект оценки «Я сам» оказался рядом с объектом «Греки», а свой народ чеченцы поместили в другой квадрант рядом с объектом оценки «Дагестанцы».

Видно, что чеченцы Ставропольского края не отождествляют себя со своей группой, которую они в целом оценивают как агрессивную и сплоченную, ищут

определенную этническую идентичность рядом с позитивно оцениваемым народом-идеалом и греками.

Выделенная нами стратегия **поиска определенности идентичности** согласуется со стратегией *социальной мобильности* (смена группы), предложенной в рамках теории социальной идентичности [Tajfel & Turner, 1986]. Как уже указывалось, казаки – это русские, которые покидают свою этническую группу и пытаются сменить свою идентичность, присоединяясь к другой, более сильной и сплоченной группе. Чеченцы Ставропольского края, участвовавшие в исследовании, пытались скрывать свою этническую принадлежность и называться дагестанцами – что тоже служит признаком как неопределенности этнической идентичности, так и стремления к *социальной мобильности* – скрыть, сменить свою негативную этническую идентичность, чтобы достигнуть ее позитивности. Но им не удается выбраться из этого порочного круга – они достигают позитивности ценой неопределенности, что не позволяет им достичь этнической толерантности, а соответственно полноценно адаптироваться в регионе.

В качестве конкретного примера проявления данной стратегии в поведении можно привести межкультурное взаимодействие казаков. Представители данной группы не считают себя русскими, а воспринимают себя в качестве отдельного народа, имеющего свои культурные традиции и когда-то в прошлом имевшего свой язык. Они выделяют у себя особые этнокультурные и психологические особенности – большую, чем у русских сплоченность, воинственность, религиозность, но меньшее трудолюбие и т.д. Казаки более, чем русские, нетерпимы к присутствию инокультурных мигрантов на территории Южного федерального округа, некоторые даже считают, что всех иноконфессиональных мигрантов надо выселить с территории ЮФО за исключением мигрантов-христиан (армян). Все это сопровождается высокой этнической интолерантностью – казаки одна из самых конфликтных групп Южного федерального округа, известно множество случаев столкновения представителей казачьих дружин с инокультурными мигрантами, особенно чеченцами. Казаки прилагают множество усилий, чтобы получить право считаться самостоятельным народом. Из-

вестно, что во время подготовки к Всероссийской переписи населения они направляли письмо директору Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкову с просьбой подтвердить их право считаться самостоятельной этнической группой.

Сходные поведенческие паттерны обнаруживают представители иных этнических групп – чеченцы Ставропольского края, армяне. Представители данных групп демонстрируют интолерантные установки и пытаются обрести новую позитивную идентичность. Чеченцы Ставропольского края достигают данной позитивности, скрывая свою национальность, называясь представителям других этнических групп, например, дагестанцами. Некоторые армяне либо вступают в казаки (если им это удастся), либо, если в казаки их упорно не принимают, то они сами стремятся создать казачьи отряды. Известен случай, когда в Ставропольском крае 30 армян учредили казачий курень.

Третья стратегия - **«Сепарация и стремление к высокому этническому статусу»**. Сочетание определенности и негативности этнической идентичности представляет другую стратегию межкультурного взаимодействия, для которой характерны: позитивная оценка высокостатусных групп (позитивные стереотипы русских) и уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами (русскими) в регионе; установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам, сближение с группами той же конфессии, отдаление от иноконфессиональных. Это стратегия этнической и конфессиональной сепарации и ориентации на статус и доминирование в межэтническом взаимодействии. Возможно, негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью являются следствием фрустрации потребности в высоком статусе своей этнической и религиозной группы. Иллюстрировать реализацию указанной стратегии можно с помощью субъективных семантических пространств чеченцев Ростовской области и турок-месхетинцев Краснодарского края. Оба пространства практически идентичны.

При обработке данных, полученных с помощью модифицированного семантического дифференциала, в обеих группах было получено по одному фак-

тору. Содержание этих факторов оказалось идентичным, однако, нагрузка одних и тех же шкал, вошедших в данные факторы – различна. Оба фактора приводятся в таблице № 28.

Таблица 28. Факторы, образованные шкалами семантического дифференциала в ответах чеченцев Ростовской обл. и тюрк-месхетинцев Краснодарского края

Шкалы	Фактор 1 «Групповая иерархия» (по данным чеченцев)	Фактор 1 «Групповая иерархия» (по данным тюрк-месх.)
Сильный	,954851*	,849048*
Трудолюбивый	,971173*	,973553*
Агрессивный	,599601	-,569602
Умный	,943447*	,955032*
Религиозный	,911354*	,915198*
Сплоченный	,982123*	,945340*
% дисперсии	0,81	0,77

Фактор, выявленный при обработке ответов чеченцев был интерпретирован как «Групповая иерархия». Он включает в себя с положительной нагрузкой следующие шкалы (в порядке убывания нагрузки): *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность*. На рисунке № 14 можно видеть расположение этнических групп в семантическом пространстве по данному фактору.

Рисунок 14. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия чеченцев Ростовской области



Мы склонны предполагать, что этот фактор имплицитно содержит оценку права на доминирование, и все контактирующие группы располагаются в некоем иерархическом порядке со своей группой наверху (чеченцы) и реально доминирующей группой (казаки) внизу иерархии.

При факторизации ответов турок-месхетинцев Краснодарского края по методике модифицированного семантического дифференциала был получен тоже один фактор, идентичный по своему содержанию фактору, полученному на выборке чеченцев Ростовской области. Разница состоит только в нагрузке этих шкал (в порядке убывания веса шкалы располагаются следующим образом: *трудолюбие, ум, сплоченность, религиозность, сила*).

На рисунке № 15 можно видеть субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия турок-месхетинцев.

Рисунок 15. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия турок-месхетинцев Краснодарского края



Тенденция расположения объектов оценки по фактору «Групповая иерархия», в целом, та же, что и у чеченцев РО. Наверху иерархии (после народа-

идеала) находится объект оценки «Я сам», затем собственный народ -«Турки-месхетинцы». Казаки также оцениваются негативно и попадают в одно поле с объектами оценки «Неприятный народ» и «Завоеванный народ». Между пространствами турок КК и чеченцев РО есть только одно, бросающееся в глаза существенное различие – если у чеченцев РО объект «Народ-завоеватель» оценивается негативно, то у турок КК – позитивно, причем по степени позитивности он уступает разве что оценке собственного народа.

Возможно, как и у чеченцев Ростовской области, фактор «Групповая иерархия» у турок-месхетинцев Краснодарского края имплицитно содержит оценку права на доминирование, только в более «жестком» варианте – собственная группа не только находится наверху иерархии, но и оценивается также как и «народ-завоеватель»

Схожесть субъективных семантических пространств этих двух групп подтверждает то, что они реализуют в межэтническом взаимодействии одну и ту же стратегию.

Эти данные согласуются со «стратегией изменения *статуса группы*», предложенной в рамках теории социальной идентичности [Tajfel & Turner, 1986]. Группы, представители которых обладают преимущественно негативной, но определенной идентичностью стремятся обрести ее позитивность. Изменение статуса группы, как указывается в теории социальной идентичности, *достигается через социальную конкуренцию* – то есть прямое приписывание желательных характеристик своей группе и прямое противопоставление своей группы чужим группам, что четко видно на иерархических семантических пространствах турок-месхетинцев Краснодарского края и чеченцев Ростовской области.

Данная стратегия также напоминает стратегию «сепарации» в терминологии Дж. Берри или стратегию «коллективные акции по сохранению наследия», которой соответствует квадрант «сохранение культурного наследия / ненормативность» - в модели Ф. Мохаддама.

На основе данных экспертных анкет и результатах бесед с респондентами можно выделить следующие примеры *особенностей поведения* представителей групп данного типа. Известным является случай столкновения чеченцев с казаками в селе Богородицкое, произошедший в марте 2001 года, то есть за год до проведения нашего исследования. (Нами просматривалась и анализировалась видеозапись выступлений жителей села Богородицкое собравшихся на следующий день в сельском клубе на общее собрание для обсуждения события и принятия решений). Этому столкновению предшествовало активное заселение чеченцами-мигрантами села Богородицкое и хутора Мухин, расположенного в непосредственной близости от Богородицкого. По свидетельствам местного населения, чеченцы прилагали множество усилий, чтобы вытеснить русских из этих населенных пунктов. Это им удалось - на хуторе Мухин к нашему приезду осталось только две русских семьи. Жители села Богородицкое жаловались на высокую криминогенность обстановки в селе, возникшую с появлением чеченцев – вечером опасно было выходить на улицу, молодежь стала бояться ходить в клуб, участились случаи воровства скота, техники, урожая. Когда местное русское население пригласило для охраны клуба, школы и посевов казаков, то произошло довольно сильное столкновение казаков и чеченцев (по свидетельствам местных жителей 200 чеченцев и 300 казаков дрались всю ночь). Из этого примера можно видеть, как чеченцы стремились занять доминирующее положение в данных населенных пунктах, а русское население, реализующее иную стратегию межкультурного взаимодействия, не могло оказать им какого-либо сопротивления. Как только в населенном пункте появились представители иной группы, не позволяющие чеченцам занять желаемое высокое место в этноста-тусной иерархии, сразу же произошло столкновение представителей двух дан-ных групп. Следует также отметить, что местное чеченское население характе-ризуется компактным поселением и склонно только к внутриэтническим бра-кам. На наш вопрос к чеченскому старейшине, отдаст ли он свою дочку замуж за русского, он сначала ответил, что нет, но затем, подумав, сказал, что, может быть, и согласился бы, но только в том случае, если русский примет ислам.

Турки-месхетинцы в Краснодарском крае демонстрируют схожее поведение: по свидетельствам местных жителей турки-месхетинцы стремятся к плотному и компактному поселению в некоторых районах. При этом они открыто заявляют, что они стремятся к численному преобладанию над русским населением, и когда их будет численное большинство, они, пользуясь этим, смогут лоббировать свои интересы: например, выбрать нужного им главу администрации района путем большинства голосов.

Последняя, **четвертая стратегия** – «**Поиск социального включения**», реализуемая группой, для которой характерны сочетание негативной и неопределенной этнической идентичности, содержит следующие установки: позитивное восприятие низкостатусных народов (*цыгане*), уменьшение социальной дистанции со всеми группами; снижение выраженности установки на разделение по религиозному признаку, уменьшение этнической интолерантности. Очевидно, что эта стратегия отражает желание мирного сосуществования и социальной близости с представителями всех контактирующих групп (уменьшение социальной дистанции, снижение установки на разделение по религиозному признаку и этническая толерантность). При неопределенной этнической идентичности, в соответствии ТСИ, индивид должен стремиться обрести определенную идентичность путем дифференциации. Но, видимо, негативность идентичности не мотивирует турок искать позитивные отличия своей группы, поэтому мы можем наблюдать снижение установки на разделение по религиозному признаку. Более удачной стратегией для группы с таким состоянием идентичности будет примыкание к высокостатусной доминантной группе, что мы и можем наблюдать на субъективном семантическом пространстве турок.

Семантическое пространство турок-месхетинцев, выстроено в поле двух факторов (таблица № 29): «Созидание» (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *трудолюбивый, умный, сильный, религиозный, сплоченный*) и «Агрессия» (в данный фактор со значимой положительной нагрузкой вошла только одна шкала *агрессивный*).

Таблица 29. Факторы, образованные шкалами семантического дифференциала в ответах турок-мехетинцев Ростовской обл.

Шкалы	Фактор 1 «Созидание»	Фактор 2 «Агрессивность»
Сильный	,966187*	,161822
Трудолюбивый	,982665*	-,085006
Агрессивный	,121975	,989817*
Умный	,977553*	,122558
Религиозный	,942307*	,306051
Сплоченный	,901465*	,386618
% дисперсии	0,76	0,21

Субъективное семантическое пространство отражает готовность к сближению турок-мехетинцев с русскими, близкую социальную дистанцию с украинцами и готовность к позитивному взаимодействию со всеми другими (более «агрессивными») – см. рис.16 . Одновременно это может свидетельствовать о неопределенной этнической идентичности турок-мехетинцев Ростовской области - объекты оценки «Я сам» и «Турки-мехетинцы» практически “сливаются” (находятся в одной точке субъективного семантического пространства) с объектом оценки «Русские».

Рисунок 16. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия турок-мехетинцев



Важно заметить, что турки-месхетинцы ищут социальной интеграции только с доминирующей группой – русскими. И несмотря на то, что, например, казаки и армяне тоже оцениваются турками как группы, стремящиеся к созиданию, объекты оценки, соответствующие этим группам, имеют высокую положительную нагрузку по фактору «Агрессивность» и, соответственно, находятся в другом квадранте. То есть, несмотря на толерантное отношение турок к данным группам, стремиться к сотрудничеству с ними турки, скорее всего, не будут.

В качестве примера *конкретных поведенческих проявлений* данной стратегии можно отметить, что в тех районах, где проводился опрос турок-месхетинцев в Ростовской области, их старейшины были в хороших отношениях с главами администраций районов (чего нельзя сказать о чеченских старейшинах). Также старейшины турок-месхетинцев были непосредственно знакомы с местными казачьими атаманами и, как правило, считались с их просьбами и мнением. Такое поведение указывает на стремление к социальному включению и адаптации среди доминирующего населения – русских и казаков.

Примером может также служить отношение представителей данной группы к нам - членам исследовательской экспедиции. Только представители этой этнической группы пригласили нас в гости, накрыли стол. Когда исследователи проводили опрос среди турок-месхетинцев, собравшихся на помину (так как это была уникальная возможность для нас опросить большое количество респондентов), никто из присутствующих турок не выразил какого-либо недовольства. На данном примере можно видеть желание помочь представителям доминирующей группы (русским), завоевать их доверие, расположить к себе, т.е. стремление к социальному включению.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило выдвинутые гипотезы. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Межгрупповые установки представителей различных этнических и субкультурных групп зависят от характеристик их групповой (этнической) идентичности и уровня воспринимаемой дискриминации. Представители групп, характеризующиеся одинаковым состоянием этнической идентичности (степенью ее позитивности и определенности) демонстрируют сходные межгрупповые установки и вырабатывают одинаковые стратегии межкультурного взаимодействия.

2. На примере 15 этнических и субкультурных групп Южного федерального округа было показано, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязана с толерантными межгрупповыми установками. При негативности этнической идентичности взаимосвязь носит менее однозначный характер, но чаще всего негативность этнической идентичности связана с интолерантными межгрупповыми установками.

3. Толерантность и интолерантность межгрупповых установок связаны с такой характеристикой этнической идентичности как «определенность-неопределенность». Определенная этническая идентичность преимущественно связана с толерантными межгрупповыми установками, а неопределенная этническая идентичность - с интолерантными установками.

4. Взаимосвязь определенности этнической идентичности и межгрупповых установок раскрыта на примере казаков. Становление новой групповой идентичности казаков характеризуется: ростом неопределенности их этнической (русской) идентичности, увеличением социальной дистанции с русскими, внутригрупповой интеграцией и негативными межгрупповыми установками.

5. Высокая воспринимаемая дискриминация преимущественно связана с интолерантными межгрупповыми установками. Данное условие не соблюдает-

ся, когда члены группы, помимо высокого уровня воспринимаемой дискриминации, характеризуются негативной и неопределенной этнической идентичностью (турки-месхетинцы Ростовской области). В таком случае представители этнической группы стремятся к социальному включению и демонстрируют толерантные межгрупповые установки.

6. На основании соотношения характеристик этнической идентичности разработана типология, включающая в себя четыре типа этнических групп:

а) группы, представители которых преимущественно обладают *позитивной и определенной* этнической идентичностью (русские Ростовской области, русские Краснодарского края, русские Ставропольского края, украинцы, дагестанцы, греки);

б) группы, представители которых преимущественно обладают *позитивной и неопределенной* этнической идентичностью (казаки Ростовской области, казаки Краснодарского края, армяне Ростовской области, армяне Ставропольского края, чеченцы Ставропольского края, курды);

в) группы, представители которых преимущественно обладают *негативной и определенной* этнической идентичностью (чеченцы Ростовской области, турки-месхетинцы Краснодарского края);

г) группы, представители которых преимущественно обладают *негативной и неопределенной* этнической идентичностью (турки-месхетинцы Ростовской области).

7. Различные этнические группы, представители которых обладают одинаковой комбинацией характеристик идентичности, демонстрируют сходные психологические стратегии межкультурного взаимодействия. На примере Южного федерального округа нами было выделено и описано четыре типа данных стратегий:

1) Представители групп с *позитивной и определенной* этнической идентичностью демонстрируют стратегию «**принятия “чужих” культур**». Позитивность и определенность этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетаются с позитивным восприятием большинства групп ре-

гиона, уменьшением социальной дистанции с большинством этноконтактных групп, отсутствием выраженной установки на разделение людей по этническому и конфессиональному признакам, общей этнической толерантностью.

2) Представители этнических групп, обладающие *позитивной* и *неопределенной* идентичностью, склонны демонстрировать стратегию **«поиска определенной идентичности»**. Сочетание позитивности и неопределенности этнической идентичности предполагает позитивное восприятие культурно-близких этнических групп и негативное – культурно-далеких. Цель реализации такой стратегии заключается в повышении определенности своей этнической (культурной) принадлежности, что было показано на примере казаков Ростовской области.

3) Психологическая стратегия межкультурного взаимодействия представителей групп, идентичность которых является *негативной* и *определенной*, может быть обозначена как **«сепарация и стремление к высокому этническому статусу»**. Для представителей этнических групп, реализующих данную стратегию характерны: позитивная оценка высокостатусных групп, уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами региона, установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам, а также отдаление от иноконфессиональных групп.

4) Стратегия **«поиска социального включения»**, свойственна представителям групп, обладающим *негативной* и *неопределенной* этнической идентичностью. В нашем исследовании указанная психологическая стратегия межкультурного взаимодействия была свойственна только туркам-месхетинцам Ростовской области. Для данной этнической группы были характерны следующие межгрупповые установки: уменьшение социальной дистанции со всеми группами региона, снижение установки на разделение по религиозному признаку, уменьшение этнической интолерантности. Возможно, что данная психологическая стратегия межкультурного взаимодействия отражает желание мирного сосуществования и социальной близости с представителями большинства этноконтактных групп поликультурного региона.

Заключение

Данное исследование позволило сделать шаг в направлении понимания социально-психологических причин этнической толерантности и интолерантности и построить типологию психологических стратегий межкультурного взаимодействия этнических групп. Исследование показало, что в межкультурном взаимодействии наиболее приемлемой является стратегия групп, обладающих позитивной и определенной этнической идентичностью. Этнические группы, представители которых в своем большинстве обладают такой идентичностью, согласно данным нашего исследования, склонны к позитивному восприятию большинства этноконтактных групп, не стремятся к выстраиванию большой социальной дистанции, разделению по этническому признаку, проявляют общую этническую толерантность.

Межэтнические установки представителей групп, у которых преобладает неопределенность и (или) негативность этнической идентичности отличаются большей интолерантностью. Отсюда вытекает очень важное в практическом плане следствие – путем повышения позитивности и определенности этнической идентичности можно повысить этническую толерантность. С этой целью можно, например, разработать тренинг межкультурного взаимодействия, который был бы направлен на изменение характеристик этнической идентичности его участников.

Нужно сказать, что разработка и апробация таких тренингов проводится Н.М. Лебедевой, Т.Г. Стефаненко и О.В. Луневой в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе, 2001-2005 годы» [Лебедева, Лунева, Стефаненко, Мартынова, 2003; Лебедева, Стефаненко, Лунева, 2004; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004]. Оценка результатов тренинга, проведенного на представителях народов Кавказа и русских, с помощью методики, предложенной У. Стефан и К. Стефан [Stephan & Stephan, 2001], позволила обнаружить интересные факты. Математико-статистическая обработка результатов предва-

нительного и итогового тестирования показала, что, тренинг этнокультурной компетентности и межкультурного взаимодействия, в целом, действительно способствует повышению позитивности этнической идентичности его участников, а так же формированию целостной общегражданской идентичности [Татарко, Лебедева, 2004]. Но одно из наиболее важных следствий тренинга межкультурного взаимодействия, которое было обнаружено, заключается в том, что тренинг способствует повышению оптимизма в оценке благоприятности межэтнических отношений в России в будущем. То есть участники демонстрируют точку зрения, что со временем этнические конфликты в России прекратятся.

Говоря об изменениях, произошедших отдельно в группе русских и группе представителей народов Кавказа, можно отметить, что русские в результате тренинга, начинают лучше понимать культуру представителей народов Кавказа и чувствовать себя более уверенно при взаимодействии с ними. Что касается представителей народов Кавказа, то, во-первых, они начинают лучше понимать причины поведения русских и, во-вторых, повышается определенность их этнической идентичности, что, согласно данным наших исследований, способствует повышению этнической толерантности.

Говоря о дальнейших перспективах исследования в данном направлении, можно обозначить два следующих аспекта. Во-первых, модель психологических стратегий межкультурного взаимодействия должна быть проверена как можно в большем количестве поликультурных регионов России. Это позволит определить степень о ее универсальности и, соответственно, степень ее объяснительно-прогностической ценности. Во-вторых, в перспективе важно изучить влияние иных социально-психологических факторов на межкультурное взаимодействие, например, уровня конфессиональной идентичности, принадлежности к доминирующей группе или группам этнических меньшинств и других особенностей. Таким образом, на наш взгляд, данное исследовательское направление перспективно с теоретической и практической точек зрения, и требует своего дальнейшего развития.

Библиография

1. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Этноконфликтологическая ситуация в Ставропольском крае (по материалам социологических исследований, осуществленных лабораторией этноконфликтологии ИС РАН на базе СГУ) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 373-397.
2. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240с.
3. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983. 144с.
4. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С.13-23.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996. 376с.
6. Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен в условиях социально-этнических изменений. Автореф. дисс.... канд. психол. наук. М., 1998. 25 с.
7. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Изд-во «Смысл», 1999. 348 с.
8. Аствацатурова М. Миграция: вопрос вопросов // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2002. № 46.
9. Белинская Е. П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 205с.
10. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972. С. 230-240.
11. Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. СПб., 1994. 275с.
12. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М.: Наука, 1988. 207 с.

13. Воронцов В.С. Некоторые особенности национального самосознания студентов-удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 89-90.
14. Вивьер Фонс ван де. Эволюция кросс-культурных методов исследования // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. С. 135-165.
15. Воробьев С.М., Ерохин А.М. Состояние этнополитических процессов на Ставрополье в оценках и представления массового сознания // Этнические проблемы современности. Вып. 7: Проблемы культуры межнационального общения и межкультурной коммуникации. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 84-90.
16. Государственные акты по вопросам Российского и Донского казачества. Т. 2. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2001. 456с.
17. Гордеева Т.О. Кросс-культурный эксперимент // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент / Под ред. Т.В. Корниловой. М., 1998. С. 108-138.
18. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252с.
19. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999. 190 с.
20. Дилигенский Г.Г. Некоторые методологические проблемы исследования больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 196-205.
21. Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 5-23.
22. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М.: Мысль, 1996.

23. Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М.: 1994. С. 16-47.
24. Дробижева Л.М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотта, В.А. Тишкова, М.А. Малашенко. М. 1997, С. 44-64.
25. Дробижева Л.М. Русские в республиках Российской Федерации // Межнациональные отношения в России и СНГ / Под ред. Г. Бордюгов, П. Гобл. М., 1995. С. 120-132.
26. Журавлев А.Л. Предмет и структура социальной психологии // Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева. М., 2002. С. 5-10.
27. Зенченко О.В., Савва М.В. Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России / Краснодар: ЮРПЦ, 2002. 72с.
28. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995.
29. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. Дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2003. 363 с.
30. Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой, М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002.
31. Казачество юга России в 21 веке: место и роль в обществе и государстве. Доклады и сообщения научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2001.
32. Ключникова (Миллер) Л.В., Позняков В.П. Социально-психологические факторы адаптации переселенцев к новым социально-экономическим и этнокультурным условиям (на примере немцев, выехавших из стран СНГ в Германию) // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 2003-217.
33. Кун М., Макпартланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная этнопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180-187.

34. Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. Т. 7. 1986. №2. С. 41-51.
35. Кэмпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционные аспекты // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 76-102.
36. Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб., 1996. 391с.
37. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. 195 с.
38. Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
39. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. 223с.
40. Лебедева Н. М. Новая русская диаспора. М., 1995. 285с.
41. Лебедева Н.М., Малхозова Ф.М., Социально-психологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии // Идентичность и толерантность / Под. ред. Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002, С.152-168.
42. Лебедева Н.М. Теоретико-методологическая основа проекта «Социально-психологические факторы этнической толерантности-интолерантности в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 7-26.
43. Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге // Межкультурный Диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С.204-255.
44. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этни-

- ческая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Изд-во РУДН. 2002. С. 252-285.
45. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. Т. 24. 2003. №5. С.31-45.
46. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003. 266с.
47. Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Книга 1: теория и методология. М., 2004. 189с.
48. Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Книга 2: программа тренинга. М., 2004. 288с.
49. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М. 2004, 356 с.
50. Левкович В.П., Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен: На материале исследования этнических групп Узбекистана // Психологический журнал. Т.16. 1995. № 2. С. 70-80.
51. Левкович В.П., Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен обыденного сознания в ситуации социоэтнических изменений // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 164-173.
52. Личность, культура, этнос (современная психологическая антропология) / Ред. А.А. Белик. М.: Смысл, 2001.
53. Маликова Н.Р. Этнические стереотипы в контексте политизированной этничности // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 54-65.
54. Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук, М., 1999.
55. Мулдашева А.Б. Роль этнопсихологической двойственности в межэтническом взаимодействии. Дисс. ... канд. психол. наук, М., 1991.

56. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
57. Науменко Л.И. Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Изд-во «Старый сад», 1997. С. 77-88.
58. Нормативные документы по проблемам казачества // Под ред. А.И. Нарезного. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2001.
59. Павленко В.Н., Таглин С.А. Этнопсихология. Учебное пособие. Киев, 1999. 407с.
60. Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой, М.: Изд-во «Старый сад», 1997, С. 88-96.
61. Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология. М., 2004. (в печати).
62. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Изд-во «Смысл», 2001. С. 25-39.
63. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.
64. Перспективы социальной психологии / Редакторы-составители М. Хьюстон, В. Штребе, Д.М. Стефенсон. М.: Изд-во «ЭКСМО». 2001. 687с.
65. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. 208 с.
66. Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.В., Кравцова А.Р., Осипова В.С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М., 2000. 72 с.
67. Пименов В.В. Системный подход к этносу // Расы и народы. М.: Наука, 1986. С. 11-89.
68. Позняков В.П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2002. 47с.

69. Попов А. а) Круглый стол по миграционным проблемам // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 35. М., 2001.
70. Попов А. б) "Национальная политика" // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 36. М., 2001.
71. Попков В.Д. Конфликтность групп этнических мигрантов и ее влияние на процесс социокультурной адаптации // Социальный конфликт. 1997. № 1. С. 3-23.
72. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. 337 с.
73. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232с.
74. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. 717 с.
75. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. Бобневой М.И. и Шороховой Е.В. М., Наука. 1979. 330 с.
76. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичностей у детей и подростков / Под ред. М. Барретта, Т. Рязановой, М. Воловиковой., М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. 196с.
77. Резников Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М., 2001.
78. Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Под ред. Л.М. Дробижевой, Т.С. Гузенковой. М., 1995. С. 267-282.
79. Рыжова С.В. Психологическая составляющая этнонационализма (опыт эмпирического исследования) // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой, М.: Изд-во «Старый сад», 1997. С. 173-182.
80. Рязанцев С.В. Миграция как следствие и фактор конфликтов на Северном Кавказе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. М.- Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 337- 354.

81. Рязанцев С. В. Этнические миграции // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 28. М., 1999.
82. Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Изд-во КубГУ. 1997. 172 с.
83. Свечникова Л. Влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №44. М., 2002.
84. Свечникова Л. Демографические и миграционные показатели // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №50. М., 2003.
85. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: Учебник для высш. учебн. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2000.
86. Солдатова Г.У. Межэтническая напряженность как объект этнопсихологии // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой, М.: Изд-во «Старый сад», 1997. С. 44-53.
87. Солдатова Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996. С. 296-366.
88. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 387 с.
89. Соснин В.А., Красникова Е.А. Социальная психология. М.: ФОРУМ – ИНФРА-М. 2004. 334 с.
90. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1998. 386 с.
91. Социальная психология. Учебное пособие для вузов / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во ПЕР СЭ. 2002. 350с.
92. Социально-психологические исследования межнациональных отношений / Под ред. П.Н. Шихирева. М., 1993.

93. Стоунквист Э.В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979.
94. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1993. 79 с.
95. Стефаненко Т.Г. а) Социальная психология этнической идентичности. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1999.
96. Стефаненко Т. Г. б) Этнопсихология. М., 1999.
97. Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 35-48.
98. Стефаненко Т.Г. а) Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 367-399.
99. Стефаненко Т.Г. б) Поведенческий компонент этнической идентичности: за и против // Кризис идентичности и проблема становления гражданского общества / Отв. ред. Н.Л. Иванова. Ярославль, 2003. С. 127-134.
100. Сусоколов А.А. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты // Советская этнография. 1972. №5. С. 73-78.
101. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып.20. М., 1990. С. 5-40.
102. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. М.-Екатеринбург: Академический проект, 1999. 477с.
103. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе. Автореф. ... дисс. докт. психол. наук. М., 2002. 50с.
104. Таболина Т.В. Возрождение казачества. Т.1. М., 1994. 712с.
105. Таболина Т.В. Ростовская область: этнополитические реалии и тенденции // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под. ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Изд-во РУДН, 2002. с. 154-176.
106. Татарко, Лебедева... Оценка тренинга...

107. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. 256 с.
108. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 15-44.
109. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 239 с.
110. Толерантность и согласие. М.: ИЭА РАН, 1997. 287 с.
111. Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. С. 657-709.
112. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. 153 с.
113. Хагба Б.А. Факторы этнополитической стабилизации на Кавказе // Социально-политический журнал. 1995. №3. С. 25-39.
114. Хоперская Л., Харченко В. Ростовская область // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2000. №29.
115. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
116. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 122 с.
117. Численность и миграция населения Российской Федерации в 1999 г. Статистический бюллетень. М.: Государственный комитет РФ по статистике, 2000.
118. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 229 с.
119. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. Проблемы методологии и теории. М.: Наука, 1985. 175 с.
120. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 2000.
121. Шлягина Е. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования // Научно-публицистический вестник «Век толерантности» / Ред. А.Г. Асмолов. № 3-4. 2001. С. 124-132.
122. Шульга Н.А. Этническая самоидентификация личности. Киев: Изд-во «Институт социологии НАН Украины», 1996.
123. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

124. Этнос. Идентичность. Образование / Под. ред. В.С. Собкина. М.: 1998.
125. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М., 2002. 294 с.
126. Этнические проблемы регионов России: Северный Кавказ, Калининградская область, Крайний Север / Под ред. Н.А. Дубовой, Н.А. Лопуленко. М.: Изд-во «Старый сад», 2002. 399 с.
127. Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. М., 1999.
128. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.
129. Barrett, M. English children's acquisition of a European identity // Changing European Identities: Social-Psychological Analyses of Social Change / Ed. by. G. Breakwell, E. Lyons. Oxford Pergamon Press, 1996. P. 145-172.
130. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»/ Ed. by. H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.
131. Ben-Shalom U., Horenczyk G. Acculturations orientations. A Facet Theory Perspective on the Bidimensional Model // J. of Cross-Cultural Psychology. 2003. Vol. 34 (2). P. 176-188.
132. Berry J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis / Canadian Journal of Behavioural Science. 1984. Vol. 16. P. 353-370.
133. Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society / International Journal of Intercultural Relations. 1979. Vol. 3. P. 99-112.
134. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey / Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. Vol. 27 (3). P. 301-320.
135. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.

136. Berry J.W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism / Potsdam, N.J., Wiley. 1984.
137. Berry J.W. Acculturative Stress // Psychology and Culture / Ed. by. W.J. Lonner, R.S. Malpass. New York, 1994.
138. Berry J.W. Aboriginal cultural identity // The Canadian journal of native studies. 1999. Vol. 19(1) P. 1-36.
139. Berry J.W., Sam D. Acculturation and adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Vol. 3. Social behaviour and applications / Ed. by. J.W. Berry, M.H. Segall, Kagitcbasi. Boston: Allyn & Bacon. 1997. P. 291-326.
140. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction / Oxford, Pergamon, 1982.
141. Bogardus E.S. Social Distance. Ohio, 1959.
142. Bogardus E.S. Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. 34. P. 286-291.
143. Brewer M. A dual processes model of impression formation // Advances in social cognition / Ed. by R. Wyer, T. Scrull, Hillsdale, NJ: Erlbaum. Vol. (1) P. 1-36.
144. Brewer M., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N.Y.: Sage, 1976.
145. Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups. Blackwell Publishers, 2000.
146. DeRider R., Tripathi R. Norm violation and intergroup relations / Ed. by. R. Tripathi. Oxford: Clarendon, 1992.
147. Fazio R.H., Zanna M.P. Direct experience and attitude-behavior consistency // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by. L. Berkowitz. 1981. Vol. 14. N.Y.: Academic Press. P. 161-202.
148. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. N.Y., 1986.

149. Gaertner S.L., Rust M., Dovidio J.F., Bachman B. and Anastasio P. The contact hypothesis: the role of a common ingroup identity on reducing intergroup bias / *Small Group Research*. 1994. Vol. 25. P. 224-249.
150. Gordon M. *Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origins*. N.Y., 1964.
151. Gudykunst W. *Anxiety/Uncertainty Management (AUM) theory: Current status // Intercultural communication theory / Ed. by. R.L. Wiseman*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
152. Gudykunst W. et al. *Culture and interpersonal communication*. SAGE publ. Beverly Hills, 1988.
153. Glazer N. Moynihan P. *In production // Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, 1975.
154. *Handbook of Cross-Cultural Psychology. Vol. 3. Social behaviour and applications / Ed. by. J.W Berry, M.H. Segall, Kagitcbasi*. Boston: Allyn & Bacon. 1997.
155. Horenczyk G. *Migrant identities in conflict: Acculturation attitudes and perceived acculturation ideologies // Changing European identities: Social psychological analyses of social change / Ed. by. G.M. Breakwell, E. Lyons*. Oxford, 1996. P. 241-250.
156. Hofstede G. *Value system in forty countries // Explications in cross-cultural psychology / Ed. by. J. Deregowsky, S. Dzuirawiec, R. Annis*. Lisse, Netherlands: Swets and Zeitlinger. 1979, P. 389-407.
157. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
158. Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
159. Hutnik N. *Ethnic Minority Identity: A Social Psychological Perspective*. Oxford, 1991.
160. Islam M., Hewstone M. *Dimensions of contact as predictors of intergroup anxiety, perceived outgroup variability, and out group attitude // Personality and Social Psychology Bulletin*. 1993. Vol. 19. 700-710.

161. Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. 28. P. 280-290.
162. Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-attitudes // American Sociological Review. 1954. Vol. 1. P. 68-76.
163. Le Vine R., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. N.Y.: Wiley, 1972.
164. Lebedeva N., Viskochil A. The interethnic attitudes in North of Bashkir's Republic // "Culture in Interactions" International Association for Cross-Cultural Psychology Sixth European Regional Congress / Ed.by. M. Berkics. Budapest, 2003. P. 177-178.
165. Lee S., Sobal J., Frongillo E.A. Comparison of models of acculturation. The Case of Korean Americans // J. of Cross-Cultural Psychology. 2003. Vol. 34(3) P. 282-296.
166. Miller N. and Brewer M.B. Groups in Contact: The Psychology of Desegregation. N.Y.: Academic Press, 1984.
167. Moghaddam F. Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process // International J. of Intercultural Relations. 1993. Vol. 28. P. 727-741.
168. Moghaddam F., Taylor D. The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women // Canadian J. of Behavioral Science. 1987. Vol. 19. P. 121-136.
169. Moghaddam F.M Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // Ethnic Psychology: Research and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners. Amsterdam; Lisse, 1988. P. 69-77.
170. Moghaddam F.M., Taylor D.M., Wright S.C. Social psychology in cross-cultural perspective. W.H. Freeman and Company. N.Y., 1993.
171. Norman R. Affective-cognitive consistency, attitudes, conformity and behavior // J. Of Personality and Social Psychology. 1975. № 32. P. 83-91.

172. Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. Oskamp. Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000.
173. Sagiv L. & Schwartz, S. Value priorities and readiness for out-group social contact. // J. of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 437-448.
174. Sam, D.L & Berry, J.W (Eds). Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
175. Stephan W.G. The contact hypotheses in intergroup relations // Group processes and intergroup relations / Ed. by. C. Hendrick. Newbury Park CA: Sage. P. 13-41.
176. Stephan W.G., Stephan C.W. Improving intergroup relations. Sage Publications., 2001.
177. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. Oskamp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23-44.
178. Stonequist E.V. The Marginal man. A study in personality and culture Conflict. N. Y.: Russel & Russel. 1961.
179. Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Praeger, 2002.
180. Tajfel H. Experiments in vacuum / The Context of Social Psychology: A Critical Assessment. London, 1972.
181. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge and Paris, 1982.
182. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
183. Turner J. et al. Social categorization, interpersonal attraction and group formation // British J. of Social Psychology. P. 1983.
184. Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y.: Mcgraw-Hill, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Анкета, использовавшаяся в эмпирическом исследовании в Ростовской области для опроса казаков

Уважаемый друг!

Просим Вас принять участие в исследовании особенностей межнационального общения в Вашем регионе. Пожалуйста, следуйте инструкциям и не пропускайте ни одного вопроса. Анкета анонимная и результаты Вашей работы оглашению не подлежат.

1. Ответьте 6 раз на вопрос «Кто Я?»

- 1) _____ 3) _____ 5) _____
 2) _____ 4) _____ 6) _____

2. Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своему народу? (Подчеркнуть)

- 1) гордость 4) обиду
 2) спокойную уверенность 5) ущемленность, униженность
 3) никаких чувств 6) другое (укажите какое именно) _____

3. Назовите 4-5 характерных черт:

- а) русских б) казаков в) украинцев г) армян д) чеченцев е) цыган ж) турок-месхетинцев
- | | | | | | | |
|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |

4. Отметьте степень Вашего согласия с утверждениями в соответствии со шкалой: 1 – абсолютно не согласен, 2 – отчасти не согласен, 3 – не знаю, 4 – отчасти согласен, 5- абсолютно согласен

.№		1	2	3	4	5
1.	За границей мне было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа. П					
2.	Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга					
3.	Не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались, каждый точно должен знать свои корни. А (-)					
4.	Если в семье появится человек другой национальности, это осложнит взаимопонимание					
5.	Несмотря на то, что вокруг меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю свои национальные корни. (-) А					
6.	Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей					
7.	Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности. П (-)					
8.	Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности					
9.	Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести. А					
10.	Если бы у меня сейчас была возможность выбирать национальность, я выбрал бы ту же самую. П					

11.	Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомясь						
12.	Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа						
13.	Я не уверен, что являюсь представителем того народа, к которому относят меня окружающие. А						
14.	Я не люблю, когда меня лишний раз спрашивают о моей национальности и, в подобных случаях стараюсь аккуратно сменить тему разговора. (-) П						

5. Выберите один или несколько из предложенных вариантов ответов для каждой группы, отметив их значком “+”:

Я ничего не имею против того, чтобы представители этих групп:	казак	русский	армянин	украинец	чеченец	цыган	турок-мехетинец
1. Жили со мной в одном городе							
2. Были бы моими соседями							
3. Учились бы вместе со мной							
4. Были бы моими друзьями							
5. Были бы моими родственниками							
6. Были бы членами моей семьи							

6. Оцените указанные группы и (и себя самого) по предъявленному набору качеств от 0 до 5 (0 - отсутствие качества, 5-максимальная выраженность).

	Сильный	Трудолюбивый	Агрессивный	Умный	Религиозный	Сплоченный
Казак						
Русские						
Армяне						
Украинцы						
Чеченцы						
Турки-мехетинцы						
«народ, которым я восхищаюсь»						
«народ, который мне неприятен»						
«народ-завоеватель»						
«покоренный народ»						
Цыгане						
Я сам						

7. Согласны ли Вы с этими высказываниями? (обведите на шкале цифру в кружок)

а) Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов.

1-----2-----3-----4-----5

абсолютно не согласен скорее всего не согласен отчасти согласен, а отчасти – нет скорее всего согласен абсолютно согласен

Каких и почему?

б) Я ощущаю себя русским 1-----2-----3-----4-----5
 совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

в) Я ощущаю себя казаком 1-----2-----3-----4-----5
 совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

г) Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу:

1-----2-----3-----4-----5
 совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

8. В каких жизненных ситуациях Вы наиболее остро чувствуете, что Вы казак? (напишите)

9. Чем, на Ваш взгляд казаки отличаются от других русских? (напишите)

10. Какие черты присущи казакам?

Положительные черты

Отрицательные черты

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

11. Любой ли русский может быть казаком?

Если нет, то почему? _____

12. Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности:

- а) никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной основе;
- б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность ;
- в) были затруднения в личном общении ;
- г) были затруднения на бытовом уровне ;
- д) испытывал(-а) ограничения в получении работы;
- е) другое (укажите, что именно) _____

Ваш пол _____ Возраст _____ Образование _____ Национальность _____

Национальность Ваших родителей: Отца _____ Матери _____

Какую религию Вы исповедуете? _____

Насколько Вы религиозны (подчеркните): а) очень в) средне в) совсем нет

Если прибыли сюда, то откуда _____ как давно _____

Анкета, использовавшаяся в эмпирическом исследовании в Ростовской области для опроса русских

Уважаемый друг!

Просим Вас принять участие в исследовании особенностей межнационального общения в Вашем регионе. Пожалуйста, следуйте инструкциям и не пропускайте ни одного вопроса. Анкета анонимная и результаты Вашей работы оглашению не подлежат.

2. Ответьте 6 раз на вопрос «Кто Я?»

- 1) _____ 3) _____ 5) _____
 2) _____ 4) _____ 6) _____

2. Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своему народу? (Подчеркнуть)

- 4) гордость 4) обиду
 5) спокойную уверенность 5) ущемленность, униженность
 6) никаких чувств 6) другое (укажите какое именно) _____

3. Назовите 4-5 характерных черт:

- а) русских б) казаков в) украинцев г) армян д) чеченцев е) цыган ж) турок-месхетинцев
- | | | | | | | |
|-------|-------|-------|-------|-------|-------|-------|
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |
| _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ | _____ |

4. Отметьте степень Вашего согласия с утверждениями в соответствии со шкалой: 1 – абсолютно не согласен, 2 – отчасти не согласен, 3 – не знаю, 4 – отчасти согласен, 5- абсолютно согласен

№		1	2	3	4	5
1.	За границей мне было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа. П					
2.	Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга					
3.	Не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались, каждый точно должен знать свои корни. А (-)					
4.	Если в семье появится человек другой национальности, это осложнит взаимопонимание					
5.	Несмотря на то, что вокруг меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю свои национальные корни. (-) А					
6.	Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей					
7.	Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности. П (-)					
8.	Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности					
9	Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести. А					
10.	Если бы у меня сейчас была возможность выбирать национальность, я выбрал бы ту же самую. П					

11.	Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь						
12.	Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа						
13.	Я не уверен, что являюсь представителем того народа, к которому относят меня окружающие. А						
14.	Я не люблю, когда меня лишний раз спрашивают о моей национальности и, в подобных случаях стараюсь аккуратно сменить тему разговора. (-) П						

5. Выберите один или несколько из предложенных вариантов ответов для каждой группы, отметив их значком “+”:

Я ничего не имею против того, чтобы представители этих групп:	казак	русский	армянин	украинец	чеченец	цыган	турок-мехетинец
1. Жили со мной в одном городе							
2. Были бы моими соседями							
3. Учились бы вместе со мной							
4. Были бы моими друзьями							
5. Были бы моими родственниками							
6. Были бы членами моей семьи							

6. Оцените указанные группы и (и себя самого) по предъявленному набору качеств от 0 до 5 (0 - отсутствие качества, 5-максимальная выраженность).

	Сильный	Трудолюбивый	Агрессивный	Умный	Религиозный	Сплоченный
Казак						
Русские						
Армяне						
Украинцы						
Чеченцы						
Турки-мехетинцы						
«народ, которым я восхищаюсь»						
«народ, который мне неприятен»						
«народ-завоеватель»						
«покоренный народ»						
Цыгане						
Я сам						

7. Согласны ли Вы с этими высказываниями? (обведите на шкале цифру в кружок)

а) Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов.

1-----2-----3-----4-----5

абсолютно не согласен скорее всего не согласен отчасти согласен, а отчасти – нет скорее всего согласен абсолютно согласен

Каких и почему?

б) Я ощущаю себя русским 1-----2-----3-----4-----5
совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

в) Я ощущаю себя казаком 1-----2-----3-----4-----5
совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

г) Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу:

1-----2-----3-----4-----5
совсем не ощущаю ощущаю, но очень слабо иногда ощущаю, а иногда – нет ощущаю почти всегда ощущаю в полной мере

8. Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности:

- а) никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной основе;
- б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность ;
- в) были затруднения в личном общении ;
- г) были затруднения на бытовом уровне ;
- д) испытывал(-а) ограничения в получении работы;
- е) другое (укажите, что именно) _____

Ваш пол _____ Возраст _____ Образование _____ Национальность _____

Национальность Ваших родителей: Отца _____ Матери _____

Какую религию Вы исповедуете? _____

Насколько Вы религиозны (подчеркните): а) очень в) средне в) совсем нет

Если прибыли сюда, то откуда _____ как давно _____

Анкета, использовавшаяся в эмпирическом исследовании в Ростовской области для опроса инокультурных мигрантов

Уважаемый друг!

Просим Вас принять участие в исследовании особенностей межнационального общения в Вашем регионе. Пожалуйста, следуйте инструкциям и не пропускайте ни одного вопроса. Анкета анонимная и результаты Вашей работы оглашению не подлежат.

3. Ответьте 6 раз на вопрос «Кто Я?»

- 1) _____ 3) _____ 5) _____
 2) _____ 4) _____ 6) _____

2. Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своему народу? (Подчеркнуть)

- 7) гордость 4) обиду
 8) спокойную уверенность 5) ущемленность, униженность
 9) никаких чувств 6) другое (укажите какое именно) _____

3. Назовите 4-5 характерных черт:

- а) русских б) казаков в) украинцев г) армян д) чеченцев е) цыган ж) турок-мехетинцев

_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____

4. Отметьте степень Вашего согласия с утверждениями в соответствии со шкалой: 1 – абсолютно не согласен, 2 – отчасти не согласен, 3 – не знаю, 4 – отчасти согласен, 5- абсолютно согласен

№		1	2	3	4	5
1.	За границей мне было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа. П					
2.	Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга					
3.	Не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались, каждый точно должен знать свои корни. А (-)					
4.	Если в семье появится человек другой национальности, это осложнит взаимопонимание					
5.	Несмотря на то, что вокруг меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю свои национальные корни. (-) А					
6.	Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей					
7.	Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности. П (-)					
8.	Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности					
9	Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести. А					
10.	Если бы у меня сейчас была возможность выбирать национальность, я выбрал бы ту же самую. П					

11.	Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомясь						
12.	Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа						
13.	Я не уверен, что являюсь представителем того народа, к которому относят меня окружающие. А						
14.	Я не люблю, когда меня лишний раз спрашивают о моей национальности и, в подобных случаях стараюсь аккуратно сменить тему разговора. (-) П						

5. Выберите один или несколько из предложенных вариантов ответов для каждой группы, отметив их значком “+”:

Я ничего не имею против того, чтобы представители этих групп:	казак	русский	армянин	украинец	чеченец	цыган	турок-мехетинец
1. Жили со мной в одном городе							
2. Были бы моими соседями							
3. Учились бы вместе со мной							
4. Были бы моими друзьями							
5. Были бы моими родственниками							
6. Были бы членами моей семьи							

6. Оцените указанные группы и (и себя самого) по предъявленному набору качеств от 0 до 5 (0 - отсутствие качества, 5-максимальная выраженность).

	Сильный	Трудолюбивый	Агрессивный	Умный	Религиозный	Сплоченный
Казачи						
Русские						
Армяне						
Украинцы						
Чеченцы						
Турки-мехетинцы						
«народ, которым я восхищаюсь»						
«народ, который мне неприятен»						
«народ-завоеватель»						
«покоренный народ»						
Цыгане						
Я сам						

7. Согласны ли Вы с этими высказываниями? (обведите на шкале цифру в кружок)

а) Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов.

1-----2-----3-----4-----5

абсолютно
не согласен

скорее всего
не согласен

отчасти согласен,
а отчасти – нет

скорее всего
согласен

абсолютно
согласен

Каких и почему?

б) Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу:

1-----	2-----	3-----	4-----	5
совсем не ощущаю	ощущаю, но очень слабо	иногда ощущаю, а иногда – нет	ощущаю почти всегда	ощущаю в полной мере

8. Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности:

- а) никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной основе;
- б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность ;
- в) были затруднения в личном общении;
- г) были затруднения на бытовом уровне;
- д) испытывал(-а) ограничения в получении работы;
- е) другое (укажите, что именно)_____

Ваш пол_____ Возраст_____ Образование_____ Национальность_____

Национальность Ваших родителей: Отца _____ Матери_____

Какую религию Вы исповедуете? _____

Насколько Вы религиозны (подчеркните): а) очень в) средне в) совсем нет

Если прибыли сюда, то откуда_____ как давно_____

Анкета эксперта

Учитывая Ваш профессиональный опыт и знание проблем Ростовской области, просим Вас принять участие в реализации Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе(2001-2005 годы)» и заполнить данную анкету. Анкета анонимна и ваши ответы оглашению не подлежат. Результаты опроса будут использоваться в сугубо научных целях, поэтому просим Вас отвечать как можно полнее и содержательнее.

1. Изложите, пожалуйста, Ваше мнение о межнациональных отношениях в Ростовской области. _____

2. Изменились ли межнациональные отношения в Ростовской области за последние 5 лет? Если изменились, то как? _____

3. Какие события стали поворотными в изменении межнациональных отношений в Ростовской области? _____

4. Какие причины вызывают обострение межнациональных отношений в Ростовской области? _____

5. Представители каких национальностей больше всего конфликтуют в Вашей области и почему? _____

6. В каких, на Ваш взгляд, случаях казаки готовы взяться за оружие? _____

7. Какие проблемы являются наиболее острыми для Вашей области (района)?

8. Кто может решить указанные Вами проблемы?

9. Что реально делается на местах для решения указанных Вами проблем?

10. Помогает ли создание Южного федерального округа в решении острых проблем в Вашей области? Если ДА, то как? Если НЕТ, то почему?_____

Огромное спасибо за помощь и сотрудничество!

**Средние и стандартные отклонения шкал, использовавшихся в исследовании
(Ростовская область)**

Переменные	Ростовская область					
	Казаки		Русские		Турки-месх.	
	М	σ	М	σ	М	σ
Валентность этнич. идентич.	3.6	1.6	3.5	1.5	2.3	1.75
Амбивалентность этнич. идентич.	4.7	.72	1.8	1.3	2.7	1.5
Стереотип русских	3.5	1.54	4.04	1.31	4.91	.42
Стереотип украинцев	3.5	1.54	3.76	1.54	4.81	.55
Стереотип армян	2.1	1.37	2.11	1.41	4.67	.82
Стереотип чеченцев	1.5	.88	1.77	1.17	3.75	1.50
Стереотип цыган	1.3	.66	2.39	.96	2.97	1.72
Стереотип турок-месхетинцев	1.6	.99	2.96	1.02	4.99	.12
Дифференциация по религиозн. призн.	4.62	.78	3.51	1.24	3.97	1.47
Дифференциация по этнич. призн.	3.64	1.50	1.52	1.44	3.58	1.68
Воспринимаемая дискриминация	4.90	.44	4.60	1.01	4.30	1.44
Социальная дистанция с казаками	7.00	.00	5.57	1.37	4.04	1.24
Социальная дистанция с русскими	6.80	.84	6.84	0.81	5.18	1.81
Социальная дистанция с армянами	1.82	.51	3.80	1.02	5.21	1.62
Социальная дистанция с украинцами	4.85	1.05	5.21	1.05	3.44	1.51
Социальная дистанция с чеченцами	1.21	.55	2.10	1.05	3.08	1.90
Социальная дистанция с цыганами	1.25	.76	2.28	.46	2.90	1.53
Социальная дистанция с турками	1.22	.95	3.35	1.07	6.64	.71
Этническая интолерантность	4.00	1.27	2.05	1.40	2.01	1.52
Уровень религиозности	2.19	.43	1.83	.58	1,61	.50

Приложение № 5 (продолжение таблицы)

**Средние и стандартные отклонения шкал, использовавшихся в исследовании
(Ростовская область)**

<i>Переменные</i>	Ростовская область					
	Чеченцы		Украинцы		Армяне	
	<i>М</i>	<i>σ</i>	<i>М</i>	<i>σ</i>	<i>М</i>	<i>σ</i>
Валентность этнич. идентич.	2.3	1.7	3.4	1.57	4.2	1.04
Амбивалентность этнич. идентич.	1.4	0.9	1.76	1.23	4.2	1.7
Стереотип русских	3.18	1.44	4.63	.68	4.55	.94
Стереотип украинцев	4.20	.77	4.07	1.33	4.19	1.38
Стереотип армян	3.94	1.16	2.53	1.50	4.63	.62
Стереотип чеченцев	4.56	.58	1.67	1.11	2.00	1.22
Стереотип цыган	3.84	.83	2.76	1.35	1.63	1.15
Стереотип турок-месхетинцев	3.15	1.45	2.14	1.25	1.85	1.05
Дифференциация по религиозн. призна.	4.15	1.42	4.32	1.38	4.45	1.36
Дифференциация по этнич. призна.	3.93	1.45	2.37	1.57	2.58	1.68
Воспринимаемая дискриминация	4.30	1.38	4.42	1.02	4.11	1.56
Социальная дистанция с казаками	4.71	1.81	5.82	1.73	5.21	1.20
Социальная дистанция с русскими	3.42	1.13	6.86	1.05	6.62	.96
Социальная дистанция с армянами	4.29	2.52	2.82	1.45	6.6	.95
Социальная дистанция с украинцами	3.34	1.77	6.50	.95	5.85	1.43
Социальная дистанция с чеченцами	7.00	0.00	2.72	1.71	2.85	1.90
Социальная дистанция с цыганами	4.26	2.29	1.11	.21	2.85	.54
Социальная дистанция с турками	4.86	1.15	2.31	0.98	1.72	0.99
Этническая интолерантность	2.67	1.11	2.26	1.69	2.05	1.61
Уровень религиозности	2.53	.51	2.00	.47	2.16	.69

Средние и стандартные отклонения шкал, использовавшихся в исследовании
(Ставропольский край)

Переменные	Ставропольский край					
	Армяне		Чеченцы		Дагестанцы	
	М	σ	М	σ	М	σ
Валентность этнич. идентич.	4.55	.94	4.61	.72	4.62	.62
Амбивалентность этнич. идентич.	2.7	1.04	2.90	.87	1.55	1.04
Стереотип русских	4.29	1.01	3.90	.98	4.36	.96
Стереотип армян	4.69	.61	3.43	1.07	3.13	1.44
Стереотип греков	4.38	1.38	4.04	.88	4.19	1.21
Стереотип чеченцев	2.50	1.44	4.19	.87	2.33	1.40
Стереотип дагестанцев	4.67	.69	4.03	.76	4.76	.58
Дифференциация по религиозн. призн.	3.87	1.41	3.94	1.18	3.69	1.20
Дифференциация по этнич. призн.	2.59	1.43	3.16	1.44	2.52	1.57
Воспринимаемая дискриминация	2.54	1.30	2.45	1.23	2.57	1.52
Социальная дистанция с армянами	6.00	0.00	3.19	1.25	3.86	1.79
Социальная дистанция с русскими	5.28	1.12	4.39	1.15	4.98	1.14
Социальная дистанция с греками	4.59	1.41	3.58	1.34	3.71	1.71
Социальная дистанция с дагестанцами	3.41	1.94	4.87	1.43	5.69	.78
Социальная дистанция с чеченцами	2.98	1.96	5.81	.54	2.29	1.84
Этническая интолерантность	2.04	1.30	2.68	1.25	2.12	1.23
Уровень религиозности	1.94	.50	1.84	.64	1.83	.54

Приложение № 6 (продолжение таблицы)

Средние и стандартные отклонения шкал, использовавшихся в исследовании
(Ставропольский край)

Переменные	Ставропольский край			
	Греки		Русские	
	М	σ	М	σ
Валентность этнич. идентич.	4.77	.63	3.53	1.45
Амбивалентность этнич. идентич.	1.54	.76	1.76	.94
Стереотип русских	4.00	.90	4.35	.64
Стереотип армян	2.91	1.06	3.55	1.24
Стереотип греков	4.87	.34	4.11	1.22
Стереотип чеченцев	2.21	1.05	1.65	.74
Стереотип дагестанцев	3.31	.89	3.14	1.42
Дифференциация по религиозн. призн.	3.77	1.25	3.96	1.10
Дифференциация по этнич. призн.	2.28	1.57	2.93	1.22
Воспринимаемая дискриминация	2.38	1.33	1.94	1.09
Социальная дистанция с армянами	3.49	1.83	3.12	2.00
Социальная дистанция с русскими	4.97	.99	5.91	.53
Социальная дистанция с греками	5.58	.87	3.38	1.81
Социальная дистанция с дагестанцами	2.74	1.85	2.31	1.61
Социальная дистанция с чеченцами	1.92	1,71	1.58	1.19
Этническая интолерантность	1.82	1.02	2.97	1.12
Уровень религиозности	.92	.27	.88	.36

**Средние и стандартные отклонения шкал, использовавшихся в исследовании
(Краснодарский край)**

<i>Переменные</i>	Краснодарский край							
	Казаки		Курды		Русские		Турки	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
Валентность этнич. идентич.	4.18	1.16	4.08	1.34	3.86	1.40	2.20	1.51
Амбивалентность этнич. идентич.	2.52	1.34	2.54	1.53	2.14	1.28	2.54	1.41
Стереотип русских	4.68	.89	4.78	.74	3.82	1.32	4.14	1.03
Стереотип курдов	2.58	1.61	4.62	.83	2.46	1.36	4.24	1.16
Стереотип казаков	4.76	.72	3.02	1.53	3.28	1.51	3.12	1.44
Стереотип чеченцев	1.60	1.06	2.72	1.37	1.78	1.23	2.62	1.48
Стереотип турок-месхетинцев	1.77	1.37	4.04	1.29	2.18	1.25	4.78	.46
Дифференциация по религиозн. призна.	4.52	1.01	3.78	1.45	3.98	1.30	4.00	1.28
Дифференциация по этнич. призна.	4.06	1.33	2.20	1.65	2.49	1.53	2.44	1.69
Воспринимаемая дискриминация	2.50	1.25	2.36	1.35	2.30	1.27	2.34	1.61
Социальная дистанция с русскими	7.00	0.00	6.80	.61	7.0	0.0	6.26	1.7
Социальная дистанция с турками	.84	1.84	4.32	2.72	2.46	2.54	6.88	.59
Социальная дистанция с казаками	6.96	.28	3.76	2.98	4.82	2.93	4.76	2.45
Социальная дистанция с чеченцами	.54	1.47	2.98	2.89	1.64	2.61	4.72	2.42
Социальная дистанция с курдами	.76	1.79	6.9	.42	2.42	2.70	5.24	2.01
Этническая интолерантность	3.54	1.59	2.12	1.64	3.00	1.36	2.72	1.28
Уровень религиозности	3.50	1.27	3.68	1.49	2.84	1.31	4.62	.90